

На правах рукописи

Райскина Валерия Александровна

**ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ДИСКУРСОВ)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

**Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Л.Г. Викулова**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ	15
1.1. Лексема <i>chevalier</i> как объект семиотического анализа.	15
1.2. Паспорт лингвокультурного типажа <i>chevalier médiéval</i>	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	51
ГЛАВА 2. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА <i>CHEVALIER MÉDIÉVAL</i> В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	53
2.1. Аксиологический анализ языковой концептуализации рыцаря в художественном дискурсе XII-XIII вв.	53
2.1.1 Языковая репрезентация образа «рыцарь верный» (<i>chevalier loyal</i>) в героическом эпосе.....	57
2.1.2 Языковая репрезентация образа «рыцарь учтивый» (<i>chevalier courtois</i>) в куртуазной поэзии	71
2.1.3. Языковая репрезентация образа «рыцарь-христианин» (<i>chevalier chrétien</i>) в прозаическом романе.....	87
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	101
ГЛАВА 3. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА <i>CHEVALIER MÉDIÉVAL</i> В НАУЧНО- ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX-XXI ВЕКОВ.	103
3.1. Характеристика научно-исторического дискурса.....	103
3.2. Способы выражения оценки в научно-историческом дискурсе	114
3.3. Семантико-аксиологическая эволюция образа <i>chevalier</i> в современном научно-историческом дискурсе.....	123
3.3.1. Вариативность дефиниций понятия <i>chevalier médiéval</i>	123
3.3.2. Переоценка образа «рыцарь верный» (<i>chevalier loyal</i>)	134
3.3.3. Переоценка образа «рыцарь учтивый» (<i>chevalier courtois</i>)	146
3.3.4. Переоценка образа «рыцарь-христианин» (<i>chevalier chrétien</i>) ...	157
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	174
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	179
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	200
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	201
СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ.....	203
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена изучению языковой аксиологической репрезентации средневекового рыцаря (*chevalier médiéval*) в художественном дискурсе XII-XIII вв., а также анализу переоценки данного лингвокультурного феномена во французском и в русском научно-историческом дискурсе XX-XXI вв. Рыцарь рассматривается как модельная личность и лингвокультурный типаж, содержание которого составляет типизируемый комплексный образ представителя феодально-христианской лингвокультуры Средневековья.

Исследование выполнено в рамках лингвокультурологического подхода к языковым реалиям, который предполагает описание рыцарства через концепты и языковые средства их репрезентации в текстах культуры, относящихся к художественному и научно-историческому дискурсивным типам. Работа направлена на выявление ценностных доминант средневековой феодальной культуры, а также на изучение их критического переосмысления в современных научных текстах по истории. Анализ диахронической эволюции оценок позволил проследить семантические трансформации на уровне языковых единиц с аксиологическим потенциалом. Как следствие, средневековая этика исследуется в диахроническом ракурсе: рассматриваются ретроспективное и современное состояния системы ценностей, входящих в представление о мужчине-рыцаре.

Актуальность исследования определяется, в первую очередь, необходимостью комплексного подхода к анализу описания личности с позиций современной антропологической переориентации гуманитарного знания и с учетом исторической изменчивости исследуемой категории. Во-вторых, выявление ценностных доминант, определяющих средневековую лингвокультуру, отвечает актуальной аксиологической парадигме, так как показывает процесс формирования этического мировоззрения в отношении человека и демонстрирует средневековые ценностные приоритеты и их переосмысление в современном научно-историческом дискурсе, имеющем иную объяснительную направленность. Диахронический взгляд на языковую концептуализацию рыцаря позволяет частично выявить предпосылки зарождения современных социальных и гендерных представлений о маскулинном поведении. В-третьих, актуальность подтверждается

применяемой методологией – применением методов корпусной лингвистики и компьютерного анализа текстов на базе диахронных электронных корпусов.

Объект исследования включает в себя: 1) средневековые французские литературные произведения различных жанров художественного дискурса; 2) современные франкоязычные и русскоязычные тексты, принадлежащие научно-историческому дискурсу.

Предметом исследования являются вербальные средства выражения оценки типажа *средневековый рыцарь* с позиции семантических и грамматических особенностей выражений с аксиологическим компонентом. Изучение конструирования оценки позволяет восстановить средневековую ценностную систему с учетом жанровых канонов и определить эволюцию ценностей в современной исторической науке с учетом формата научного дискурса.

Проблематика исследования связана с расхождением между аксиологическим позиционированием рыцарства в средневековом художественном дискурсе и критическим восприятием рыцаря современными историками. С одной стороны, в эпоху европейского феодализма именно рыцарское сообщество воплощало феодальные, куртуазные и христианские ценности. С другой стороны, современные медиевисты подчеркивают нереалистичный и идеологизированный портрет «идеального рыцарства», который был создан в клерикальной, эпической и куртуазной литературе. Ставится вопрос о негативной этике рыцарства.

Проблема ценностного разночтения порождает интерес к изучению процессов конструирования и переоценки рыцарской идеологии. В этой связи, выбранный **материал анализа** способов аксиологической репрезентации рыцаря разделен по типологическому критерию на: (1) жанр средневекового художественного дискурса и (2) жанр научно-исторического дискурса. В качестве единицы исследования принят минимальный текстовый фрагмент, включающий субъективную аксиологическую характеристику концепта *рыцарь* и его составляющих.

Для исследования языкового позиционирования рыцарства в художественном дискурсе Высокого Средневековья выбраны три распространенных жанра:

1. Песнь о деяниях (*chanson de geste*): *Chanson de Roland* (1100 г.), *Chanson de Guillaume* (1140 г.), *Charroi de Nîmes* (XII в.) и *Chanson du Pèlerinage de Charlemagne* (XIII в.) – материал общим объемом около 80 тыс. слов;

2. Куртуазная лирика (*poésie courtoise*): 5 бретонских лэ Марии Французской (1190-1210 гг.), 3 романа Кретьена де Труа (1170-1190 гг.), анонимная пикардская фабула *Aucassin et Nicolette* (конец XII в.) и малые поэтические произведения трубадуров и труверов – объем около 162 тыс. слов;

3. Рыцарский роман (*roman de chevalerie, roman d'aventure*): *Queste del Saint Graal* (1215-1220 гг.) из цикла *Вульгата* – объем около 110 тыс. слов.

Отбор материала исследования определен такими критериями, как единство времени (период Высокого Средневековья XII-XIII вв.) и места (рукописи относятся к шампанской, нормандской, пикардской и парижской скриптам северной диалектной группы *langue d'oïl*), тематическое единство (рыцарские авантюры). С другой стороны, анализ диахронных представлений о рыцарстве проведен на материале научно-исторического дискурса XX-XXI вв. В частности, изучены теоретические исторические труды 7 отечественных и 15 французских ученых общим объемом 55 текстов, включающих 32 монографии и 33 статьи в научных и энциклопедических изданиях. Медиевистские труды объединены по тематическому критерию: вопросы феодализма, куртуазии, кодекса чести и рыцарской идеологии.

Цель исследования заключается в сопоставлении комплекса языковых средств аксиологической репрезентации рыцарства в художественном дискурсе XII-XIII вв. с лингвистическими способами переоценки рыцарства в современном французском и отечественном научно-историческом дискурсе. Цель обусловила необходимость постановки и решения следующих **исследовательских задач**:

1. Выявить особенности лингвоаксиологической концептуализации лингвокультурного типажа *средневековый рыцарь* (*chevalier médiéval*), представленного в художественном дискурсе XII-XIII вв. в сопоставлении с современным научно-историческим дискурсом;

2. Представить комплексный семиотрический анализ базовой лексики *chevalier* (рыцарь) и смоделировать паспорт лингвокультурного типажа средневекового рыцаря;

3. Описать средства аксиологической языковой репрезентации рыцаря, используемые в трех ценностно образующих литературных жанрах: героический эпос, рыцарский роман и куртуазная лирика;

4. Проанализировать семантико-аксиологическую эволюцию концепта *chevalerie*, описав языковые средства переоценки лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* в современном научно-историческом дискурсе.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения и труды отечественных и зарубежных специалистов во следующем направлении:

- антропологистика и лингвокультурология (В.М. Алпатов, Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.Н. Телия) – соотнесение явлений языка и культуры с языковой личностью и речевым поведением;
- аксиология и теория ценностей (Л.Г. Викулова, А.А. Ивин, А.О. Манухина, Е.Ф. Серебренникова, О.В. Томберг) – понимание оценочности как базовой характеристики бытия, мышления и речевой деятельности человека;
- лингвоперсонология и теория лингвокультурного типажа (О.А. Дмитриева, В.И. Карасик, И.А. Мурзинова, Е.Ю. Скачко, Г.Г. Слышкин) – изучение стереотипных представлений о феноменах культуры в рамках теории *лингвокультурных типажей и концептов*;
- лингвосоциология и лингвокультурология Средневековья, медиевистика (М. Блох, Т.И. Вендина, А.Я. Гуревич, Ж. Дюби, Т.Г. Игнатьева, Ф. Ишер, Д. Летт, Ж. Маторе, М. Оссовская, М. Пастуро, Л.П. Репина, Л.А. Становая, Й. Хейзинга) – исследование исторической изменчивости и развития языковых явлений в их корреляции с экстралингвистическими факторами;
- дискурсивная лингвистика и теория коммуникации (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Т.В. Матвеева, С.Г. Проскурин, В.Е. Чернявская) – дискурсивный подход к анализу текстов, классификация и особенности дискурсивных жанров.

Важными для исследования стали труды, посвященные историографии и культурологии рыцарства (М. Орелл, Д. Бартелеми, С. Брукет, Л. Готье, Г. Коэн, Ж. Флори) и литературоведению (З.Н. Волкова, А.Д. Михайлов, М.К. Сабанеева, Ж. Ле Гофф). Существенный вклад в изучение проблемы внесли исследования

научного и исторического дискурсов (П. Вейн, О.Г. Дука, А.П. Миньяр-Белоручева).

Исследование носит междисциплинарный гуманитарный характер и обращается к областям лингвистики, культурологии, истории, философии и социологии. Данный подход отвечает требованиям интегративности современного языкознания, нацеленного на синкретичное выявление глубинных механизмов и причин эволюции языка и культуры с учетом достижений смежных наук. В этой связи, за основу принято несколько основополагающих **методологических принципов**.

Во-первых, *принцип антропоцентризма* признает язык конституирующим элементом культуры и мышления. Человекоориентированный подход к художественному тексту выражается в анализе антропологического архетипа *рыцарь* на материале диахронических текстов, которые являются единственной возможностью изучить несохранившийся язык и средневековую культуру. В рамках представленной парадигмы интерес вызывают поиски путей диахронической реконструкции образа представителя определенной социальной группы и приписываемых ему ценностных ориентаций.

Во-вторых, *нарративный принцип*, применяемый для анализа художественного и научно-исторического текстов, предполагает рассмотрение текстового произведения как акта коммуникации автора и читателя. Это обосновывает идею о субъективной, оценочной природе художественного и научно-исторического дискурсов, отражающих когнитивные процессы и прагматические установки адресанта. Оценка рассматривается как категория мышления, фиксируемая в системе ценностей, кодексах и этических прескрипциях.

В-третьих, *принцип историзма* предписывает диахронический взгляд на изучаемые категории, понимание подвижности, исторической изменчивости и культурной детерминированности явлений и процессов языка, общества и культуры. Данный принцип обуславливает предпринятый диахронический подход к исторически подвижной категории оценки.

Для лингвистической диахронической реконструкции антропологического архетипа *рыцарь* на первом этапе исследования применен комплексный лингвистический **метод семиотрии**, включающий элементы этимологического,

дефиниционного и компонентного анализа. На втором этапе применен метод *моделирования паспорта лингвокультурного типажа* с использованием результатов контент-анализа в диахронных текстовых корпусах с последующей статистической интерпретацией результатов. На завершающем этапе методом *лингвоаксиологического анализа* исследованы особенности концептуализации средневекового рыцаря на материале художественного и научно-исторического дискурса.

Электронный корпусный текстовый анализ значительно повышает эффективность исследования и расширяет эмпирическую базу ввиду автоматизированной системы отбора, обработки и вывода результатов. Анализ средневекового художественного дискурса проведен с использованием диахронных корпусов художественных текстов *DECT* и *BFM*, оснащенных инновационными цифровыми инструментами поиска и анализа.

Корпус *DECT* (Электронный словарь Кретьена де Труа – *Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes*) включает 5 старофранцузских текстов жанра поэтического куртуазного романа XII в. Кретьена де Труа (1135-1183). Данная текстово-аналитическая база содержит более 220.000 слов, адаптированных к современному цифровому формату на основе рукописных текстов (1230-1240 гг., шифр fr. 794 в Национальной Французской библиотеке). Платформа корпуса поддерживает способ кодировки текстовых данных *XML*. Кроме электронной картотеки текстов корпус содержит цифровой инструментарий: чтение списка лексики и переход от издания к лексике и обратно, поиск по словоформе, по этимону, по лемме, по грамматической категории, по лексике, по сочетанию лексем, словоформ и грамматических категорий. Приведем некоторые использованные поисковые запросы:

- поиск лексемы (*honneur*):
 - recherche dans le lexique > recherche d'une entrée > [VED=onor] > structure;
- поиск паремии по ключевому слову (*vasselage*):
 - recherche dans le lexique > recherche de proverbes > [VED=vasselage] > structure;

- поиск сочетания ключевого слова (*chevalier*) и части речи (имя прилагательное) с интервалом до 10 языковых единиц:

○ cooccurrences de deux mots > mot 1 > lemme = chevalier > mot 2 > code = adj. > options > ordre des mots = ordre des mots indifférent > entre les mots = maximum 10 > lancer la recherche.

Корпус *BFM* (База средневекового французского языка – *La Base du Français Médiéval*) является электронным изданием романа XIII в. «В поисках Святого Грааля» (*Queste del Saint Graal*). Основой для электронной версии послужила рукопись из Лионской Муниципальной Библиотеки (1225 г., шифр ms. PA 77). Корпус отличают большой текстовый объем (67 оцифрованных манускриптов и более 110.000 слов) и наличие аналитического инструментария (аннотация, морфосинтаксическая разметка, лемматизация, паспортизация). Для реализации поиска используется язык компьютерного запроса *CQL* (*Contextual Query Language*), который состоит из тегов и позволяет производить поиск и отбор языкового материала несколькими способами: поиск графического написания, поиск по лемме, по грамматической категории, поиск вариантов написания диакритических знаков или регистра букв, создание индексов, контекстов и конкордансов. В работе использованы следующие поисковые запросы:

- контекстный поиск лексемы (*pleurer*):
 - contexte > requête = [frlemma="plorer"];
- поиск частотности лексемы (*épée*), включающий единственное и множественное число:
 - index > requête = [word="espee.*"];
- вариативный поиск грамматических форм лексемы (*chevalier/chevalerie*) без учета регистра:
 - index > requête = [word="cheval(ier.*|eri.*)"%c];
- поиск сочетания лексемы (*plus*) и части речи (имя прилагательное) для формы превосходной степени:
 - concordances > requête = [frlemma="plus"] [pos="ADJ"];
- поиск сочетания части речи (глагол) и прямой речи с возможным интервалом:
 - contexte > requête = [pos="VERcjc"] []? q="[123]".

Научная новизна исследования заключается в применении инновационной методики компьютерного анализа с использованием диахронических онлайн-корпусов и технологии анализа «больших данных» (*big data*) для изучения исторической подвижности оценки типажа *средневековый рыцарь*. Впервые проблематика переоценки рассматривается в сопоставительном аспекте на материале художественного и научно-исторического дискурсов. Предложен нетрадиционный подход к диахроническому художественному тексту как к жанру дискурса в силу наличия лингвистических, прагматических и лингвокультурных компонентов, особенностей речевой коммуникации и ее участников. Уточнены и дополнены представления о теории лингвокультурного типажа на примере типизируемой личности *средневекового рыцаря*. Выдвинуто новое положение о наличии в научно-историческом дискурсе индивидуально-авторских субъективных оценок маскулинного типажа *средневековый рыцарь*.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке проблемы лингвоаксиологической концептуализации модельной личности (по Т.Г. Игнатъевой и В.И. Карасику) средневекового рыцаря. Дополнительное развитие получает лингвоперсонологическая теория, в частности, дополнена методика моделирования паспорта лингвокультурного типажа. Анализ вносит вклад в гендерную лингвистику и в малоизученную область диахронических гендерных исследований. Ценностный подход и метод семиотрии способствуют дальнейшей разработке теории ценностей и лингвоаксиологии.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения результатов исследования при разработке лингвистических теоретических и практических курсов (информационные технологии в лингвистике, история зарубежной литературы, история языка, методология лингвистики). Основы аксиологического подхода к тексту могут найти применение в исследованиях речевой коммуникации. Углубленное описание концепта *рыцарь* применимо для изучения французской лингвокультуры в рамках теории и практики межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и концептологии. Приведенные языковые примеры, выводы и положения могут быть использованы в лексикографической практике, при разработке учебно-методических пособий, написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **теоретические положения**:

1. *Рыцарь* является модельной личностью, конструирующей средневековую лингвокультуру, так как в наибольшей степени отражает куртуазные, моральные и христианские идеалы культуры. Идеализация и героизация рыцаря в художественном дискурсе указывают на формирование эталона, который синтезирует и вербализует элементы аксиологической системы Средневековья. В связи с этим, лексема *chevalier* является ключевым словом семиотического анализа, направленного на выявление особенностей социального мира средневековой Европы на основе синтеза значений и ценностных смыслов, приписываемых понятию *chevalier*.

2. *Рыцарь* рассматривается как лингвокультурный типаж, значимый для моделирования средневековой феодально-религиозной культуры. Моделирование паспорта лингвокультурного типажа связано с лингвистической диахронической реконструкцией и направлено на воссоздание фрагмента лингвокультуры через анализ ее носителей на примере дискурсивных практик, представленных в художественных текстах XII-XIII вв.

3. Аксиологический подход к вербальной репрезентации лингвокультурного типажа *средневековый рыцарь* позволяет описать систему ценностей, отраженную в старофранцузских текстах. Положительная валоризация рыцаря проявляется на уровнях семиотизации, формальной и оценочной номинации, вербального портретирования, особенностей речевого поведения. Выявление ценностных доминант архетипа рыцаря позволяет выделить три образа, которые демонстрируют ценности средневековой лингвокультуры: *рыцарь верный* (*chevalier loyal*), *рыцарь учтивый* (*chevalier courtois*) и *рыцарь-христианин* (*chevalier chrétien*).

4. Научно-исторический дискурс является продуктивным материалом для изучения оценки типажа *средневековый рыцарь*, так как сочетает элементы научного и художественного дискурсов: описание объективных фактов истории совмещено с их авторской реконструкцией и субъективной интерпретацией. Оценочный компонент выражается через экспрессивно-эмоционально-оценочные лингвистические средства (оценки). Анализ данного дискурса позволяет изучить индивидуально-авторские и общенаучные оценки феномена рыцарства.

5. В современных медиевистских трудах наблюдается концептуальная эволюция и аксиологическая трансформация понятия *рыцарь*, закреплённого в текстовых источниках Средневековья. На основании учета культурной и исторической детерминированности ценностей, в современном научно-историческом дискурсе наблюдается критическая интерпретация феномена *рыцарь*, не совпадающего с эталоном средневекового художественного образа. Переоценка выражается на языковом уровне и передает положительные и отрицательные ценностные компоненты типажа *средневековый рыцарь*.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в виде докладов на следующих научных конференциях:

- Объединенная международная научная конференция «Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы» (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, сентябрь 2017 г.)
- Международная студенческая научно-практическая конференция «Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском пространстве» (ФГБОУ ВО НГЛУ, Нижний Новгород, октябрь 2017 г.)
- Международная научная конференция XV Виноградовские чтения «Текст, контекст, интертекст» (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, март 2018 г.)
- Научная конференция «НАУЧНЫЙ СТАРТ-2019: инвестиции в профессиональный потенциал» (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, март 2019 г.)
- Международная научно-практическая конференция «Аутентичный диалог России и франкоязычного мира в пространстве культуры, языка, литературы» (ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, апрель 2019 г.)
- Международная научная конференция молодых ученых «День науки – 2019» (ФГБОУ ВО АлтГПУ, Барнаул, апрель 2019 г.)
- XX Международный научно-практический форум «Молодежь и наука XXI в.» (ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск, апрель 2019 г.)
- XIX Международная конференция Школы-семинара им. Л.М. Скрединой «Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы» (Карельский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, Петрозаводск, сентябрь 2019 г.)

- XII Colloque «Les études françaises aujourd'hui: entre l'Est et l'Ouest» (Факультет Философии Университета г. Ниш, Сербия, ноябрь 2019 г.)

Основные положения диссертации отражены в 9 публикациях общим объемом 4,5 п.л., (из них 4 работы (2,75 п.л.) опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, 1 работа (1,2 п.л.) опубликована в издании, рецензируемом международной базой *Web of Science*).

Основное содержание работы изложено на 203 страницах и включает введение, три главы, заключение, список литературы (270 позиции, в том числе 86 на иностранных языках), список источников и принятых сокращений (15 позиций), список словарей (16 позиций), интернет-источников (5 позиций) и 6 приложений.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, описываются методологические принципы и методы исследования, теоретическая и практическая значимость, определяются теоретико-методологическая база исследования и положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Формирование лингвокультурного типажа средневекового рыцаря» приводится теоретическое описание средневекового рыцаря с позиции теории лингвокультурного типажа. Описывается методология семиотрического анализа на примере лексемы *chevalier*. Представлен паспорт типажа *chevalier médiéval*.

В главе 2 «Аксиологическая концептуализация лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* в средневековом художественном дискурсе» характеризуется ценностный подход к концептуализации рыцаря. Оценочное позиционирование типажа описывается по ключевым концептам – *верность* (*chevalier loyal*), *учтивость* (*chevalier courtois*) и *вера* (*chevalier chrétien*) на материале жанров художественного дискурса XII-XIII вв.: героический эпос, куртуазная поэзия и прозаический роман.

В главе 3 «Аксиологическая концептуализация лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* в научно-историческом дискурсе XX-XXI веков» описываются особенности научно-исторического дискурса и специфика выражения оценки. Семантико-аксиологическое позиционирование типажа *chevalier médiéval* исследуется на материале современного научно-исторического дискурса.

В Заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются основные выводы, а также предлагаются направления дальнейшего изучения проблематики исследования.

В Приложении содержатся дополнительные материалы: текстовые фрагменты художественного и научно-исторического дискурсов; биографические и библиографические данные персоналий ученых; метаданные средневековых произведений; диаграмма частотности ценностей по результатам контент-анализа современного научно-исторического дискурса.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ

1.1. Лексема *chevalier* как объект семиотрического анализа

В рамках современной общегуманитарной антропоцентрической парадигмы интерес ученых вызывают проблемы, связанные с реконструкцией личности и структурой ее ценностного мира. Инструментарий диахронической лингвокультурологии делает возможным изучение тех этапов эволюции человека, общества и ментальности, которые обусловлены изменениями социального, политического и культурного фона в определенную эпоху. В частности, изучению средневекового общества и картине мира посвящены труды по истории культуры и ментальностей (П.М. Бицилли, Я. Буркхардт, Т.И. Вендина, А.Я. Гуревич, В.П. Даркевич, М. Пастуро), социальной стратификации и идеологии (М. Орелл, Д. Бартелеми, Ж. Дюби, Т.Г. Игнатьева, Ф. Ишер, Ф. Кардини, Д. Летт, Ж. Ле Гофф, Ж. Флори) и литературоведению (М. Зинк, П. Зюмтор, Е.М. Мелетинский, А.Д. Михайлов).

В центре внимания настоящего исследования находится более узкий вопрос о языковой реконструкции рыцарства времен европейского феодализма. Метод лингвистической диахронической *реконструкции* состоит в воссоздании исторического антропологического архетипа по текстам, содержащим средства его вербальной и аксиологической концептуализации [Ракитянская 2007: 6, 72].

Период Высокого Средневековья (XII-XIII вв.) характеризуется укреплением феодально-сеньориальной системы, которая привела к коренным изменениям социополитической ситуации и картины мира современника эпохи. Отечественный медиевист А.Я. Гуревич отмечает, что в этот период «начинается история человеческой личности» [Словарь средневековой культуры 2003: 16].

Очевидным становится переход к новой, феодально-религиозной системе ценностей, которая находит отражение в стереотипе средневекового мужчины, прежде всего, рыцаря, по ряду причин. В-первых, геополитическая напряженность и слабость королевской власти определяют растущий престиж служащего рыцарства, которое к концу XI в. приобретает статус аристократического и привилегированного военного класса, получая в качестве номинации указание на знатное происхождение – *nobilitas* [Duby 2008: 29]. Во-вторых, рассматриваемый

период отмечен *феодалной мутацией* (*mutation féodale*) начала IX в. [Barthélemy 2012: 129], которая проявляется в упадке королевской власти, постоянных военных конфликтах между феодальными владениями (герцогствами и графствами) и в военно-христианских Крестовых походах на Восток. В описанных условиях рыцарство остается единственной боевой силой. В-третьих, для периода Средних веков характерна культура *андроцентризма*, т.е. приоритет мужского начала, маскулинная гендерная доминанта в нормах и оценках [Duby 2010: 7; Суприянович 2017: 55; Томберг 2019: 292]. Связь исторического развития языка с экстралингвистическими причинами раскрывается в сосуществование внешних и внутренних факторов языковых изменений [Скрелина, Становая 2017: 19].

Рыцарство является ключевым понятием средневекового европейского дискурса, так как оно в наибольшей степени отражает куртуазные, феодальные и христианские этические идеалы общества, которое часто называли *рыцарским* – *la société chevaleresque* [Duby 2008, Виноградова, Викулова 2013: [http](#)]. Исследование древнеанглийского художественного дискурса [Томберг 2019: 55-56] демонстрирует схожую ситуацию: лексико-семантическая область со значением *воин* представлена 91 языковой единицей и является одной из наиболее многочисленных. Лексема *chevalier* в дальнейшем будет рассматриваться в качестве базовой единицы семиотрического анализа.

Семиотрия – это метод лингвистического аксиологического анализа, получившего развитие в рамках лингвистической школы историка французского языка Л.М. Скрелиной (1930-2004). В частности, Е.Ф. Серебренникова [2011: 41] характеризует семиотрию, как «интегральное измерение состояния социального мира на основе базы данных об исследуемых в определенное время, на определенной территории группе / обществе». Семиотрический анализ предполагает синтез значений, приписываемых лексеме, в определенный исторический период в текстах художественных и научных жанров с целью выявления концептуальной эволюции и аксиологической трансформации изучаемого понятия [Vikoulova, Sérébrennikova 2014: 84].

Целью данного вида концептуального анализа служит выявление содержательных, онтологических и ценностных смыслов, которые представляются значимыми для социума определенной исторической эпохи с учетом комплекса

культурологических и социокультурных значений [Игнатъева 2009: 100-101]. Для проведения семиотрического анализа предпочтительны *ключевые слова*, т.е. лексемы, репрезентующие значимые социальные и духовные ценности конкретной лингвокультуры. Представляется, что лексема *chevalier*, взятая в ракурсе диахронического исследования французского языка периода XII-XIII вв. отвечает этому требованию.

Рассмотрим лексему *chevalier* с позиций семиотрии. Отметим, что структура семиотрического анализа включает следующие этапы:

1. Этимологический анализ базовой лексемы;
2. Анализ словарных дефиниций базовой лексемы;
3. Сравнительно-сопоставительный анализ дескрипций феномена, описанного базовой лексемой в теоретических научных трудах;
4. Выявление концептуальных элементов содержания понятия.

На первом этапе, для *этимологического анализа* лексемы *chevalier* обратимся к одному из наиболее авторитетных исторических словарей французского языка *Dictionnaire du Moyen Âge* [2002: 284] под редакцией французских историков-медиевистов К. Говарда, А. де Либера и М. Зинка. Авторы указывают на то, что наименование рыцарства восходит к латинскому корню *militis*, который послужил основой для образования старофранцузской лексемы *miles*, обозначающей солдата-наездника на лошади и обычно безоружного – *le soldat, miles, est par excellence le cavalier, homme à cheval, et en général sans armes*.

В латинских словарях содержатся следующие определения лексемы *miles*: *miles / militis* – воин, солдат, пехотинец, войско, пешка, (ср.-лат.) рыцарь [Подосинов, Козлова, Глухов 2011: 188]; *miles / militis* – воин, солдат, рядовой, пешка в шахматной игре, пехота [Петрученко 2001: 389]; *miles Christi* – воин Христов [Краткий латинско-русский богословский словарь 1954: 74]. Чтобы прояснить значение коллокации *miles Christi*, любопытно привести нетривиальную теорию происхождения феномена *chevalier*, описанную российским специалистом по средневековой литературе И.К. Стаф в *Словаре средневековой культуры* [2003: 435].

Утверждается, что на заре Средневековья для обозначения рыцаря использовалась лексема *miles*, которая этимологически восходит к латинскому

militia и означает солдата, а позднее, в схоластическую эпоху IX-XII вв., в экклезиастических речах характеризует «служителей неба» – ангелов. Дословно *miles* переводится как *один из тысячи*. Такое значение связано с тем, что для упорядочивания разрозненных и воинствующих общественных коллективов раннего Средневековья народ разделили на группы по тысяче человек. Во главе каждой такой группы был назначен наиболее отважный, сильный и мудрый мужчина, которого называли *miles*. В качестве атрибутов власти ему причитались личная лошадь, обмундирование и оружие, а его призвание состояло в защите христианской веры, защите своей группы и демонстрации справедливости и добродетели.

Приведенные качества типичны для описания образа рыцаря, поэтому гипотезу об абсолютной синонимии лексем *miles* и *chevalier* можно рассматривать как вероятную альтернативу. Этому мнению придерживается, в частности, историк языка Т.Г. Игнатьева, которая отмечает семантическую эволюцию соотношения данных понятий: первоначальная синонимия переходит к разграничению профессионально-терминологического *chevalier*, который постепенно вытесняет латинский эквивалент из употребления [Игнатьева 2009: 102].

Между тем, наличие в дефинициях лексемы *miles* таких значений, как *рядовой* и *пехотинец*, противоречат наиболее важной характеристике рыцарства – наличию лошади и службе в коннице. На это несовпадение обращает внимание, например, специалист по идеологии Средневековья, Ж. Флори: рыцарство именовалось *militia*, а рыцарь – *milites*, которое будет переведено с латыни старофранцузской лексемой *chevalier* (*chevaler*) к концу XII в. До этого лексема *miles* не подразумевает никакой особой идеологии или социальной коннотации; *miles* обозначает *солдат* с явно выраженным оттенком подчиненности: *пехотинец* и *конница*, *солдат на вассальной службе*, и даже *феодалный слуга*, который находится на хорошем счету у сеньора и выполняет особые, невоенные поручения.

Данной позиции придерживается и французский историк-медиевист Ж. Дюби [Duby 2008: 46], указывая на тот значительный факт, что с IX в. в художественных и исторических текстах для обозначения конных рыцарей не используется лексема *miles*. Объясняется это тем, что семантическая эволюция данного слова привела к потере военного значения (*signification militaire*) и

доминированию значения службы и подчиненности (*notion de service*). Таким образом, признавая наличие этимологической связи между *miles* и *chevalier*, следует, тем не менее, подчеркнуть, что само появление новой лексемы *chevalier* свидетельствует об изменениях в содержании концепта *рыцарь*, связанных с переменами в социальной структуре общества и с идеологическими установками, поднимающими престиж элитного конного воина.

В этой связи, представим альтернативный взгляд на этимологию базовой лексемы, которую словари традиционно возводят к латинскому корню *caballum*, означающему *лошадь*. Примечательно, что изначально лексеме *caballum* могли приписывать пейоративные значения *домашнего трудового мерина* и даже *плохой лошади* [DHLF 2010: 2095]. Производное слово *caballarium* с V в. имеет значение *солдат кавалерии* (*soldat de la cavalerie, aide militaire*), а позднее, после IX в. словоформы *cevalier* / *cavailler* / *chelier* / *chevaler* / *chevalier* имели значение *мужчина на лошади, вассал* (*homme à cheval, vassal*) [Ancien français 2011: 34].

В исторических словарях были отмечены дефиниции лексемы *chevalier*:

- низший ранг в дворянской иерархии (*degré inférieur de la hiérarchie nobiliaire*); изначально, обладающий лошастью (*possesseur d'un cheval*), позднее, титул, который подразумевает благородное происхождение и принятие в некоторый орден через ритуал посвящения (*titre qui implique une naissance noble et une initiation assurant l'accès à un ordre particulier par l'adoubement*) [Matoré 1985: 295];
- дворянин, служащий на лошади (*gentilhomme servant à cheval*); военный, служащий в конной кавалерии (*militaire servant dans la cavalerie*); в феодальном обществе, член сословия / ордена рыцарства (*dans la société féodale, membre de l'ordre de la chevalerie*) [DHLF 2010: 1032-1033];
- всадник (*cavalier*); мужчина, вооруженный для битвы (*homme équipé pour le combat*); член сословия рыцарства (*membre de l'ordre de chevalerie*) [Ancien français 2011: 32].

Семантический анализ приведенных дефиниций позволяет, в первом приближении, смоделировать структуру лингвокультурного феномена рыцарства. Средневековый рыцарь представляет собой солдата конной кавалерии, который обладает лошастью и оружием, является вассалом сюзерена, имеет благородное дворянское происхождение и входит в рыцарский орден или сословие, совершая регламентированные обряды. Дополнительно приведем описания рыцаря, предложенные в теоретических трудах по истории и культуре Средневековья.

Французский теоретик средневековой культуры, литературы и искусства Г. Коэн описывает рыцарство, как *средневековый институт*, возникший из древнеримского сословия военных всадников под влиянием древнегерманского обряда военной инициации через вручение юноше боевого оружия. Медиевист отмечает, что изначально лексема *chevalier* являлась номинацией того, кто сражался на коне и был юридически связан ритуальной клятвой с сюзереном, для которого рыцарь нес военную службу [Cohen 1949: 12].

Французский историк Ф. Ишер указывает на то, что лексема *chevalier* соотносится с фигурой *воюющего всадника*, который добровольно приходит на службу к сеньору, принцу или королю, становится его товарищем по оружию (*compagnons d'armes*) и формирует военную аристократию (*aristocratie guerrière*). *Bellatores* (те, кто сражается – *ceux qui combattent*) – рыцарство, элитарный класс свободных воинов. Проходя обряды посвящения, они обязуются выполнять долг: оберегать слабых (крестьян, вдов, неимущих), устанавливать мир и справедливость в феодальном владении, защищать Святую Церковь [Icher 2000: 11, 83].

Российский культуролог-медиевист А.Я. Гуревич [2005: 144, 146-147] констатирует, что превращение рядового воина Раннего Средневековья в классического рыцаря выражается в обретении высокого социального достоинства и в выработке особой идеологической этики. Рыцарская идеология развивает такие ценности, как куртуазия и куртуазная любовь, честь и воинское благородство.

В труде Т.Г. Игнатъевой *chevalerie* – это комплексный феномен, который отражает идеи феодально-вассального строя и рыцарской этики. Выделяются следующие семантические значения лексемы *chevalier*: *воин-всадник* и *куртуазный влюбленный* [Игнатьева 2009: 102].

Наконец, Ж. Дюби [Duby 2008: 122] сравнивает *chevalerie* с *noblesse* (аристократия, знать) и приводит в качестве синонимии лексемы *chevaliers* / *gentilshommes*. Таким образом, рыцарство ассоциируется с благородством происхождения. В этом, в некоторой степени, проявляется культурная закономерность *семиотического ослабления* – гаснущей трансформации «от сильного символа к слабому, а затем совсем слабому» [Проскурин, Комкова 2017: 145]. Наряду с этим, ученый ссылается на *Livre des Manières*, теоретический трактат в стихотворной форме, посвященный трем классам (*trois ordres*) в

средневековом феодальном обществе. Этот труд написан в 1174-1178 гг. епископом города Ренн Этьеном де Фужером и призван описать устройство средневекового социума с позиции этики трех классов:

- *oratores – ceux qui prient* (молящиеся) – духовенство, наиболее привилегированный класс клириков;
- *laboratores* или *aratores – ceux qui travaillent* (трудящиеся) – трудовой класс, гетерогенная группа с наименьшим достатком и наибольшими обязанностями;
- *bellatores – ceux qui combattent* (сражающиеся) – рыцарство, военно-аристократическое сословие.

Последнее сословие епископ ассоциирует как с рыцарством, так и с аристократией и выделяет три объединяющих фактора: экономический, деонтологический (связанный с долгом, обязанностями, миссией) и моральный. Во-первых, в труде XII в. *bellatores* занимает верховное положение по отношению к классу трудящихся. Во-вторых, миссия рыцаря-аристократа заключается в вооруженной защите нуждающихся и в установлении справедливости военным путем. В-третьих, с моральной точки зрения, выявлены осевые ценности рыцарства: доблесть (*vaillance*), верность (*loyauté*) и служба Церкви (*soumission à l'Eglise*).

Сравнительно-сопоставительный анализ дескрипций позволил выделить ряд ключевых аксиологических категорий, приписываемых феномену *chevalier*. Основным сигнификатом лексемы *chevalerie* является военный класс конной кавалерии, члены которого связаны с сеньорами вассально-сюзеренными отношениями, которые предполагают подчиненный, служебный характер. В то же время, рыцарское сообщество представляется аристократией, привилегированным классом знатных воинов. При этом благородное происхождение связано не столько с принадлежностью к знатым семьям, сколько с фактом членства в ордене.

Обращает на себя внимание идея закрытости и элитарности класса *chevalerie*, которая отражается в лингвокультурном феномене *посвящение в рыцари*, предполагающем ритуальные церемонии:

- *homage* или *mannschaft* (гоминиум или оммаж, от лат. *homo* – человек, мужчина, принадлежащий другому) – символическая клятва верности,

которую служащий рыцарь приносит своему новому сеньору или королю. Речевой акт клятвы следует отнести к *перформативным комплексам* ритуальной культуры, так как клятвенное обещание выступает в *конституирующей* роли [Проскурин 2016: 122]. Вассал произносит короткие реплики, в которых признает себя *человеком* (*homme, homme lige*) нового сеньора. Позднее изначально формальное вербальное выражение трансформировалось в церемониальную клятвенную речь – *foi, treue* (верность, лояльность, преданность). Вассал клянется на Евангелии или родовых священных реликвиях служить верно (*fidèlement*) и преданно (*loyalement*) [Icher 2000: 80-81, 210]. Будущий вассал обязуется предоставлять сеньору военную помощь, а в обмен получает земельный надел (*лен, фьеф*), материальное благосостояние (*бенефиции*) и политическую защиту [Icher 2000: 210; Козьякова 2016: 164];

– *adoubement* (*акколада*) – обряд посвящения в рыцари, который характеризуется достаточной закрытостью и ограниченностью круга присутствующих. Церемония призвана перевести юношу из статуса *écuier* (оруженосец) в статус *chevalier* [Icher 2000: 201].

Обряд посвящения в рыцари является кульминацией средневекового символизма и метафоричности. По выражению американского историка Ш. Макглинна, посвящения в рыцарский орден являются «изошренными церемониалами, пропитанными религиозно-мистическим подтекстом» [Макглинн 2011: 122]. На материале хроникального поэтического трактата *Livre de chevalerie* (1350 г.) знатного рыцаря Жоффруа де Шарни удалось восстановить многочисленные обязательные этапы церемонии посвящения [De Charny 1967: 514-516]:

1. Исповедь и раскаяние в грехах (*il soit confès et repentans de tous ses péchiés*);
2. Принятие очищающей ванны, символически смывающей все прегрешения и нечестивые поступки мирской жизни (*mettre en un bain et y demourer une longue pièce en pensant que il doivent laver et nettoier leurs corps de toute ordure de péchié et de déshonestes*);
3. Отход ко сну на новых чистых белых простынях (*gésir en un lit tout neuf et les draps blancs et nés, et là se doivent reposer*);
4. Облачение в новую чистую одежду (*vestir de neufs draps linges et toutes choses neuves*);
5. Облачение в доспехи (*vestir li chevalier*);
6. Ночная месса в окружении других рыцарей с молитвами об очищении и прощении (*en l'église doivent demourer et veillier toute nuit en priant à Nostre-Seigneur*

qu'il leur vueille pardonner les mauvais dormirs);

7. Вручение символов принадлежности к рыцарскому ордену: шпор и меча (*baille deux esperons dorés; prent une espée*);

8. Обмен церемониальными жестами-поцелуями, символизирующими клятву преданности (*les doivent baisier en signe de confermer l'ordre*);

9. Акколада – завершающий этап церемонии, предписывающий нанесение символического удара по шее в знак принятия в орден (*leur doivent donner la colée, en signe que à tousjours mais leur doie souvenir de celle ordre de chevalerie*).

La colée – символический удар мечом, очерчивающий крест: о шею, затылок и плечи) [Руа, Мишо 2007: 32; Aurell 2011: 25]. Поясним, что лексема *adoubement* происходит от германского *dubban* – ударить. Несильный удар мог наноситься, чтобы рыцарь помнил церемонию на протяжении жизни. Процесс посвящения в рыцари представлен синонимичными предикатами *adober* и *armer* (вооружить), а также предикатами *conférer* (наделить [титолом]) и *entrer* (войти [в орден, в сословие]). Приведенные данные указывают на то, что стать рыцарем – значит перейти в новый военный социальный класс, приобрести особый закрытый круг общения и более значимый статус в обществе. Интересно мнение о том, что церемония посвящения в рыцари характеризуется *выветриванием знака* [Культурные трансферы 2015: 19] или *семиотического ослабления* [Проскурин, Комкова 2017: 145], так как изначально в германских отрядах рыцарский титул мог быть получен лишь в бою, а во времена Каролингского феодализма VIII-IX вв. настоящее сражение было заменено на символический жест удара мечом о плечи будущего рыцаря.

Центральное значение отводится комплексному концепту *courtoisie* (куртуазность, куртуазия). *Куртуазию* понимают, как нерегламентированную этикетную систему, своеобразный кодекс поведения, подразумевающий учтивость, любезность и вежливость в придворном общении, а также в обращении с дамой. Это ключевое понятие средневековой цивилизации и литературы возникло под влиянием арабской культуры и описывало духовную форму отношений между мужчиной и женщиной [Dictionnaire du Moyen Âge 2002: 52].

Наконец, *анализ словарных дефиниций* и выдержек из теоретических трудов позволяет выявить феномен *idéologie chevaleresque* (рыцарская этика, рыцарская идеология). Эта этика включает в себя, с одной стороны, аксиологические элементы (честь, благородство, доблесть, верность), и, с другой стороны,

функциональные прескрипции (оказывать защиту более слабым слоям населения, стоять на защите христианства и библейских заповедей, устанавливать мир и справедливость в военных конфликтах).

Итак, аксиологический подход к феномену рыцарства, предпринятый в рамках семиотрии лексемы *chevalier*, позволяет заключить, что в средневековой картине мира проявляются ментальные категории идеализации и героизации. Связываем это с *максимализмом* – характерной чертой средневековой ментальности, закреплённой в художественном дискурсе [Вышенская 2018: 71]. Фигура рыцаря воспринимается, как представитель социо- и культурообразующей элитарной группы конных воинов-аристократов. Существовавшая в средневековой картине мира система ценностей и оценок напрямую зависела от нравственных стереотипов эпохи, диктуемых *кодексом чести рыцаря* [Манухина 2011: 7]. Рассмотренное слово является одной из ядерных лексем старофранцузского дискурса, так как вербализует комплекс социокультурных и морально-этических концептов. Вместе с тем, возникает необходимость составления *паспорта лингвокультурного типажа* средневекового рыцаря, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

1.2. Паспорт лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*

В лингвистических исследованиях XXI в. наблюдается тенденция принятия *антропоцентрического поворота* и *человекомерности* языка. Уходя корнями в гумбольдианское открытие связи языка, человеческой культуры и мышления, современное языкознание все больше отказывается от рассмотрения языка, как формальной независимой системы, в пользу изучения речевой деятельности и восприятия языка как антропологического феномена [Кубрякова 1995: 136].

В контексте переориентации лингвистики с системы языка на человека, представленного в языке, распространение получают такие смежные понятия, как *антропологическая парадигма* (П.И. Костомаров), *антропоцентрический подход* (В.М. Алпатов, Л.Г. Викулова, В.В. Наумов), *антропоцентрический принцип* (Е.С. Кубрякова, Т.В. Матвеева, О.А. Радченко). Укрепление антропоцентризма в науке о языке стало причиной появления *лингвистической персонологии*, в фокусе которой находится человек как языковая личность в совокупности своих

когнитивных, коммуникативных и речевых свойств [Лингвокультурные типы 2019: 4]. Человекоориентированный взгляд на изучение языковых явлений предполагает следующие методологические максимы:

- изучение языка предусматривает осмысление и описание представлений носителя языка и субъекта исследования и применение *лингвистической интуиции* [Алпатов 1993: 15];
- представляется возможным вывести языковые свойства из свойств мышления, культуры и поведения человека [Матвеева 2010: 24];
- объект исследования анализируется с позиции его значимости, функций и назначения в человеческой жизнедеятельности [Радченко 2012: 77];
- язык выступает условием существования и важнейшим свойством человеческого бытия; он формирует объекты, представляющие способы человеческого мышления [Костомаров 2014: 199].

Считая современную лингвистику одним из направлений антропологии, В.И. Карасик [2002: 110; 2009: 176] подчеркивает актуальность такой области, как *лингвокультурология* или *культурологическая лингвистика* – комплексная дисциплина «о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры». Видится, что двумя основными понятиями лингвокультурологии выступают, с одной стороны, *культура*, представленная в языке в виде понятий и концептов (лингвокультура), и, с другой стороны, *человек* – носитель языка, использующий его в мышлении, творчестве и коммуникации (языковая личность). На пересечении лингвокультуры и личности, которая проявляется в ней определенным образом и по типовым моделям, располагается феномен лингвокультурного типажа.

Под *лингвокультурным типажом* (термин введен В.И. Карасиком и О.А. Дмитриевой) понимается разновидность концепта, чьим содержанием выступает типизируемая и реально существовавшая личность [Карасик, Дмитриева 2005: 8-9, 14]. В лингвокультурологической призме *концепт* – это субъективные элементы культуры, фиксируемые в языке на лексическом, фразеологическом и текстуальном уровнях [Слышкин 2004: 29]. Концепт отражает «процессы концептуализации внеязыковых явлений», вбирая в себя экстралингвистические наслоения [Сулейманова, Лукошус 2018: 69]. Лингвокультурный типаж (*типизированная языковая личность*) представляет собой легко декодируемый

образ представителя той или иной культуры. Этот образ выступает как значимый элемент, конструирующий данную культуру. Лингвокультурный типаж репрезентует *семиотический коллаж* – обобщенную (архетипическую) коммуникативную личность, характеристики которой обусловлены культурно-историческим контекстом [Кирилина 1999: 48]. Таким образом, лингвокультурный типаж приравнивается к концепту, представляющему определенный тип личности.

В отличие от любой языковой личности, для лингвокультурного типажа характерно следование ролевым (гендерным, социокультурным, профессиональным, жанровым) прескрипциям и выявление ценностных стереотипов и норм, определяющих его поведение (*социальные прескриптивы*) [Дмитриева 2007: 19]. Они выражаются в кодексах, этикете, архетипах и моральных нормах и представляют интерес для анализа, так как аккумулируют особенности культурного и коммуникативного поведения. Прескриптивы детерминированы принадлежностью к определенному этносу, типу культуры и группе. Таким образом, лингвокультурный типаж отражает этносоциокультурный тип личности. Среди целей моделирования типизируемых языковых личностей следует выделить [Лингвокультурные типажи 2019: 5, 9-10]:

- *лингвистическую*: выявление лингвокультурной специфики коммуникативного поведения и восприятия исследуемого антропологического архетипа;
- *аксиологическую*: установление ценности исследуемого типа личности для культуры и социума определенной эпохи;
- *культурно-диагностическую*: определение параметров типизируемости личности для понимания изучаемой культуры в целом.

Выбор фигуры *рыцарь* в качестве лингвокультурного типажа обоснован тем, что для рассматриваемого социоисторического контекста представитель рыцарского сословия являлся *модельной личностью*. Под данным термином понимается наиболее яркий представитель лингвокультурных типажей определенной эпохи, играющий роль социального и поведенческого ориентира, с которым человек сравнивает свое бытие как с идеальной моделью. Модельная личность выражает «наиболее типическое, отобранное социальным опытом общества как лучшее, достойное подражания» [Игнатьева 2010: 88-89].

Стереотипность поведения модельной личности позволяет ей служить символом данной культуры для носителей других культур [Карасик 2002: 12].

Определяющими особенностями лингвокультурного типажа являются:

- национальная, социальная и культурная детерминированность;
- прецедентность (частотность в текстах рассматриваемой культуры);
- узнаваемость для носителей культуры и субъектов, знакомых с изучаемым лингвокультурным фрагментом;
- репрезентативность (знаковость, символичность для обобщенного представления лингвокультуры).

Рассматриваемая область лингвокультурологии представляет научный интерес ввиду того, что обращение к теории лингвокультурных типажей позволяет глубоко проанализировать и описать определенный срез лингвокультуры через типизирование ее носителей, в том числе представленных в художественном дискурсе. Исследование лингвокультурных типажей также дает возможность охарактеризовать социальную, историческую, политическую ситуацию, представленные в некотором фрагменте культуры, стране или временном периоде посредством конкретных дискурсивных практик.

Актуальность анализа лингвокультурных типажей также подтверждается наличием большого количества научных трудов, посвященных этой теме. Поисковый запрос в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU за последние пять лет показал более 250 трудов, где термин *лингвокультурный типаж* присутствует в названии публикации и в ключевых словах [eLIBRARY: [http](http://elibrary.ru)]. Исследователи выделяют лингвокультурные типажи по ряду признаков:

- *этнокультуре* (типичный немец, южанин),
- *социокультуре* (американский президент, российский чиновник),
- *гендеру* (деловая женщина, домохозяйка),
- *профессии* (учитель, спортсмен),
- *психоэмоциональному и ролевому поведению* (патриот, романтический герой).

В рамках настоящего исследования предлагается смоделировать лингвокультурный типаж *chevalier médiéval* (средневековый рыцарь) и представить его место в классификации лингвокультурных типажей [Карасик, Дмитриева 2005; Дмитриева, Мурзинова 2016]:

тип ЛКТ	<i>социокультурный</i>	имеет географическую, культурную и социальную детерминанты
степень выраженности узнаваемых качеств	<i>яркий</i>	узнаваемый, представленный большим дискурсивным материалом
признак оценочного знака	<i>положительный</i>	соотносится с положительными оценками аксиологической системы
ассоциативность	<i>дисперсный</i>	связанный с многочисленной группой в массовом сознании индивидов
реальность языковой личности	<i>реальный</i>	основан на реальных языковых личностях
степень актуальности	<i>угасающий</i>	уходит из социальной действительности
признак прототипности	<i>непрототипный</i>	существовал в прошлом и не имеет ярких прототипов в современной культуре

Табл. 1. Лингвокультурный типаж *chevalier médiéval* в классификации

Для моделирования лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* составим частичный *паспорт*, который состоит из следующих элементов:

- *гендерная принадлежность* (нейтральная или жесткая детерминанта);
- *внешний облик* (особенности внешнего вида, показательные атрибуты);
- *социальный статус* (происхождение, роль в обществе);
- *сфера деятельности* (профессия, функции, обязанности);
- *речевые особенности* (типичные номинации, лингвистические и дискурсивные особенности речевого поведения).

Гендерная принадлежность. Актуальный для современной социолингвистики термин *гендер* описывает социальный (биосоциальный, биокультурный, социокультурный) пол. Гендер отображает «встраивание» личности в созданную культурой модель мужественности или женственности [Репина 2002: 11-12; Кирилина 2005: 8, 33]; представляет собой подвижный и развивающийся «продукт человеческого общества, воплощенный в постоянно воспроизводимых гендерных практиках» [Ракитянская 2007: 4]. Применение данного понятия вместо привычного термина *пол* позволяет отойти от биологической детерминированности поведения человека и выявить влияние социальных и культурных доминант в разных социоисторических условиях.

Гендер выражается в двух полярных категориях: *маскулинность* (мужественность, *masculinity*, *masculinité*) и *фемининность* (женственность, *femininity*, *féminité*), которые представляют собой различные образцы

идентичности, статусов, ролей и поведения [Lett 2013: 11]. Заметим, что для средневековой культуры характерен *андроцентризм* как природная иерархия (*naturelle hiérarchie*) [Там же: 15], *гегемонная маскулинность* [Суприянович 2017: 55]. Патриархальное общественное устройство основано на модельности маскулинного поведения, которое выражается, в первую очередь, в праве владения оружием и в способности выполнять защитную функцию. Не остается сомнений относительно маскулинной идентичности средневекового рыцарства. Маскулинность представляет собой ключевой концепт культуры и отражает комплекс аттитюдов, набор ожидаемых образцов поведения и норм, детерминированных по гендерному признаку, как присущие мужчине [Белова 2007: 3; Михайлова 2012: 47]. В то же время, анализ показал, что маскулинное поведение в средневековой Европе отличалось от современных представлений.

Средневековый рыцарь, будучи представителем военной элиты, был обязан проявлять все те качества, которые традиционно принято считать героическими. Весь французский средневековый героический эпос и рыцарские романы, посвящены воспеванию трех основных маскулинных добродетелей: поиск славы (*gloire*), честь (*onor*), смелость (*vasselage*).

Постоянное стремление рыцарей обрести *славу* связано с генеалогической концепцией Средневековья, которая утверждала, что добродетели и пороки имеют не индивидуальную, а родовую природу. Иными словами, рыцарский подвиг был призван прославить не только самого воина, но и всех его потомков. Обретение боевой славы реализовалось посредством прохождения различного рода испытаний, которые подтверждают наличие заявленных маскулинных качеств [Оссовская 1987: 82]. Это было возможно как в условиях войны (и тогда речь идет о самоотверженном поведении, готовности пожертвовать собой, унеся жизни врагов своего сеньора), так и в мирное время – путем победы на рыцарском турнире. Отметим, что победа на турнире кроме славы сулила рыцарю также завоевание Прекрасной дамы.

По данным *Исторического словаря французского языка* [DHLF 2010] и *Электронного словаря Кретьена де Труа* [DECT 2014], концепт *слава* вербализуется в средневековом дискурсе субстантивами *gloire* (слава, величие), *los*

(слава, известность), *pris* (вознаграждение за победу), *exploit* (подвиг) а также именем прилагательным *glorios* (прославленный). Выявляем коллокации *gloire de Deu* (божья слава), *Roi de gloire* (номинация Бога – царь царей), *vaine gloire* (тщеславие, гордыня), *aquerre los* (завоевывать славу), *por porchacier* (быть в поисках славы).

Концепт *честь* имеет ключевое значение для конструирования аксиологической системы рыцарства [D. Barthélemy, M. Bloch, L. Gautier, Е.Ю. Голодова, А.О. Манухина, М. Оссовская, Л.Л. Федорова]. Можно выделить следующие мотивы проявления чести: сдержать рыцарскую клятву, достичь славы, отстоять справедливость, проявить уважительное отношение к сопернику, продемонстрировать самозабвенное мужество. *Исторический словарь* [Mazure 1863: 159] содержит следующие дефиниции для понятия *homme d'honneur* (человек чести): *celui qui est fidèle à sa parole et à ses engagements* (тот, что остается верен данному слову и взятым на себя обязанностям).

Интересные данные представлены во франкофонном диахронном электронном корпусе DECT (*Dictionnaire Électronique de Chrétien de Troyes – Электронный словарь Кретьена де Троя*). По поисковому запросу вида recherche dans le lexique > recherche d'une entrée > [VED=onor] > structure, данный словарь определяет *onor*, как *mérite, estime, gloire* (достоинство, заслуга, почет, уважение, слава), *marque de respect et d'estime, faveur* (знак уважения и почтения, расположение), *dignité, privilège, possession* (достоинство, привилегии, обладание собственностью) [DECT 2014: <http>]. Последнее определение отличается от традиционной моральной коннотации характеристики чести, так как соотносится с материальными благами. В пользу данной позиции высказываются и французские ученые. Например, М. Блох и Д. Бартелеми связывают лексему *onor* (*honneur*), выражающую понятие чести, с лексемой *honor*, которая означает различного рода привилегии и блага (*bénéfices*), а также наиболее обширные земельные владения (*fief*), получаемые вассалами от своих сеньоров в обмен на рыцарскую присягу [Bloch 1994: 274]. Полисемия лексем *onor* / *честь* свидетельствует о том, что вассал должен продемонстрировать свои добродетели, главная из которых – честь, наделяющая его правом владеть землей и имуществом. Так, проводится ассоциативная связь между *terre noble* (дворянские земли) и *homme noble*

(благородный, достойный мужчина) [Barthélemy 1997: 332]. Такое ассоциативное значение лексем является «“окном“ в языковое сознание человека», открывающим образ мира и особенности ментальности [Петрова 2013: 130].

В исследовании оценочности средневековых хроник Крестовых походов А.О. Манухина [2011: 134-166] выявляет в структуре концепта *честь* ядерный когнитивный признак *воинская доблесть*, а также периферийные признаки – *верность*, *социальная значимость*, *мудрость*, *святость*, *щедрость*. Концептуальную оппозицию составляют когнитивные признаки *трусость*, *предательство*, *вероломство*, *жестокость*, *жадность* [Там же: 168-192].

Концепт *onor* / *честь* находит свое языковое выражение в субстантивах *onor* (честь) и *merite* (достоинство, заслуга), именах прилагательных *onorable* (достопочтенный), *alorsé* (прославленный, знаменитый), *digne* (достойный), а также в предикатах *onorer* (почитать), *aloser* (удостаиваться похвалы), *esligier* (уважать, ценить), *esmer* (высоко оценивать, почитать), *maintenir* (уважать, относиться с честью) [DECT 2014: [http](http://)]. Поисковой запрос вида recherche dans le lexique > recherche de proverbes > [VED= onor] > structure выявил также частотные речевые обороты: *l'enor de la bataille* (честь и слава победы), *à (son) (grant) onor (d'aucun)* (с большим почтением, благородно, уважительно, во славу кого-то), *apprendre onor* (обучаться достоинствам, чести), *conquerre / gäaignier (grant) onor* (заслужить уважение, завоевать почет), *faire / monstrier / tenir / porter (grant) onor (à aucun)* (выказывать уважение, почтение по отношению к кому-либо), *requerre à aucun de s'onor* (искать чьего-либо расположения). Приведем паремии, образующие ценностное ядро концепта: *mieus vaut morir à onor que vivre à honte* (лучше погибнуть во славе, чем жить в стыде), *qui fait onor, l'onors est soe* (кто почитает другого, тот чтит сам себя) [DECT 2014: [http](http://)].

Наконец, постоянный поиск славы и боевого престижа предполагает проявление таких качеств, как *отвага*, *смелость*, *храбрость* и *мужество*. Прослеживается прямая связь между мужеством и тем культом мужской силы и физической выносливости, который царил в эпоху феодальных и религиозных войн, Крестовых походов, королевской охоты и рыцарских турниров: Средневековье признано *l'âge d'or du courage* (золотым веком смелости). Отвага признается одним из главных рыцарских качеств, а трусость, напротив, тяжелым

обвинением [Оссовская 1987: 83; Козьякова 2016: 180]. В средневековой художественной литературе формируется следующий типичный сюжет: из страха быть уличенным в трусости, рыцарь совершает нерациональные стратегические ошибки, которые с уверенностью приведут героя к большим человеческим потерям и к собственной гибели, зато избавят его от порочного обвинения в несмелости. Подобный сюжет представлен, например, в *Chanson de Roland*, когда Роланд отправляет свое войско на неравный бой с сарацинами и отказывается трубить в рог, чтобы призвать на помощь короля Карла, боясь прослыть трусом. В этой связи появляется коллокация *chevalier sanz blasme et sanz reproche* (бесстрашный рыцарь, рыцарь без страха и упрека, безупречный рыцарь).

Концепты *мужество* и *бесстрашие* вербализуются в синонимичных субстантивах *vasselage / pröese / chevalerie / hardement*, имеющих значения храбрости, доблести, смелости, боевой удали, подвига, дерзкой смелости [DHLF 2010: 2096; 4432; 7514; 10251]. Большое количество эпитетов говорит о важности аксиологической коннотации концепта *честь*: *baut / cointe / corajos / estout / hardi / os / pro / vaillant / vassal* (смелый, отважный, дерзкий, обладающий воинской доблестью). Наконец, выявлены две паремиологические единицы, призванные уточнить семантическое значение понятия чести: *folie n'est pas vasselages* (безрассудство – это не смелость), *mout a entre mauvais et pro* (есть большая разница между трусом (подлым, низким) и смельчаком [DECT 2014: [http](http://)]).

С другой стороны, в художественном дискурсе XII-XIII вв. широко представлены эмоциональные проявления рыцарей, что не свойственно современным представлениям о маскулинном поведении. Выставление напоказ слез и плача противоречит традиционной идее о смирении и терпении, свойственных мужчине. Напротив, для средневекового рыцаря плач, стоны и причитания являются типичными: «рыцарь, собственно, – не рыцарь, если не плачет» [Суприянович 2017: 75]. В Средние века проявление телесности через слезы связывали с аскетичным отношением к земной жизни и с демонстрацией святости – появление слез расценивалось, как очищающий божественный дар. В качестве реального исторического примера приводят поведение короля Людовика IX Святого. Этот набожный и глубоко религиозный правитель считал способность

плакать знаком того, что Бог прощает и благословляет его, вознаграждая очистительными слезами за праведность и усердие [Ле Гофф, Трюон 2008: 68].

Эмоциональность рыцарства расценивалась как проявление благородства души. Доминантное воинское чувство в художественном дискурсе эпохи Средневековья – *gore* [Томберг 2019: 61]. Это свидетельствует о глубокой детализации и психологической рефлексии над эмоциональной картиной мира. Для поиска контекстного употребления предикатов эмоциональной семантики *plorer* (плакать), *dementer* (оплакивать), *plaindre* (стонать) использован поисковой запрос вида contexte > requête = [frlemma="plorer|dementer|plaindre"]. Рыцарские слезы проявляются в литературе в двух формах. Во-первых, *куртуазные слезы* влюбленного от разлуки или невозможности связать себя узами с любимой. Например, слезы влюбленного показаны в анонимном пикардском куртуазном романе XIII в. *Окассен и Николетт*:

- *s’oï Aucassin plourer et s’amie regreter* [BFM-AN 2011: 15] – Окассен горько стонет и плачет о своей подруге¹.

Во-вторых, *героические слезы* военачальника, который скорбит о больших потерях в рядах своего войска, а также рыцарей, потерявших своих боевых товарищей. Наиболее репрезентативны слезы короля Карла Великого и его рыцарей в эпической жести *Песнь о Роланде*:

- *Cel nen i ad ki de pitet ne plurt. ... / Pitet l’en prent, ne poet muer n’en plurt* [BFM-CR 2006: 822-823] – сбегает слезы по щекам у них..., / не плакать с горя у него нет сил [Песнь о Роланде 1976: 52].

Маскулинная идентичность лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* все же допускает наличие фемининной составляющей. Представим номинации, содержащие сему рыцарства и относящиеся к *феминитивам*, описанные во французском труде, посвященном роли женщины в средневековом военно-политическом сообществе [Cassagnes-Brouquet 2013: 9, 62]: *combattante*, *chevaleresse*, *belle guerrière*, *chevalière*, *femme-chevalier*, *militissa*. Автор подчеркивает, что базовые лексемы *chevaleresse* и *chevalière* существовали в средневековой латыни и в региональных языках Франкии и описывали не столько жену рыцаря (*femme d’un chevalier*), сколько *cavalière* – женщину, сражающуюся на

¹ В тех случаях, когда переводчик не указан, перевод принадлежит нам. В.Р.

лошади и принадлежащую к рыцарскому ордену, например, *hospitalière, templière*. Тем не менее, именно маскулинная гендерная идентичность является базовой для моделирования лингвокультурного типажа.

Внешний облик. В описании типичного внешнего вида лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* выделяем указания на превосходную физическую форму рыцаря и его красоту. Часто подчеркиваются стройность, лицеприятный внешний вид, юность и красота черт лица, спортивное телосложение. Своей внешностью рыцарь должен был напоминать воина-атлета: ему свойственны худоба, жилистость, сильные руки и ноги, подтянутость, широкие плечи и наличие шрамов, напоминающих об опасности совершенных подвигов [Bloch 1994: 410]. Рыцарская красота, выражающаяся в изысканном одеянии, изящных и богато украшенных доспехах и упряжи и длинных волосах, может быть признана общим местом в исторических и культурологических исследованиях [Оссовская 1987: 81-82; Гуревич 2005: 196; Lett 2013: 40]. Репрезентативный портрет самого известного средневекового рыцаря Ланселота представлен в прозаическом романе первой трети XIII в. *Lancelot dou Lac* из цикла 1215-1230 гг. *Вульгата*:

Il avait très bonne mine, le teint entre le brun et le blanc, brun doré peut-on dire; et son visage s'illuminait naturellement d'un rouge qui s'harmonisait bien avec le brun et le blanc : Dieu y avait si artistement associé les trois couleurs <...> Des lèvres rouges et ourlées lui dessinaient une petite bouche qui s'ouvrait harmonieusement sur de menues dents blanches et serrées ; son menton se creusait d'une fossette, son nez était légèrement busqué, – l'un comme l'autre de proportions parfaites. Ses yeux, clairs et rieurs, lui donnaient habituellement un air joyeux <...> Enfin, il avait un front haut et bien dégagé, des sourcils bruns largement écartés et des cheveux blonds ondulés.
[LANCELOT: IXa].

У него было красивое лицо, тон кожи между смуглым и светлым, можно сказать, золотисто-бурый; и его лицо светилось естественным алым тоном, который хорошо сочетался со светлым и смуглым; Бог-творец смешал в нем три цвета <...> Алые и очерченные губы обрамляли маленький рот с гармоничными маленькими, ровными и белыми зубами; подбородок с ямочкой и нос с небольшой горбинкой идеально сочетались. Его яркие и смеющиеся глаза придавали ему радостный вид <...> Наконец, у него был высокий выдающийся лоб, карие широкие брови и светлые вьющиеся волосы.

Видим, что в характеристике внешнего вида рыцаря подчеркивается несколько аспектов. Во-первых, все в рыцарском портрете уравновешенно, умеренно, пропорционально. В этом проявляется такая аксиологическая единица

средневековой этики и эстетики, как *мера* (*mesure, mâtze*) [Гуревич 2005: 143]. Выявленная связь между категориями *прекрасного* и *гармоничного* являют собой основу эстетических и философских воззрений эпохи, высоко ценившей пропорции, согласованность и ясность [Вышенская 2018: 73].

Во-вторых, в разнообразии представлены оценочные эпитеты с положительной семантикой, в том числе с усилительным наречием *bien*, которые подчеркивают эстетическое совершенство внешнего вида рыцаря: *bel, admirable, agréables, bien dessinées, bien fait*.

В-третьих, среди использованных для дескрипции рыцаря прилагательных выделяется группа цветовых характеристик, которые аккумулируют не только описательное, но и оценочное значения, так как цвет в средневековой культуре имел символический, сакральный смысл. В современной лингвокультурологии распространены исследования семантики цвета и цветообозначений, так как использование определенных цветовых характеристик свидетельствует об «архетипических коллективных представлениях» [Петрова 2013: 130]. В портрете героев цвет выступает в функции сложного культурного конструкта и позволяет автору выразить свое отношение к герою, наделить его определенными качествами [Пастуро 2012: 117; Игнатьева, Шерхонова 2014: 189; Тропина 2014: 784]. Так, белый и все светлые оттенки (*blanc, éclatant, vif*) в маскулинном портрете символизируют жизненный опыт и мудрость, указывают на духовность и славу [Пастуро 2012: 155]. Оттенок алого (*vermeil*) в мужском образе выступает как символ жертвенности [Игнатьева, Шерхонова 2014: 190], очищающего огня [Тропина 2014: 784]. Наконец, идеальность мужской красоты Ланселота подчеркивается тем, что она дана Богом.

Итак, приведенный вербальный портрет рыцаря демонстрирует стандарт дескрипции мужчины-воина в средневековом художественном дискурсе. Внешность рыцаря сводится к образу красивого, энергичного мужчины с хорошим телосложением и привлекательными, пропорциональными чертами. Вся одежда и вещественные атрибуты рыцаря связаны с его военной деятельностью и могут быть разделены на три семантические группы: вооружение (*l'offensif*), доспехи (*le défensif*) и предметы, необходимые для конного передвижения [Marty-Dufaut 2014: 15]. Частотность словоупотребления подсчитана по результатам поискового

запросов вида recherche dans le lexique > recherche d'une entrée > [VED=lance] > structure, а также index > requête = [word="espee.*"] для включения форм единственного и множественного числа.

К гиперониму *armes* (вооружение рыцаря для нападения) отнесем следующие наиболее частотные лексемы, выявленные с использованием контент-анализа в корпусе рыцарских романов DECT:

Lance (javelot) – метательное или колющее копье (231 употребление²). Наивысшей популярности использование копья достигает в эпоху рыцарских турниров: тогда копье, украшенное родовым знаменем, стало главным рыцарским оружием. С этих пор рыцари, владеющие техникой боя на копьях, формируют особую элитарную группу.

Bouclier (blason, blazon, écu, escu, scutum) – щит (227 употреблений). Зачастую щит имел округлую форму и был покрыт кожей для большей прочности. С XI в. распространение получают более эффективные продолговатые, укрепленные металлом, норманнские щиты *écu*. Щиты были оснащены *bocle* – выпуклой центральной частью щита, на которой располагались гербы сеньоральных домов или родовые гербы, указывающие на доблесть предков [Icher 2000: 85].

Épée (espee, spatha) – меч, наиболее важное рыцарское оружие (158 употреблений). Меч выступает не только боевым оружием, но и семиотической единицей средневековой культуры. Меч – это знак избранности, ведь именно мечом король посвящает своих вассалов в рыцари [Quevillon 2009: 18]. Прочитаем авторскую реплику из романа *Perceval ou le Roman du Graal* Кретьена де Труа:

- *Et li prodom l'espee a prise, / Se li ceint et si le beisa, / Et dit que donec li a / La plus haute ordre avoec l'espee / Que Dex a fete* [BFM-Perc 2013: 367b] – благородный муж взял меч, / подпоясал им [рыцаря] и поцеловал меч, / и сказал, что посвящает его / в самый благородный орден этим мечом, / созданным Богом.

Меч также имеет христианскую коннотацию, являясь священным оружием [Каплан 2008: 17]. Зачастую меч выполнен в форме креста, таким образом, рыцарь имел возможность давать клятву или произносить молитву перед своим мечом,

² Здесь и далее подсчеты проводились на основе электронного текстового корпуса DECT.

который также символизирует победу над грехами неверных и правосудие [Скачко 2005: 93; Иванов 2017: 37].

При прохождении обряда посвящения в рыцари, меч выступал гарантом праведности, здравомыслия, справедливости, верности христианству и защиты прав Святой Церкви: *garder et soustenir et maintenir droiture, raison et justice de toutes pars sans fausser pour nuls à la foy crestienne et est drois de Sainte-Église* [De Charny 1967: 516]. Особый статус меча в рыцарском арсенале подтверждается и древнегерманской традицией давать мечам имена, наделяя их душой [Marty-Dufaut 2014: 44]. Имена наиболее известных мечей сохранились в текстах художественного дискурса: *Durandal* у Роланда, *Joyeuse* у Карла Великого, *Hauteclaire* у Оливье, *Arondie* у Ланселота, *Galatine* у Гавейна. Все имена мечей принадлежат к грамматической категории женского рода. Таким образом, проявляется особая связь между рыцарем и мечом, сравнимая с влюбленностью.

Hache (*hâppia*) – топор, рубяще-метаемое оружие (12 употреблений). Подвидом топора являлась *francisque*, используемая франками и германцами.

Arbalète (*arbaleste*, *arblaste*, *arcuballista*) – арбалет, стрелковое оружие, используемое рыцарством с X в. (6 употреблений).

Arc (*ars*, *arcus*) – лук (5 употреблений). Изначально стрельба из лука считалась недостойной рыцаря и свойственной простолюдину, в силу сравнительно несложного и недорогого процесса изготовления [Петренко 2016: 95].

Гипероним *armeüre* / *équipement* (доспехи) представлен наиболее многочисленной группой лексем.

Heaume (*hiaume*, *elme*, *helme*) – шлем, важнейшая часть рыцарских доспехов, защищающая лицо и голову (61 употребление). Различали большое разнообразие головного защитного убора: *le casque*, *le camail*, *le bassinet*, *la salade*, *le chapel*, *la barbute*, *l'armet* [Marty-Dufaut 2014: 22-24]. Интересно, что шлем никогда не надевали прямо на голову: сначала голову покрывали пуховой шапочкой и шелковым чепцом. Шлем имел семиотическую социальную функцию, так как короли и богатые бароны украшали свои шлемы золотом, драгоценными камнями и вырезали символические надписи на ободках [Иванов 2017: 41]. Рыцарский защитный головной убор был наполнен и символическим значением: воплощая в себе духовно-идейные смыслы, шлем выступал гарантом неуязвимости и боевой

мощи его владельца [Ковшова 2015: 46]. Значение шлема для рыцаря просматривается в метонимии, которая описывает войско рыцарей через указание на их шлемы в романе *Erec et Enide* Кретьена де Труа:

- *Maint hiaume de fer et d'acier, / Tant vert, tant giaeune, tant vermoil, / Reluire contre le soloil* [BFM-EE 2013: 8f] – Множество шлемов из железа и стали, / зеленых, желтых, алых, / сияет на солнце.

Haubert (*hauberc, halberc, halsberg*) – хауберк (хоуберк), особый вид длинной кольчуги (*cotte de mailles*) из железной металлической сетки с рукавами и капюшоном (54 употребления). Защитные части доспехов имели и символическую функцию: оберегать рыцарское сердце от пороков [Скачко 2005: 93]. Поверх хауберка часто надевали *surcot* (сюркот, плащ, накидка), которая защищала дорогостоящие доспехи от палящего солнца, а также демонстрировала сеньоральную или фамильную символику. Чтобы подчеркнуть высокий социальный статус рыцаря, его кольчугу часто золотили, серебрили и украшали подол переплетенными тонкими лесками, которые напоминали кружево [Иванов 2017: 40].

В портретных описаниях лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* также встречаются многочисленные детали обмундирования для защиты головы и шеи (*gorgerin, bavière*), рук (*canon d'arrière-bras, canon d'avant-bras, cubitière, gantelet, spalière*) и ног (*cuisse, genouillère, grève, jambière, soleret*). Доспехи рыцаря также формируют семиотическую систему, так как каждый элемент одеяния несет символическое сакральное значение. Например, алая туника (*cotes vermeilles*) – готовность пролить кровь за христианскую веру и Святую Церковь; черные ботинки (*chaucés noirs*) – напоминание о близости смерти и о том, что тело человека рождается из земли и в землю же уходит; белый пояс (*courroie toute blanche*) – символ того, что тело рыцаря защищено чистотой и целомудрием [De Charny 1967: 514-516]. Сакральное значение обмундирования передается и в процессе разжалования рыцаря, так как символизм церемонии заключается именно в публичном позорном лишении доспехов и оружия. В частности, процедура лишения титула предполагала следующие этапы: разоружить воина, снять доспехи и шпоры, сломать меч, стереть геральдические знаки со щита [Иванов 2017: 20].

Ввиду того, что рыцарь отличается от других представителей воинства тем, что несет конную службу, его внешний облик включает атрибуты, необходимые для езды на коне. Отметим, что сам конь (*cheval, chevax*) является символом элитарности рыцарства из-за невероятной материальной ценности, которую можно сравнить со стоимостью целой сельской виллы [Ауров 2001: 47]. Рыцарская лошадь – *cheval* (340 употреблений) принципиально отличалась от сельской рабочей лошади (*roncin*), чья номинация в художественном дискурсе Средневековья принимала пейоративную коннотацию, описывая плохую, невыносливую лошадь (23 употребления). В трактате *le Livre de l'ordre de chevalerie* (1235-1315) указывается, что именно рыцарская лошадь являлась самым красивым, быстрым, выносливым, благородным, услужливым и подходящим животным для почтенного рыцаря, а потому служила ему в бою, на охоте и на турнире [цит. по: Aurell 2011: 14].

Сопутствующими атрибутами наездника, необходимыми для конной службы являлись *saparaçon* и *chanfrain* (защитная броня для лошади), *étrier / estrieu* (стремя) и *selle / sele / arçon* (седло, обычно сделанное из дерева). *Éperon / esperon* – шпоры, служащие для управления и ускорения лошади, которые, по традиции, дарили новому рыцарю на церемонии посвящения. Семиотика данного предмета рыцарского обмундирования, выполненного из золота, включает символический отказ от такого качества, как алчность:

- *en segnefiance que l'or est le plus convoiteux mettail qui soit, et pour ce le met l'en es piés, pour qu'il oste de son cuer toute mauvaise convoitise d'avoir* [De Charny 1967: 515] – в знак того, что золото – это самый желанный металл, вызывающий жадность, и надевая его на ноги, изгоняем из сердца греховную алчность и жажду обладания.

Представленное оружие и атрибуты необходимы для внешней демонстрации статуса рыцаря. В этой связи, исследователи определяют их, как *инсигнии* – должностные отличия и вещественные знаки, позволяющие легитимизировать власть [Словарь средневековой культуры 2003: 189]. Подытожим внешний облик лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* портретом, представленным Ж. Флори: *un guerrier revêtu du haubert ou de la brogne, du heaume, portant l'écu et la lance. Un homme équipé pour le combat* [Flori 1979: 25] – воин одетый в хауберк или в броню и в шлеме, который носит щит и копье. Мужчина, вооруженный для боя.

Социальный статус. Стратификация средневекового общества строилась на оппозициях: священнослужитель (*clerc*) / мирянин (*laïc*), могущественный (*nobilis*) / зависимый (*serf*), сюзерен (*seignor*) / вассал (*vassus*), богатый (*riche*) / бедный (*povre*). При этом рыцарь мог занимать любую ячейку представленных биномов, кроме клерикальной. Наиболее типичными социальными характеристиками рыцаря являются благородное происхождение, большое материальное богатство и независимость. Однако средневековый рыцарь может быть достаточно беден и не обладать собственной землей. Богатство и знатность являются важными характеристиками рыцарства, но не выступают в роли жестких детерминативов. Обладание лошадью и оружием также не определяли рыцаря, так как даже богатые крестьяне могли обладать этим имуществом.

Рыцарь необязательно был выходцем из знатного древнего военно-аристократического рода, поскольку сам социальный класс дворянства (*nobilis*, *noblesse*, *nobles*) в XII в. переживает свой упадок, который ведет к размыванию границ знатных семей. В итоге, к XIII-XIV в. все рыцари, прошедшие посвящение, получали благородный титул. Таким образом, военно-аристократический (*chevaliers*) и знатный (*nobilis*) классы слились, образовав единый высший класс – *gentilshommes* (знать, дворянство) [Duby 2008: 10-11]. Точно отличить настоящего рыцаря мог лишь пройденный обряд посвящения и обладание навыками конной езды [Каплан 2008: 13; Игнатьева 2009: 102]. Рыцарское сословие не является однородным и включает в себя ряд социальных единиц.

Escuyer (*escuier*), также *damoiseau* (*damoisel*) – оруженосец, мужчина, достойный рыцарского титула по рождению, но не обладающий достаточным материальным состоянием, чтобы обеспечить себя вооружением, обмундированием, лошадью. Представленные титулы являются благородными и почетными. Переход из статуса *écuyer* в статус *chevalier* реализуется посредством церемонии посвящения *adoubement*. Выявлены следующие дефиниции лексемы *écuyer*: *celui qui dresse des chevaux, qui enseigne à monter à cheval* (кто дрессирует лошадей и учит ездить верхом); *le porteur d'écu d'un chevalier et l'accompagnait à la guerre* (кто носит щит рыцаря и сопровождает его на войне) [Mazure 1863: 81-82]; *gentilhomme qui porte l'écu d'un chevalier et le sert* (благородный мужчина, который носит щит рыцаря и служит ему); *un jeune noble qui n'a pas encore été nommé*

chevalier (знатный юноша, еще не назначенный рыцарем) [DHLF 2010: 3240]; *jeune homme noble, Maître, supérieur* (знатный юноша, господин) [DECT 2014: [http](http://)].

Juvenis (*jeunes, juvenus, juvenis miles*) – юноша в возрасте около 20 лет, который недавно окончил военное обучение и с почестями получил рыцарское обмундирование, но который еще не присягнул на военную службу никакому сеньору. Это молодой, одинокий, неженатый рыцарь, который отправился на поиски приключений (*aventures, errances*), возможности совершить боевой подвиг на войне и завоевать прекрасную даму, выиграв турнир. Выделяются два ядерных смысла данного понятия. Во-первых, формальное состояние холостого воина, и во-вторых, возрастное состояние юного мужчины, не получившего ни образования, ни военного, ни церковного, ни светского опыта.

Bachelier (*bachelor*) – юный неженатый рыцарь, недавно принятый в орден и прошедший обряд посвящения. Такие рыцари входили в состав воинской дружины, однако не имели права вести за собой других рыцарей на бой. *Bachelier* определяется как *jeune chevalier* (юный рыцарь, новый рыцарь) [DECT 2014: [http](http://)]; *bas chevalier, classe de nobles intermédiaires entre l'écuyer et le chevalier* (низшее рыцарское звание, благородный класс между оруженосцем и рыцарем) [Mazure 1863: 20].

Сфера деятельности. Современный научный взгляд на рыцарскую жизнь не совпадает с традиционным мнением о том, что основным родом занятий рыцарства были войны и сражения средневековой действительностью. Например, Ж. Флори настаивает на том, что в рассматриваемую эпоху битвы представляли собой настолько большую редкость, что многие рыцари ни разу в жизни не принимали участия в реальных военных действиях [Flori 1998: 114]. В этой связи, за неимением иной работы, праздные рыцари посвящали большую часть времени тренировкам и подготовке к выполнению воинских функций, а также участию в турнирах.

Появление традиции рыцарских придворных турниров (*combat chevaleresque, tournoi, joute*) относится к XI в., когда из обыкновенных военных упражнений с использованием искусственных манекенов рождаются поединки. По мнению Ж. Марти-Дюфо [Marty-Dufaut 2014: 74], расцвет культуры придворных поединков связан с историческими персоналиями XII в.: королем Генрихом (*Henri le Jeune*) и

Гильомом Маршалом (*Guillaume le Maréchal*), которые каждую неделю устраивали на территории северной Франции турниры. В них установились рыцарские ценности: стремление совершить подвиг, готовность разделить победу с соратниками, жажда трофеев, развитие боевых способностей, самодисциплины.

Участие в турнире имело несколько целей: завоевание славы, привлечение внимания богатых сеньоров, которые могли бы предложить вступление в вассально-сюзеренные отношения, и завоевание прекрасной дамы. Историк Ж. Флори выделяет три черты, характеризующие средневековые поединки [Flori 1998: 131]. Во-первых, утилитарный аспект (*aspect utilitaire*) турнира заключается в том, что рыцарь может подготовиться в войне, попрактиковать свои боевые умения и проверить себя в сражении. Во-вторых, игровой элемент (*dimension ludique*) поединка выражается в азартности: рыцари проявляют в турнире спортивный интерес, стремясь не убить соперника, а победить его, показав свою честь, завоевав славу и, зачастую, вознаграждение. В-третьих, праздничный характер (*caractère festif*) делает из турнира зрелищное и жестокое празднество. Наряду с идеологическим значением формирования рыцарской этики, турниры имели и более прикладные задачи. Так, с XIII в. можно было встретить рыцарей, которые зарабатывали на турнирах, за что получали общественное порицание, но вместе с тем и немалые материальные выгоды [Оссовская 1987: 500; Носов 2004: 11]. Такие воины не участвовали ни в битвах, ни в Крестовых походах, а лишь соревновались во всех доступных поединках, чтобы извлекать из победы бенефиции (конь, доспехи, драгоценное обмундирование, подарки дам и выкупы от проигравших).

Кроме сражений в турнирах и в междоусобных феодальных войнах, средневековые рыцари известны своим участием в освободительных религиозных Крестовых походах. Первый поход (*croisade*) был организован Папой Римским Урбаном II в 1095-1096 гг. с целью привлечь европейское рыцарство на защиту христиан в осаждаемом мусульманами Иерусалиме [Франкопан 2018: 72].

Видим, что целеполагание рыцарской деятельности изменяется: служба сеньору, поиск боевой славы и подвигов уступают место религиозному очищению. Затем западноевропейское рыцарство предприняло еще восемь Крестовых походов, которые не только оказали глубокое влияние на духовность рыцарства и

послужили основой для формирования у них религиозной идентичности, но и повысили социальный статус рыцарства вплоть до перехода в класс дворянства.

Обязанности рыцаря Средневековья формируют *кодекс чести* – свод законов, правил поведения и этикета благородных мужчин. По результатам проведенного анализа обязанности рыцаря разделили на три функциональные группы: защитные, морально-христианские и светские. К *защитным* функциям отнесем установление справедливости в отношении бедняков (детей, вдов, старцев) и страждущих, готовность выступить в военную оборону или нападение по зову своего сюзерена.

Морально-христианский долг представлен, в первую очередь, требованием протекции Церкви. Схоластическая идеология предлагала рыцарям прощение их грехов и спасение души в обмен на охрану церковной собственности, защиту клириков и распространение христианской веры во время Крестовых походов. Как следствие, рыцарь был обязан заниматься благотворительностью, присутствовать на мессах, поститься, молиться, избегать таких пороков, как тщеславие, зависть, хвастовство, злословие и клевета [Icher 2000: 37; Quevillon 2009: 24].

Светские обязанности в наибольшей степени передают куртуазную составляющую рыцарской идеологии. Так, знатному рыцарю подобало иметь навыки в музыке, поэзии, танцах и даже небольшие знания латыни [Icher 2000: 88]. Средневековое общество, за исключением образованного монашества, находилось в условиях тотальной безграмотности: литература и церковная служба существовали исключительно в устной форме в связи с тем, что подавляющая часть населения не умела ни читать, ни писать и говорила на местных романских говорах. На этом фоне рыцарское сословие выделялось по уровню образованности и воспитанности. Так, начиная с XII в. рыцарь был обязан пройти академическое обучение семи так называемым *свободным искусствам* (*trivium* и *quadrivium*: грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка), и получить навыки в семи боевых и досуговых занятиях (верховая езда, плавание, стрельба из лука, соколиная охота, шахматы и стихосложение) [Aurell 2011: 48].

Многие исследователи указывают на такую особенность рыцарского поведения, как доходящая до мотовства «щедрость вплоть до расточительного пренебрежения к деньгам» [Оссовская 1987: 18; Duby 2008: 126-127]. Стремление

казаться богаче, чем ты есть, окружая себя роскошью и проявляя щедрость в отношении гостей, – рыцарский императив. Такое расточительство должно было указывать на социальную отдаленность рыцаря от класса *vilains* (бедняки), в также снимать с благородного воина возможность обвинения в скупости. Таким образом, щедрость выступает социальным и моральным символом рыцарства.

Французский архивист XIX в. Л. Готье в своем значительном для медиевистики труде *La Chevalerie* приводит императивы рыцарского кодекса:

<i>Tu croiras à tout ce qu'enseigne l'Église</i>	Ты будешь верен учинению Церкви
<i>Tu protégeras l'Église</i>	Ты будешь защищать Церковь
<i>Tu auras le respect de toutes les faiblesses, et t'en constitueras le défenseur</i>	Ты будешь уважать всех слабых и станешь их защитником
<i>Tu aimeras le pays où tu es né</i>	Ты будешь любить родину
<i>Tu ne reculeras pas devant l'ennemi</i>	Ты не отступишь пред врагом
<i>Tu feras aux infidèles une guerre sans trêve et sans merci</i>	Ты будешь сражаться с неверными без мира и без пощады
<i>Tu t'acquitteras exactement de tes devoirs féodaux, s'ils ne sont pas contraires à la loi de Dieu</i>	Ты будешь выполнять феодальный долг, если он не противоречит закону Божьему
<i>Tu ne mentiras point, et seras fidèle à la parole donnée</i>	Ты никогда не солжешь и будешь верен данному слову
<i>Tu seras libéral, et feras largesse à tous</i>	Ты будешь щедрым со всеми
<i>Tu seras, partout et toujours, le champion du Droit et du Bien contre l'Injustice et le Mal.</i>	Ты будешь повсюду и всегда защитником Закона и Добра против Несправедливости и Зла.

[Gautier 1894: 33].

Для полноценного представления занятий и обязанностей рыцарства, приведем отрывок из анонимного романа *Lancelot dou Lac*. Представлен эпизод, в котором юному, в будущем великому рыцарю Ланселоту рассказывают, в чем состоит долг идеального рыцаря [LANCELOT: XXIa]:

- *défendre les humbles et les pacifiques* (защищать страждущих и мирных жителей),
- *s'opposer aux violences* (противостоять жестокости),
- *se montrer courtois sans grossièreté, bienveillant sans cruauté, compatissant envers ceux qui souffraient, généreux et disposé à secourir ceux qui se trouvaient dans le besoin* (быть учтивым без грубости, доброжелательным без жестокости, сострадательным к несчастным, щедрым и готовым прийти на помощь тем, кто в нужде),
- *se garder de toute action qui puisse être reconnue ou seulement soupçonnée d'être contraire à l'honneur; il doit craindre le déshonneur plus que la mort* (оберегать себя от любого поступка, грозящего чести, он [рыцарь] должен бояться бесчестия больше

смерти),

- *protéger la Sainte Eglise* (защищать Святую Церковь),
- *défendre celui qui, frappé sur la joue droite tend la joue gauche* (защищать того, кто подставит другую щеку).

Речевые особенности. Изучение коммуникативного поведения на вербальном (лексические и синтаксические привычки) и паравербальном (фонетические особенности, жестикуляция, громкость, интонации) уровнях позволяет более полно смоделировать перцептивную составляющую ЛКТ, составив *речевой (языковой) портрет* [Лингвокультурные типажи 2019: 11].

Исследования современной гендерной лингвистики признают наличие гендерной дифференциации в речевом поведении мужчин и женщин. На особенности речи влияют биологические (произношение, тембр голоса, темп речи), психологические (тактики и стратегии, иллокутивные цели, гендерно-специфический выбор лексики, способы достижения коммуникативных целей) и социальные (социо-профессиональный статус, возраст, этническая принадлежность, статусно-ролевые характеристики в коммуникации) факторы [Бакушева 1995: 3-4]. Так как рыцарство детерминировано с гендерной и с социокультурной точек зрения, имеют место особенности речевого поведения лингвокультурного типажа.

Отметим, что рассмотренный ранее концепт *куртуазность* включает помимо поведенческих прескрипций также и императивы речевого поведения. Изучая коммуникативные особенности куртуазного рыцарства, современный французский медиевист М. Орелл составил список правил общения, принятых в данном сословии для ведения беседы [Aurell 2011: 355-361]. Законы речевого поведения [Приложение №1] сводятся к следующему:

- быть внимательным к собеседнику;
- держаться спокойно, улыбчиво, в меру неискренне;
- поддерживать беседу за столом, но не разговаривать во время еды;
- отвечать красивыми, развернутыми, грамматически и фонетически правильными фразами, подходящими формулами вежливости;
- употреблять и корректно произносить экзотизмы и заимствования;
- избегать оскорблений, обвинений, многословия, излишней

жестикуляции, ярких интонаций;

- воздерживаться от постыдных, легкомысленных и недостойных тем.

Обратимся к анализу речевого поведения рыцарства, которое выражается через рекуррентные предикаты с семантикой говорения в препозиции или постпозиции по отношению к прямой речи, представляющей слова рыцарства. Материалом анализа послужили пять куртуазных версифицированных романов Кретьена де Трюа *Érec et Énide*, *Cligès*, *Lancelot ou Le Chevalier de la Charrette*, *Yvain ou Le Chevalier au Lion* и *Perceval* [DECT 2014], анонимный прозаический роман *Queste del Saint Graal* [BFM-QSG 2013] и героическая жеста *Chanson de Roland* [BFM-CR 2006]. Таким образом, был сформирован репрезентативный текстовый корпус из более 350000 языковых единиц, представляющий особенности художественного дискурса XII-XIII вв. Корпусы проекта *Базы средневекового французского (BFM)* постоянно пополняются и дорабатываются с 1989 г. и на данном этапе представляют собой полнотекстовую базу текстов, основанных на современных критических изданиях средневековых манускриптов [Lavrentiev 2015: 228].

Для корпусного анализа использованы запросы вида contexte > requête = [pos="VERcjc"] []? q="[123]" для отбора контекстов сочетания части речи (глагол) и прямой речи в постпозиции с возможным интервалом, а также аналогичный запрос contexte > requête = q="[123]" []? [pos="VERcjc"] для препозиции прямой речи. Глаголы говорения, относящиеся к рыцарским коммуникативным практикам, разделены на несколько семантических групп.

1. Глаголы непосредственного говорения, не обладающие дополнительными коннотациями. Эта наиболее многочисленная группа предикатов представлена лексемами *dire* (иногда с прямым дополнением *un mot*), *faire* (в качестве *proposition incise* – вводного предложения для прямой речи), *parler*, а также глаголы с подчеркнутым нарративным значением *reconter* и *redire*.

2. Диалоговые глаголы, содержащие значения коммуникации, обращения, ответа и взаимопонимания, занимают второе место по количеству. Этот факт указывает на то, что коммуникация и диалог широко представлены в средневековом художественном дискурсе. Выделим глаголы со значениями: обращаться (*aparler*, *apeler*, *araisnier*, *nomer*, *rapeler*, *reclamer*), спрашивать и

отвечать (*demander, répondre*), соглашаться (*entredire, interaccorder*) и молчать (*se taire*).

3. Следующую группу составляют глаголы с христианской семантикой: благословить (*beneir, sermonner*) и молить (*prier, faire une priere*).

4. Глаголы с яркой эмоциональной коннотацией представлены, в большей степени, предикатами со значением громкого призыва: кричать (*braire, escrier, huchier, huier*), а также с семантикой сетования: жаловаться (*plaindre, regreter*).

5. Отличительной чертой коммуникативного поведения рыцарства, представленного в художественном дискурсе, является частое использование глаголов-орективов или императивных речевых жанров [Томберг 2019: 64], выражающих воодушевление, побуждение к действию, возбуждение чувств и воли подчиненных или компаньонов [Ивин 2006: 24]. Среди предикатов-декларатив отметим: подбадривать (*mentevair*), призывать к действию (*conseiller, enorter, semondre, lire ad comandet*), воодушевлять (*amonester, encourager, esmovair*).

6. Наименее многочисленная глагольная группа содержит всего два предиката с негативной коннотацией: лгать (*mentir*) и клеветать, плохо отзываться о ком-либо (*mesdire*). Пейоративные глаголы немногочисленны в силу того, что рыцарство связывалось с положительным моральным поведением, для которого неприемлемы ложь и злословие.

Наречия образа действия, деепричастия и устойчивые обороты, которые находятся в вводных конструкциях перед прямой речью, характеризуют манеру говорения рыцаря. Определены следующие квалификативные признаки речи: гнев, ярость, неистовство (*par maltalant, ireement, fierement*), учтивость и вежливость (*curteisement*), нежность и мягкость (*dulcement*), чувственность и дружелюбие (*par amur*), смех (*belement en riant*).

В отношении смеха в эпоху схоластического Средневековья следует сделать ряд замечаний. Начиная с разрушения развлекательной культуры Античности вплоть до XII в. смех рассматривался как осуждаемое, позорное и даже бесовское проявление телесности, неспособности справиться с чувствами. Неодобрительное отношение к проявлению физиологических импульсов (смех и жестикация) связано, в первую очередь, с церковной идеологией, призывающей к аскетичному

образу жизни [Ле Гофф, Трюон 2008: 30-33, 73]. В то же время, изучая народную смеховую культуру в Средние века, М.М. Бахтин заключил, что *карнавальная культура* смеха выполняла компенсаторную функцию по отношению к общекультурной средневековой аскезе, печали и самоограничениям [Бахтин 1990: 106]. Смех связывался с праздником и играл значительную роль в жизни средневекового городского общества, о чем свидетельствуют традиции организации увеселительных народных мероприятий: уличные карнавалы, площадные шествия, *festa stultorum* (праздники дураков). В данном случае речь идет уже не о порицаемой индивидуальной эмоции, а о смехе толпы, о поощряемом всенародном увеселении.

К явно негативным признакам речи относим хитрость (*par grant veisdie*) и хвастовство (*faite sa vantance*). Голос рыцарей описывается квалификативными именами прилагательными *halt* (громкий), *cler* (четкий и ясный). Среди индикаторов манеры речи рыцарей представлены компаративные обороты *parled a lei de chevaler* (говорить, как рыцарь, на манер рыцаря) и *pluret cum chevaler gentill* (сокрушаться, как благородный рыцарь). Эти сравнения подтверждают гипотезу о том, что рыцари обладали определенным, исключительно им присущим, речевым поведением.

Наконец, рассмотрим общие тенденции номинации рыцарей в художественном дискурсе XII-XIII вв. Особое значение ономастического элемента в средневековой лингвокультуре связано с тем, что имя собственное выступало не только в роли формальной номинации человека, но и как символ, концептуальная характеристика человека [Викулова, Васильева 2015: 58-59]. Историки и литературоведы выделяют около 150 основных представителей лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*.

Интересно привести исследование французского медиевиста М. Пастуро [2012: 324], в котором автор приводит имена литературных рыцарей, которые использовались в качестве реальных крестильных имен – Тристан, Ланселот, Артур, Гавейн и Персеваль. Следовательно, можно утверждать, что рыцарь стал базовым культурообразующим представителем французской персониферы и значимой частью системы персоналий западноевропейской культуры. *Персонифера* – совокупность личностей, которые являются значимыми для

данного лингвокультурного среза. Яркие представители персониферы выполняют семиотическую функцию и имеют как выраженные индивидуальные черты, так и типичные качества [Седых 2011: 154].

Единицы персониферы обычно основаны на прототипических реальных личностях (королях, вождях, артистах), однако для более древних лингвокультур характерно вхождение системы персониферы в художественное (литературное) пространство, которое является «образной моделью действительности» [Игнатьева 2015: 67]. Приводим в качестве примера собранную французской историком-литературоведом Ж. Марти-Бюфо галерею образцовых средневековых героев-рыцарей [Marty-Dufaut 2014]. Среди исторических личностей эпохи VIII-XVI вв. ученый выделяет, в частности, Роланда, Вильгельма Аквитанского, Вильгельма Завоевателя, Вильгельма Маршала, Черного принца и Пьера де Баярда. К виднейшим литературным рыцарям автор относит Ланселота, Ивейна, Персеваля, Гавейна и Галаада.

Номинации рыцарей представлены также семантическими группами:

- титулы, статусы и звания: *chevalier* (рыцарь), *rois* (король), *seigneur* и *sires* (господин), *duc* (граф), *serjant* (вассал), *mestre* (сюзерен), *barun* (барон). Для отбора примеров использован запрос вида index > requête = [word="cheval(ier.*|eri.*)"%C] для вариативного поиска грамматических форм лексемы (*chevalier/chevalerie*) без учета регистра. Употребление обращений в 3-м лице с использованием лексем, выражающих превосходство, могущество и старшинство, часто сопровождалось притяжательным местоимением 1-го лица и являлось этикетной нормой [Успенский 2011: 22];
- демографические (гендерные и возрастные) номинации: *enfant* и *vaslet* (юноша), *ome* (мужчина);
- родственная соотнесенность: *frere* (брат), *filz* (сын), *darrein* (наследник), *cousin* (родственник), *compaign* (соратник, друг);
- топонимическая и этническая соотнесенность: *Perceval le Galois* (Персеваль из Галлии), *Turpin de Reims* (Турпин из Реймса). Отмечается характерное для архаичного общества соотнесение индивидуума и этноса [Культурные трансферы 2015: 18];

- физическое портретирование, выражающееся через *портретные сопряженные номинации* [Игнатьева 2013: 193] с разными типами синтаксической связи: *bele forme d'ome* (мужчина в хорошей форме), *garni de toutes biautez* (украшенный всеми красотами), *si bel enfant et si bien taillié* (красивый, хорошо сложенный юноша);

- оценочное портретирование: *preudome* (высокоморальный человек), *sainte chose* (святой человек), *meillor de toz* (лучший из всех), *chevalier parfet* (идеальный рыцарь), *verai chevalier* (истинный рыцарь), *la flor de terriane chevalerie* (цвет земного рыцарства).

Итак, по результатам моделирования паспорта лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*, рыцарь является военным на конной службе, владеющим необходимыми навыками и атрибутами. Рыцарь следует императивам кодекса чести с его защитными, морально-христианскими и светскими предписаниями. Традиционное социокультурное пространство рыцаря ограничено полем сражения, придворной территорией, церковью и феодалом. Средневековый рыцарь, представленный в художественном дискурсе XII-XIII вв., олицетворяет собой воинскую честь, личную славу, смелость, отвагу и физическое превосходство. Исходя из полученных данных, делаем вывод о том, что типаж *chevalier médiéval* может считаться модельной личностью рассматриваемой лингвокультуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Ценностный портрет средневекового рыцаря эпохи европейского феодализма формировался под влиянием таких экстралингвистических факторов, как укрепление феодально-сеньориальной системы, переход к феодально-религиозной аксиологической системе. Интерес к языковой реконструкции маскулинного антропологического архетипа рыцаря связан с превалированием культуры андроцентризма, ростом социальной и культурной значимости, престижа типажа рыцаря в средневековый период. Рыцарство признается ключевым понятием, формирующим средневековый европейский дискурс, в котором находят отражение куртуазные, этические и христианские ценностные доминанты.

2. Используемый в работе метод лингвистического аксиологического анализа – семиметрия – направлен на синтез значений и оценок ключевой лексемы (*chevalier*), в изучаемый исторический период. Это способствует выявлению важнейших для социума содержательных, онтологических и ценностных смыслов.

3. Результатом семиметрического анализа лексемы *chevalier* стала концептуально-ценностная модель лингвокультурного феномена рыцарства. Средневековый рыцарь – это всадник-вассал благородного происхождения, официально принятый в рыцарское сословие через церемонию посвящения. Ценностная сущность рыцарства коренится в понятии долга, предписывающего защиту слабых, охрану Церкви и веры, установление справедливости, проявление доблести и вассальной верности, а также следование правилам куртуазного поведения. В итоге выявлен комплексный феномен *idéologie chevaleresque*, формирующий границы культуuroбразующей группы конных воинов.

4. Анализ средневекового рыцаря как лингвокультурного типажа, предпринятый в рамках антропоцентрического направления лингвистики, позволил составить паспорт лингвокультурного типажа, состоящий из следующих пунктов: гендерная принадлежность, внешность, социальное положение, сферы деятельности и особенности речевого поведения. Маскулинность рыцаря строится из таких элементов, как поиск славы, честь и смелость, а также допускает наличие феминных проявлений, например, плача.

5. Типичный портрет рыцаря включает описания превосходной физической формы, а также богато украшенных доспехов и вещественных

атрибутов. С социальной точки зрения рыцаря характеризуют благородное происхождение и финансовый достаток, однако эти условия не являются жесткими детерминативами. В сферу деятельности рыцарства входят следующие обязанности: ведение военных действий, участие в Крестовых походах, сражения на турнирах. Наконец, с позиции дискурсивного поведения рыцарства удалось выявить особенности манеры говорения и различных типов номинации. Типаж *chevalier médiéval* признается модельной личностью старофранцузской лингвокультуры.

ГЛАВА 2. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *CHEVALIER MÉDIÉVAL* В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Аксиологический анализ языковой концептуализации рыцаря в художественном дискурсе XII-XIII вв.

Аксиология как междисциплинарный раздел на стыке лингвистики, философии, социологии и культурологии направлена на изучение оценок, ценностей и значимости элементов культуры (*une théorie des valeurs*), обусловленных лингвосоциокультурным контекстом [Arnaud 2012: <https://>]. Аксиология занимается выявлением положительных и отрицательных, относительных и абсолютных оценок, способов их семиотического выражения в различных лингвокультурах [Ивин 2006: 3]. Аксиологический подход к диахроническим исследованиям языковых реалий видится закономерным, поскольку ценности являются основополагающим элементом культуры, так как связаны с категориями мотивированности и направленности деятельности, нормативности и границ возможного и допустимого в определенном обществе [Трунова, Бубнова 2017: 63]. *Лингвоаксиология* (теория оценки, аксиологическая лингвистика) представляется одним из актуальных направлений современного языкознания в силу того, что человеческое познание, будучи когнитивным процессом, реализуется через присвоение познаваемым феноменам не только объективных смыслов, но и ценностных значений. Аксиологическая лингвистика является полем научной деятельности таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, А.А. Ивин, Е.Ф. Серебренникова, В.Н. Телия.

В задачи лингвистики ценностей входит анализ вербализации оценок в дискурсе, исследование конструирования субъектности в дискурсе, изучение исторической эволюции и культурной детерминации различных этических норм, кодексов поведения и систем ценностей [Серебренникова 2017: 37], а также анализ природы ценностей и их связи с социокультурными и личностными факторами [Водяницкая 2012: 108]. *Оценка* как коммуникативная категория вербального выражения субъективного отношения [Манухина 2011: 16] имеет двойственную природу. С одной стороны, оценка – когнитивный процесс сравнения, установления субъективного отношения (ценности) к объекту валоризации

[Трунова, Бубнова 2017: 63], с другой стороны, – результат этого акта в виде прагматического оценочного значения, которое выражает личное мнение, вкус, ощущение, желание и потребность говорящего [Арутюнова 1988: 6; Серебренникова 2011: 25]. Таким образом, оценка, как базовый элемент аксиологии, выступает в двух ролях: валоризационной деятельности (интерпретации) и прагматического значения в виде ценности. Так как оценка является неотъемлемой составляющей познавательной деятельности, актуальность анализа вербальных средств выражения оценки не вызывает сомнений [Водяницкая 2012: 107-108].

Ценность – основополагающая характеристика культуры, которая обусловлена идеями, конвенциями, стереотипами и предпочтениями социокультурной группы. Ценности представляют собой фундаментальные этические и эстетические категории культуры [Красных 2016: 92-93]. Ценность можно определять и через приписывание положительной, отрицательной или нулевой значимости каким-либо предметам или явлениям [Вендина 2002: 279-280]. Отечественные лингвисты объединяют ценности в иерархически организованные структуры, называемые *системой ценностей* [Красных 2016: 92], *аксиосферой* [Радбиль 2017], *аксиологическими ориентирами* [Томберг 2019: 25]. На основе синтеза теоретических исследований по аксиологии выделяем следующие *виды ценностей* [Телия, Графова 1991; Вендина 2002; Карасик 2002; Ивин 2006; Vikoulouva, Sérébrennikova 2014; Красных 2016]:

- положительные / отрицательные / нулевые;
- моральные / эстетические / физические / утилитарные / религиозные;
- внешние (социальные) / внутренние (персональные);
- суперморальные (отношение к Богу) / моральные (отношение к людям) / утилитарные (отношение к себе) / субутилитарные (условия выживания);
- рациональные / эмоциональные / эмоционально-рациональные;
- религиозные / социальные / духовные / этические.

В рамках аксиологической лингвистики проявляется оценочная сторона дискурса за счет использования субъектом «оценочных средств на различных уровнях языка» [Манухина 2011: 73]. *Дискурс* определяем, как связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными,

психологическими и другими факторами [Арутюнова 1990: 136]; единство динамического процесса языковой деятельности и статического ее результата в виде текста [Кибрик 2003: 4]; многоуровневый процесс речевого поведения, состоящий из вербального, интонационного, кинесического и проксемического элементов [Викулова, Шарунов 2008: 234]. Принцип *аксиологичности* дискурса, введенный Е.Ф. Серебренниковой [2011: 43], предполагает, что дискурс выражает не только определенные концепты, но и оценочное отношение к ним субъекта с позиции конструируемой системы ценностей.

Оценочность может проявляться на различных языковых уровнях: например, в морфологии через аффиксы с превалированием оценочного значения, в лексике при использовании общеоценочных и частнооценочных лексем [Вольф 2009: 6-7; Водяницкая 2012: 110]. Наиболее ярко аксиологичность дискурса выражается через выбор лексических средств оценки, в первую очередь, через эвалюативную лексику, позволяющую описать объект дискурса с точки зрения индивидуально-авторских и лингвокультурных ценностных доминант. Оценка может быть представлена как лексическим значением слова, так и его компонентом, одной из коннотаций лексемы.

Особый интерес с позиции оценочности представляет *художественный (литературный, эстетический) дискурс* – корпус художественных произведений, которые являются результатом взаимодействия авторских интенций и комплекса возможных реакций читателя через текст. Отечественные литературоведы и лингвисты относят к определяющим признакам художественного дискурса следующие: наличие *индивидуального стиля*, связь с *историческим контекстом* [Касавин 2008: 298]; ключевая роль *семиотической (знаковой) функции* [Тюпа 2002: 4; Лотман 2016: 30]; *отсутствие* в коммуникативной системе *столкновений и конфликтогенных ситуаций* [Тюпа 2002: 55]; *антропоцентричность*, т.е. центральное значение персонажа как «семантической доминанты текста», отражающей действительность [Дымарский 2006: 118-119].

Дискурсивный подход к диахроническому художественному тексту на старофранцузской языке обосновывается Т.Г. Игнатьевой [2002: 43-44]. Во-первый, текст существует исключительно в контексте (*экстралингвистической реальности, внелитературном ряде, культурном коде*). Во-вторых, к особенностям

средневекового рукописного текста относятся множественность категории автора, подвижность и изменчивость текста, создание новых вариантов, версий и копий. Так, количество рукописных вариантов одного произведения варьировалось от одного до трехсот. Различия могли касаться как художественной составляющей (модификации на уровне содержания, композиции, стиля), так и языковой традиции (диалектная детерминированность лексики, морфологии, синтаксиса, а также графика и орфография разных скриптов) [Скрелина, Становая 2017: 28-29].

В лингвоаксиологическом исследовании культурообразующих концептов древнеанглийских художественных текстов О.В. Томберг [2019: 5, 19] выявляет *имагологическое пространство* лингвокультуры, которое связано с исторической действительностью и транслирует знания о человеке определенной исторической эпохи. Поэтико-художественный аспект лингвокультуры является ее *аксиологическим ядром*, так как выражает самосознание народа и культурный опыт, кодируемый в тексте через смыслы и ценности [Шпет 2007: 130]. Наряду с этим, *рыцарский автостереотип* во времена своего существования не получил четкого документального оформления, поэтому его воссоздание возможно на материале произведений художественного дискурса, посвященных рыцарской культуре [Смирнов 2008: 114]. Изучение средневекового художественного дискурса позволяет выявить оценочное восприятие действительности и картину мира эпохи, изучив воздействие на духовное пространство и систему ценностей читателя через конструирование модельной личности *рыцарь*.

Анализ языковой репрезентации рыцарства производится на материале трех основополагающих жанров средневекового художественного дискурса: *героический эпос, прозаический роман и куртуазная лирика*, включающая версифицированные куртуазные романы. Обращение к текстам художественного дискурса как материала исследования языковой и ценностной концептуализации фигуры рыцаря обусловлено тем, что старофранцузский текст представлял собой *текстотип* – «образец речетворчества данной исторической эпохи, воссоздающий в языковой форме архетипические концепты социального бытия» [Игнатьева 2002: 10]. Жанровая детерминированность изучения концепта *рыцарь* связана с наличием в средневековой литературе стереотипно организованного жанрового канона – исторически меняющихся характеристик текстов [Скрелина, Становая 2017: 8-9] –

закрепляющего определенные сюжетно-тематические топосы [Инатьева 2002: 10]. Понятия жанра и стиля – Ввиду того, что период зрелого Средневековья был временем доминирования категории жанра, литературный канон играл ключевую роль в «"огранке" письменной разновидности языка» [Вышенская 2016: 84]. Рассмотрим элементы аксиологического позиционирования рыцаря:

- базовые *концепты* ценностной картины мира;
- *формальные номинации* разных морфосинтаксических типов;
- *оценочные номинации*, относящиеся к двухсловным морфосинтаксическим номинациям атрибутивного типа;
- физическое и моральное *портретирование*;
- особенности *речевого поведения* и использования *типов речевых актов*;
- типичные *коммуникативные ситуации*.

2.1.1 Языковая репрезентация образа «рыцарь верный» (*chevalier loyal*) в героическом эпосе

В эпосоведении под *героической повестью* (*эпической повестью, жестой*) принято понимать жанр устной и книжной словесности, повествующий о деяниях и событиях мифологического или квазиисторического прошлого [Неклюдов 2015: 7]; форму общественного сознания, которая содержит идеологическое отражение жизненного опыта и исторической действительности и обусловлена социальной практикой [Волкова 1984: 8]; литературные формы, содержащие систему моделей поведения и набор стандартных жизненных ситуаций [Жеребило 2010: 431]. Таким образом, героический эпос представляет собой не только сказочно-художественное, но и достоверное историческое повествование. Для эпического сказания характерно смешение действительности и вымысла [Каплан 2008: 15].

Эпос отражает коллективную демонстрацию и оценку собственной истории. Так, историк языка З.Н. Волкова выявляет во французских жестах 55 персонажей и 14 ситуаций, отражающих реальные исторические события [Волкова 1984: 25]. Выделяют особенности жанра героического эпоса, важные для лингвокультурологической реконструкции.

- Основной мотив – переоценка определенной исторической личности, выполняющей защитные функции, воспевание ее героического поведения.

- Центральное лицо персонажное – модельная личность воина, имеющая синкретический, типизированный характер. Поясним, что под *лицом персонажным* вслед за Т.Г. Игнатъевой понимаем логическое объектное лицо и смысловую опору текста, которая определяет «сущностно-бытийный, онтологический характер текста». Лицо персонажное выступает в качестве предмета речи в семантической структуре текста и выступает его стержнем, смысловой доминантой [Игнатъева 2002: 62-63]. Создается персонаж, выполняющий дидактическую, назидательную, морализаторскую функции. Например, главного героя старофранцузского эпоса Роланда из жести *Chanson de Roland* характеризуют, как «идеальный тип сенешала-домоправителя», «идеал начальника королевской охраны или командующего войском» и «официального героя англо-нормандского королевства» [Каплан 2008: 16].

- Идеологическая и философская функции – формирование новой феодальной этики, выражение социально-типического мировоззрения. Центральной функцией является гиперболизация и идеализация рыцарей, воплощающих эталон верного, отважного и праведного воина.

Средневековый французский героический эпос представлен поэтическим жанром *chanson de geste* (жеста, песнь о деяниях, эпическая песня, эпическое сказание). Жесты посвящены военным сюжетам, имеющим ключевое значение для государственной консолидации во Франкском королевстве: оборона против внешних врагов, верность королю во время феодальных войн и Крестовые походы [История западноевропейской литературы 2000: 55]. В качестве материала исследования выбраны дошедшие до нашего времени в полном объеме жесты:

- *Chanson de Roland* (Песнь о Роланде, 1100 г.);
- *Chanson de Guillaume* (Песнь о Гильоме Оранжском, 1140 г.);
- *Charroi de Nîmes* (Нимская телега, XII в.);
- *Chanson du Pèlerinage de Charlemagne* (Песнь о Паломничестве Карла Великого, XIII в.).

Исследователи героических жест выражают единое мнение о том, что центральным объектом повестей о деяниях выступает определенный тип личности – шаблонный и эмблематичный представитель феодально-вассальной социальной среды, в котором абсолютизированы идеалы и нормы военного поведения,

главными из которых являются *преданность* и *верность* [Сабанеева 2001: 4-5; Zink 2005: [http](http://); Лихачев 2006: 3, 28]. Таким образом, целью данного параграфа является исследование способов языковой концептуализации такой ценности, как *преданность* (*l'œauté*), через образы эпических рыцарей.

Феномен *верность* выражается через концепты, описываемые лексемами семантического поля *вассально-феодальные отношения*. Один из наиболее авторитетных теоретиков западноевропейского феодализма, французский историк М. Блок в своем труде *La société féodale* (Феодальное общество, 1939 г.) определяет *féodalité*, как особый тип социальной, экономической и политической организации, который был распространен, в особенности, на территории бывшей Каролингской империи: в северной Франции и немецких Рейнланде и Швабии X-XII вв. [Bloch 1994: 210]. Характерным социокультурным элементом феодализма являлась индивидуальная военная, финансовая и бытовая созависимость сеньора и вассала, которая породила выражение *estre hons de aucun – être l'homme d'un autre homme* (служить кому-либо, дословно – быть человеком другого человека). Выделяем в семантическом поле вассально-феодальных отношений четыре базовые лексемы: *seignor*, *vassal*, *omage* и *fief*.

Лексема *seignor* описывает феодала, господина-сюзерена, который владеет земельным фьефом и имеет в подвассальной зависимости рыцарей и крестьян, работающих на его территории. Лексемы с корнем *feod* и со значением господина в старофранцузском языке не зафиксировано. С X в. наблюдается ослабление королевской власти и распад института монархии, что описывает немецкий прелат в 1016 г.: «Le roi, n'a plus du roi que le nom et la couronne. Il n'est capable de défendre contre les dangers qui les menacent, ni ses évêques ; ni ses autres sujets. Aussi voit-on les uns et les autres s'en aller mains jointes, servir les grands³» [цит. по: Scobeltzine 1973: 16]. Так организовалась традиционная форма вассалитета, где приоритетом была личная служба сеньору.

Второй частью феодального биннома выступает лексема *vassal* (от кельт. *gwass* – слуга), описывающая мужчину, который находится в почетной зависимости от сеньора, а изначально – наемного охранника, живущего в его

³ У короля осталось от короля только имя и корона. Он не способен защитить от угрожающих опасностей ни своих епископов, ни других подданных. Поэтому многие уходят на службу, вверяя себя в руки великим [сеньорам].

имении [Dictionnaire du Moyen Âge 2002: 1433]. Синонимичными являются номинации *guerrier domestique* (домашний воин, воин-слуга), *inférieur* (подчиненный), *commendé* (тот, кому приказывают). При этом наряду с коннотацией подчиненности представлена и эвалюативная дефиниция: в форме имени прилагательного *vassal* аккумулирует синонимичные характеристики *valeureux* и *courageux* (храбрый, отважный, смелый, мужественный) [DECT 2014: <http>]. Вассалитет представляет собой форму личной зависимости, доступную только высшим военным социальным слоям.

Рыцарь обязуется выполнять защитную функцию и быть преданным (*loyal*) своему сюзерену, принося клятву (*omage*). Она состоит из двух комиссивных речевых акта: формально-юридическое принятие полномочий и эмфатическая клятва верности, наполненная христианской коннотацией.

В обязанности вассала входят защита, помощь, покорность и преданность, а взамен он получает содержание, доспехи, вооружение, различные подарки и главное – земельный надел (*fief*). Изначально в латинском языке *pecus*, а затем в немецком *vieh* выступали в значении недвижимости, а также скота, как наиболее ценного материального блага в условиях аграрного уклада. В этимологическом словаре *fief* относят к заимствованию из древневерхненемецкого через сложение корней *fee* (вознаграждение, зарплата) и *od* (частная собственность) [Mazure 1863: 111]. *Fief* включает в себя несколько значений с общей семой материального блага: движимое имущество, земли, предметы ценности, оружие, доспехи, лошадь и даже продовольствие [Bloch 1994: 238-239]. Синонимами лексемы *fief* выступали лексемы *beneficium* (благо, дары, жалование) и *lenh* (лен; от нем. *leihen* – одалживать, ссужать, давать в пользование).

Подчеркнем, что лексемы *fief* (феод) и *foi* (вера) этимологически восходят к общему корню *fides* / *foedus* – кредит доверия, соглашение между двумя неравноправными, взаимозависимыми сторонами: феодалом и вассалом или Богом и человеком [Дубнякова, Кашина 2015: 135]. Таким образом, второй феодальный концептуальный бином имеет правовой характер, но одновременно носит сакрально-религиозное значение: взаимная преданность между вассалом и сеньором закреплена как юридически, так и морально.

Переходя к анализу средств наименования рыцаря-вассала в героическом эпосе, выделим *формальные номинации*, представленные, в большей степени, однословной морфосинтаксической структурой со значением титулатуры.

Baron – феодальный сеньор, один из высших титулов в военно-аристократической иерархии Средневековья. Кроме официального значения, лексема содержит эвалюативные коннотации: личная свобода (отсутствие вассальной зависимости), могущество, величие и смелость [Ancien français 2011: 30].

Chevalier / chevalier – наиболее частотная лексема для номинации рыцарей, которая представлена в нескольких формах: имя существительное со значением титула, в том числе в составе сравнительных оборотов (*cum chevalier mustree*); имя прилагательное, выполняющее синтаксическую функцию атрибута в составном именном сказуемом (*fut asez chevalier*) или функцию определения (*baron chevalier*).

Cuns / quens – графский титул, изначально присуждаемый высокопоставленным придворным. После ослабления королевской власти данная номинация описывала владельца собственного графства, который состоял на официальной службе у короля [DHLF 2010: 2366]. В статусной иерархии *cuns* наиболее близок к *baron* и *grand vassal*. Лексема также имеет дополнительное значение компаньона, соратника по службе.

Dan – титул-апеллятив, представленный в *Chanson de Guillaume* всегда в препозиции с именем собственным. Данная номинация синонимична вокативам *seigneur* и *sire* и адресуется только знатным рыцарям для выражения почтения.

Dux / duc – титул рыцаря, имеющего в собственности обширные региональные земли, полученные напрямую от короля или императора. К эпохе Позднего Средневековья *duc* означает высший после *prince* титул в дворянской иерархии.

Per (от лат. *par* – одинаковый, равный, такой же) – распространенное в героическом эпосе обращение короля к своим самым приближенным воинам. Например, в *Chanson de Roland* и в *Chanson du Pèlerinage de Charlemagne* у императора Карла 12 пэров (по числу 12 апостолов). Следует пояснить, что, будучи вассалом какого-либо сеньора, рыцарь мог быть подвергнут суду, состоящему исключительно из других вассалов этого сеньора, т.е. быть осужденным равными

себе (*le pair*) [Mazure 1863: 310]. Лексема *per* подчеркивает идею равенства и выступает в значении коллективной номинации одинаковых по социальному и финансовому статусу вассалов одного сеньора или короля.

Serjant / sergant / sergent – рыцарь невысокого статуса, находящийся в вассальной зависимости и участвующий в военных предприятиях. Такой воин отличался от *chevalier* упрощенной экипировкой и дешевыми доспехами. *Serjant* также называли любого подвассального мужчину, занимавшегося управленческими, юридическими и военными делами [Ancien français 2011: 132-133].

Vassal – подвассальный рыцарь, принесший присягу сеньору. Изначально лексема обозначала слугу, несвободного человека, живущего в доме сеньора, однако в эпоху расцвета феодализма наблюдается валоризация номинации *vassal*, которая аккумулирует обязательные моральные характеристики – благородство, отвага [Там же: 136]. Вследствие этого в изученных жестах выявлены дериваты *vassalage* (храбрость, героизм, отвага, подвиг) и *vassalment* (например, *ferrunt vassalment* – храбро наносить удары; *vassalment traites les espees* – смело заносят мечи; *vassalment le requist* – отважно атакует). Представлена также однокоренная номинация *vavassur* – вассал другого вассала, обладающий маленьким фьефом и скромной амуницией.

Наряду с представленными номинациями-титулатурами, выявлены однословные наименования рыцарей с менее яркой оценочной окраской: *arcevesque* (архиепископ), *guarant* (защитник), *guerreier* (воин), *esquier* (солдат, валет, оруженосец), *cumpainz* (друг, компаньон, соратник) и *frere* (дружественное обращение, подчеркивающее социальную или эмоциональную связь между двумя рыцарями). Представим *гапаксы* – обозначения, которые встречаются в изученном тексте один раз [Культурные трансферы 2015: 135]: *meschin* (номинация молодого подчиненного воина, синонимичная *juvenis*), *gunfanuner* (гонфалоньер, королевский знаменосец).

Анализируя однословные формальные номинации рыцарей выявляем, во-первых, статусные социальные значения различных уровней: от приближенного к королю до оруженосца. Во-вторых, обязательным элементом языковой концептуализации рыцарства является род военно-политической деятельности. В-

третьих, выявлены типичные для средневековой идеализации аксиологические значения, входящие в номинации рыцарей, которые подчеркивают мелиоративные моральные качества отважного и преданного воина. Наконец, в большинстве номинаций присутствует аспект подчиненности и службы.

Переходя к *двухсловным номинациям атрибутивного типа*, подчеркнем их аксиологический характер, который формируется благодаря употреблению сочетания определяемого имени существительного и определяющего имени прилагательного-эпитета, которое аккумулирует основную оценочную семантику. Вслед за А.А. Ивиным [2006: 26] причисляем атрибутивные номинации к *оценочным модальностям*, т.е. к аксиологическим высказываниям, которые устанавливают ценности объекта речи. Для корпусного автоматического поиска использованы запросы вида cooccurrences de deux mots > mot 1 > lemme = chevalier > mot 2 > code = adj. > options > ordre des mots = ordre des mots indifférent > entre les mots = maximum 10 > lancer la recherche для отбора сочетаний лексемы (*chevalier*) и имен прилагательных с интервалом до 10 языковых единиц.

Имя прилагательное *leial*, конструирующее образ верного рыцаря, происходит от лат. *legalis* (соответствующий закону, договору). Лексема *leial* в контексте рыцарского кодекса чести принимает значение оценочного признака, вербализующего концепт *преданность*. Начиная с XI в. в художественном дискурсе о рыцарстве появляются лексические единицы возвышенного регистра *loiauté* (качества и поведение верного человека), *lëaumant* (квалификация действий, соответствующих закону или клятве), *desleal* (поведение, характеризующее бесчестьем и недобросовестностью) [DHLEF 2010: 5327-5328].

Имя прилагательное *franc* / *frans* выступает в качестве комплексной моральной характеристики, сочетающей преданность, благородство, щедрость и честность. Лексема также выступает в значении *свободный*, однако формально именуемые таким образом рыцари являлись присягнувшими вассалами. Таким образом, *chevalier franc* – это не свободный от сеньора рыцарь, а скорее рыцарь, обладающий свободолюбием, духом свободы в контексте отвоевания франкских земель у варваров или религиозного избавления от сарацин. Наряду с этим, характеристика *franc* подчеркивает, что по рождению рыцарь являлся свободным (не слугой) и благородным.

Оценка *lige* аккумулирует социальное и моральное значения. В контексте феодальных отношений *lige* означает особый тип вассала, который более тесно связан с сеньором. В условиях возвышения феодальной идеологии и ценности службы происходит семантическая трансформация данного прилагательного, которое приобретает моральное значение *преданность* [DHLF 2010: 5226].

Наиболее широкое поле значений включает оценочное прилагательное *proz*, которое выражает комплексную стереотипную мелиоративную оценку, а также производное имя существительное *prozdom*. Данный эпитет связан с рыцарским кодексом чести и характеризуется А.О. Манухиной [2011: 203] как совокупность положительных элементов: верный, преданный (*loyal*), доблестный (*vaillant*), храбрый (*preux*), честный (*probe*), благоразумный (*prudent*), добродетельный (*vertueux*), мудрый (*sage*). Номинация *prozdom* (*prodom(e)* / *preudome*) представляет собой субстантивированное имя прилагательное со значениями храбрости и ценности (*brave, valeureux*) [Ancien français 2011: 113-114].

Так как верность является основным элементом рыцарского поведенческого кодекса, представляется целесообразным привести и другие оценочные имена прилагательные, квалифицирующие рыцаря с позиции концепта *честь*. Среди частотных эпитетов в произведениях представлены лексемы *oneste* (почтенный, соблюдающий приличия, достойный), *gentil* и *noble* (благородный, вежливый, добродетельный), *bon* и *meillor* (превосходный, добродетельный, достойный славы).

Физический портрет рыцаря в героическом эпосе носит эмблематический характер, так как образ всадника всегда конструируется в позиции военной обязанности. В качестве подтверждения приведем пример портретирования рыцаря Тибо (*Tedbald, Tidbald, Tebald*) в жесте *Chanson de Guillaume*:

<i>Dunc li vestent une broine mult bele e cler,</i>	Его облекли в красивую светящуюся броню,
<i>E un vert healme li lacent en la teste ;</i>	Зеленый шлем ему надели на голову;
<i>Dunc ceint s'espee, le brant burni vers terre,</i>	Препоясали мечом с сияющим лезвием до земли,
<i>E une grant targe tint par manvele ;</i>	Большой щит держал он левой рукой;
<i>Espé trenchant out en sa main destre...</i>	И острый меч был в правой руке...

[BFM-CG 2013: 133-137].

Представленное физическое описание рыцаря может быть признано модельным портретом для рассматриваемого жанра. Данная схема включает элементы воинских доспехов и вооружения, необходимых в военных столкновениях. Облик рыцаря конструируется с применением *апологетической тактики*, т.е. восхваления качеств его атрибутов. Так, описание оружия всегда сопровождается оценочными прилагательными, указывающими на прочность, заточенность, остроту и длину клинка. В описании доспехов частотны использования цветовых характеристик (например, зеленый выступает символом юности, цветения, влюбленности [Тропина 2014: 784]) и положительных квалификативных прилагательных (сияющий, красивый, яркий). В целом, в физическом портрете рыцаря подчеркивается церемониальность описания.

Перейдем к конструированию *морального портрета* рыцаря на службе своего сеньора. В рассмотренных жестах в прямой речи представителей рыцарства присутствуют указания на долг, обязанности и необходимые качества вассала:

- *pur sun seignur deit hom susfrir granz mals / E endurer e forz freiz e granz chalz, / Sin deit hom perdre del sanc e de la char* [BFM-CR 2006: 1117-1119] – вассал сеньору служит своему. / Он терпит зимний холод и жару, / Кровь за него не жаль пролить ему [Песнь о Роланде 1976: 61];
- *vo droit seignor ne devez menacier, / Ainz le devez lever et essaucier, / Contre toz homes secorre et aïdier* [Там же: 439-441] – сеньору своему грозить грешно. / Наш долг – ему оказывать почет / И защищать его от всех врагов [Нимская телега 1976: 228].

Нравоучительный аспект подобных реплик, принадлежащих рыцарям, проявляется в *речевом поведении*, под которым понимается совокупность конвенциональных и неконвенциональных речевых поступков индивида, которым свойственны образцы и стереотипы языкового выражения [Викулова, Шарунов 2008: 264-265]. Особенности речевого поведения рыцарей, связанные с их сервильным статусом, проявляются в использовании определенных предикатов, предписывающих вассалам обязанности. Среди наиболее распространенных обязательств выделим семантические группы глаголов и глагольных конструкций:

- служба и помощь (*aïdier, servir, faire servise, ademplir comandement*);
- защита (*garantir, tenser, secorre, maintenir, garder*);
- сражение (*ferir, derompre, desconfire, trencher, esperoner, navrer, se combatre, tenir bataille*);

- убийство (*ocire, donner mort, abatre*);
- завоевание земель (*conquerre, prendre*);
- возвеличивание, почет (*hennorer, lever, essaucier*);
- страдание и перенесение невзгод (*susfrir, endurer*).

Считаем, что данным кругом действий ограничиваются нормы феодального поведения и обязательства достойного и верного рыцаря-вассала: служить своему сеньору мечом и советом, выполнять его приказы, сражаться и страдать за него, завоевывать новые земли, мстить за погибших вассалов, возвеличивать имя сеньора.

Особенностью речевого поведения также выступает *использование определенных типов речевых актов* – единиц коммуникации, отдельных целенаправленных речевых действий говорящего, оказывающих влияние на адресата и обусловленных социально, психологически, ситуативно и культурно [Матвеева 2010: 391]; элементарных единиц нормативного социоречевого поведения, которые характеризует намеренность, целеустремленность, конвенциональность и соотнесенность с лицом говорящего [Викулова, Шарунов 2008: 265]. Отметим, что для традиционной культуры Средневековья было свойственно формульное и регламентированное речевое поведение, предписывающее определенные коммуникативные реакции в зависимости от сюжетной ситуации [Томберг 2019: 48].

В прагмалингвистике существует несколько типологий речевых актов. Так, выделяются репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы, нулевые речевые акты [Там же]; описание, декларация, обещание, оценка, экспрессив, оректив [Ивин 2006]; идентификация, аргументатив, просьба, обещание, согласие, угроза, совет [Жеребило 2010]. По результатам корпусного запроса вида contexte > requête = q="[123]" отобраны фрагменты прямой речи для анализа речевого поведения рыцарей в произведениях эпического жанра. Представляется возможным выделить следующие типичные речевые акты:

1. *Согласие* – комиссивный речевой акт, который выражается в принятии просьбы или приказа сеньора и может быть усилен *экспрессивами* – формулами добровольного принятия боя или даже смерти, как чести служить своему господину:

- *Sire, mult volenters! Ne vus faldrum <...> E, si bosoinz est, morir en la presse!* [BFM-CG 2013: 1583-1587] – Сеньор, с удовольствием! Не подведу вас <...>, а если потребуется, умру за вас в схватке.

2. *Оректив* – особый вид *директивы*, который содержит призывы в бой и на смерть в честь своего короля. Реплики-призывы могут сопровождаться боевым кличем, например, *montjoie, de bataille, à joie*. Речевые акты типа воодушевления отличаются пафосностью и высокой долей героизма, которые выражают рыцарский этос смелости и бравადы:

- *Seignurs baruns, Carles nus laissat ci; / Pur nostre rei devum nus ben murir* [BFM-CR 2006: 1127-1128] – Бароны, здесь оставил нас король. / Умрем за государя своего [Песнь о Роланде 1976: 61];
- *N'i perdrat Carles, li reis ki France tient, / Men escientre, palefreid ne destrer, / Ne mul ne mule que deiet chevalcher, / Ne n'i perdrat ne runcin ne sumer / Que as espees ne seit einz eslegiet* [Там же: 755-759] – Не потеряет Франции король, / Пока я жив, коня ни одного. / За каждого из вьючных лошаков, / За каждого из мулов и ослов / Взыщу я плату с недругов мечом [Песнь о Роланде 1976: 50].

3. В явном противоречии кодексу рыцарского поведения, который не допускает хвастовства и бахвальства, выступает реплики 12 знатных франкских рыцарей-пэров в жесте *Chanson du Pèlerinage de Charlemagne*. В данном тексте появляется особый тип *репрезентативного* речевого акта – *gab* (*габ*), от глагола *gaber*, имеющего значения заниматься гасконадой (*gasconnade*) – хвастовством своими способностями, мужеством и силой перед компаньонами с целью победить других в словесном поединке [La Chanson du Pèlerinage de Charlemagne 1880: 4]. В этих знаменитых 12 габах рыцари хвастаются своей нечеловеческой силой (способностью разрубить драгоценные доспехи, вонзить меч в землю так, что его никто не достанет, дунуть в рог так, что в городе упадут все двери, разрушить дворец, съесть все яства на пиру). Видим, что предметом бравადы являются отнюдь не героические побуждения, а, напротив, злые и жестокие помыслы.

По мнению Ж. Ле Гоффа, габ следует рассматривать, как смех четко ограниченной социальной группы (*rire de groupe*) и как феодальные шуточные истории (*rire féodal, plaisanterie féodale*). Габы встречаются в следующей коммуникативной ситуации: в период перемирия войны, отдыхающие от сражений, проводят досуг, развлекая друг друга вымышленными, приукрашенными, хвастливыми историями о собственных военных подвигах [Le Goff 1989: 11].

Отметим, что данный тип речевого акта носит маргинальный характер и не является типичным для средневекового художественного дискурса.

4. *Репрезентатив*, содержащий *оценку в пейоративной форме* – *инвектива*, адресованная тем вассалам, которые не выполняют какие-либо элементы служебного долга, проявляя трусость, неверность или дерзость. Приведем примеры оскорбительных экспрессивных речевых актов: *jo fereie que fols* (поступать, как глупец), *ore oi parler mastin* (ты говоришь, как пес), *parjure* (обсценная лексема, указывающая на того, кто нарушает данную клятву), *cuard, brix, glut* (трус), *lecchere* (распутник, мошенник), *felun* (неверный).

5. *Комиссив* в форме *клятвы верности*, которую вассал приносит своему сеньору, а также рыцарь своему компаньону перед опасным, возможно смертельным боем. Клятва является собой пример перформативного речевого акта – соединения «слова и дела» – который является фундаментальным конструирующим элементом для таких литературных жанров, как эпос, летопись и хроника [Проскурин 2016: 122, 125]. Как и большая часть реплик, принадлежащих рыцарям, обещания перед битвой имеют пафосный, церемониальный характер. Предметом клятвы выступает заверение в верности до конца сражения:

- *Si tu t'en turnes, e nus nus en turneruns, / E se tu cunbatz, e nus nus combateruns ; / E que que tu faces, ensemble od tei le feruns* [BFM-CG 2013: 617-619] – Если ты повернешь назад, мы повернем за тобой, / Если ты двинешься в бой, мы пойдем сражаться за тобой, / И что бы ты ни предпринял, вместе мы будем это делать.

Завершаем анализ средств языковой репрезентации образа верного вассала в жанре эпоса представлением типичных коммуникативных ситуаций с участием рыцарства. Под *коммуникативной (речевой) ситуацией* понимается обобщенная модель условий и обстоятельств формирования коммуникативного события (акта общения). Речевая ситуация определяется совокупностью компонентов: сфера и тип общения, особенности участников коммуникации, хронотоп, обстоятельства общения, прагматические цели говорящих [Матвеева 2010: 385]. Анализ коммуникативно-поведенческих сценариев (паттернов) позволяет частично реконструировать культурные стереотипы [Томберг 2019: 3]. В рассматриваемом корпусе ситуации типичного общения отражают поведенческие и речевые нормы, связанные с ценностной ориентацией на преданность сеньору и высокую оценку вассала. Выделим наиболее показательные ситуации коммуникации.

1. В форме межличностного или группового устного общения перед боем или в осложненной военно-политической ситуации сеньор или король просит совета у своих вассалов. Данная образцовая коммуникативная ситуация демонстрирует особенности вассально-сеньюальной взаимозависимости: рыцарь обязан служить не только мечом, но и советом, а сеньор часто нуждается в поддержке или одобрении своих действий подданными. Просьба о помощи вербализуется через лексемы *mander* (просить, созывать, поручать, оповещать, отдавать приказ), *lœer* (советовать, утверждать, одобрять) и выражения *fenir cunseill* и *prendre cunseill* (давать совет, просить совет):

- *A voz Franceis un cunseill en presistes, / Loerent vos alques de legerie* [BFM-CR 2006: 205-206] – Просили так же вы у нас совета, / И мы, глупцы, поверили их лести [Песнь о Роланде 1976: 34].

2. В условиях надвигающейся сложной битвы в межличностном или групповом устном общении сеньор или король не соглашается отпускать своих вассалов на бой, в котором они стремятся участвовать, чтобы защитить честь и повысить славу своего сеньора. В данном виде речевой ситуации появляются эвалюативные реплики сеньора, который хвалит своих вассалов, описывая их положительные качества, например, мудрость (*saives hom*) и отвагу (*vassal*), честь (*proz*). Стереотипным элементом выступает клятвенная угроза *par ceste barbe* или *ma barbe*, которая может быть переведена фольклорным русским аналогом *клянусь бородой*. Рассмотренная речевая ситуация свидетельствует о том, что сеньору пристало высоко ценить своих вассалов и оберегать их от возможной гибели в бою:

- *Vos n'irez pas uan de mei si luign* [BFM-CR 2006: 250] – Вас ни за что не отпущу в отъезд [Песнь о Роланде 1976: 34];
- *Ne vos ne il n'i porterez les piez* [BFM-CR 2006: 260] – Ни одного из вас не отпущу [Песнь о Роланде 1976: 34].

3. После множества гибелей в бою сеньор и оставшиеся в живых рыцари оплакивают погибших. Объектами оплакивания выступают кровные родственники (*filz, freres, nevolz*), соратники (*amis*) и индивиды, связанные формальными отношениями (*lige seignurs, barons, vassaux*). Экспрессивный компонент передается предикатами *plorer, dementer* (оплакивать), *plaindre* (стонать, жаловаться на судьбу), *pasmer* (терять рассудок, падать в обморок). Коммуникативная ситуация

оплакивания показывает сильную эмоциональную связь, которая существует между вассалом и сеньором наряду с формальными служебными отношениями:

- *E li Franceis curuçus e dolent / N'i ad celoi n'i plurt e se dement* [BFM-CR 2006: 1835-1836] – От горя у баронов рвется грудь, / Ручьями слезы по лицу текут [Песнь о Роланде 1976: 82].

4. Конфликтная ситуация, возникающая между сеньором и вассалом, который недоволен отсутствием каких-либо привилегий, подарков или даров со стороны своего сеньора. Чувство личного достоинства и неприемлемость ущемления собственных интересов порождала сеньорально-вассальные распри, которые нашли отражение, например, в *Цикле мятежных баронов (le Cycle des barons rebelles / révoltés)* [Смирнов 2008: 115]. В этих условиях сеньор обещает рыцарям награды и поощрения в обмен на сохранение договора-оммажа. Уточним, что по феодальным обычаям вассалам не воспрещалось покидать неблагодарных сеньоров или переходить к более щедрым господам [Каплан 2008: 20]. Отношения вассала и сеньора не носят абсолютно подчиненный рабский характер и сопоставимы, скорее, с двусторонним взаимовыгодным договором.

Объекты притязаний рыцарей вызывают особый интерес в связи с тем, что наглядно показывают, что именно считалось предметом ценности и желания в рассматриваемый культурно-исторический период. На первом месте стоит земля, как наиболее ценное материальное благо: *terres* (надел, фео́д), *chastel* (замок, крепость), *donjon* (донжон, цитадель), *fermeté* (крепость, укрепление), *citez* (укрепленный стенами город), *vile* (город) и даже *demi règne* (пол королевства). Второй достойной уплатой за свою верную службу рыцари считают жену и устройство семьи: *femme* (женщина, жена) *pucele* (юная дева), *filles de reis plus beles* (самые красивые дочери короля). Наконец, в обмен на военную службу, сеньор обязуется содержать, в бытовом плане, семью вассала (*nurrir les fiz*) и посвятить сыновей вассала в почетный титул рыцаря (*en faire chevalier*). Приводим пример:

- *Se vos volez né chastel né cité, / Né bore, né vile, donjon né fermeté, / Jà vos sera otroïé et graé. / Demi mon règne, se prendre le volez, / Vos doin-ge, sire, volantiers et de grez* [Li Charrois de Nymes 1854: 471-476] – Коль вы хотите, граф, фео́д, иль марку, / Иль город, или крепость, или замок, / Вам все, что ни потребуется, дастся. / В надел просите хоть полгосударства / Я уступить его почту за радость [Нимская телега 1976: 229].

Итак, исследование особенностей языковой концептуализации образа «рыцарь верный» (*chevalier loyal*) в четырех произведениях жанра героического эпоса показало особую значимость ценности верной службы в комплексе аксиологических категорий, связанных с рыцарством и феодализмом. Отмечаем тактику этикетного изображения рыцаря-вассала, который преданно служит своему сеньору, готов выполнять его указы и пойти на верную смерть ради защиты его земель и прославления его имени. Отношения между рыцарем и его сеньором носят не только формальный характер, закрепленный клятвой верности, но также имеют эмоциональный, эмпатический, дружеский компонент. Наряду с этим, вассально-сеньоральные связи являются не рабовладельческой формой, а, напротив, взаимовыгодной сделкой, в которой каждая из сторон имеет свои выгоды и отстаивает свои интересы. В целом, образ верного рыцаря демонстрирует воинскую, феодальную и утилитарную мораль средневековой лингвокультуры.

2.1.2 Языковая репрезентация образа «рыцарь учтивый» (*chevalier courtois*) в куртуазной поэзии

Зарождение куртуазной придворной культурной модели способствует уходу от типажа рыцаря-патриота, видящего свое единственное предназначение в служении сеньору. Происходит расцвет классического средневекового рыцарства в его светском проявлении. На формирование и укрепление жанрового канона в средневековой литературе оказывали воздействие пространственно-территориальные факторы и социо-историческая ситуация, в частности, географическое господство некоторой этнокультуры. Одним из примеров является распространение рыцарского куртуазного романа и поэзии на южных территориях (Прованс и северная Италия) в период конца XI в. - середины XII в. [Выпенская 2016: 84]. Появление куртуазной культуры на данном ареале связывают с тем, что эти земли являлись наиболее экономически развитыми в Европе Высокого Средневековья [Гуревич 2005: 144]. Привязанность литературных жанров к определенным провинциям описывают историки языка Л.М. Скрелина и Л.А. Становая [2017: 81-82]: эпос – Бургундия и Северо-Западные регионы; куртуазная поэзия – Шампань, Пикардия, Лангедок; историческая и дидактическая литература – Нормандия; религиозные тексты – Лотарингия, Валлония.

Куртуазия, как социокультурный феномен, бытовала в строго определенном общественном классе – в высших придворных кругах, состоявших из военной и правящей аристократии, представленной баронами и рыцарями [Histoire culturelle de la France 2005: 207]. Важнейшей предпосылкой к формированию нового типа картины мира в средневековом высшем обществе выступил подъем городов и дворов-сеньорий (*maisonnée seigneuriale*). Это способствовало приобщению рыцарства к экономическим переменам и к схоластическим течениям, росту грамотности и воспитанности в связи с установившимися коммуникативными контактами с представителями правящей элиты, а также расширению кругозора под влиянием укрепившихся торговых контактов с восточными мусульманскими странами [История западноевропейской литературы 2000: 79-80]. В результате, все большее место в рыцарском этосе занимает новый светский морально-эстетический идеал, выражающийся в феномене *courtoisie*.

Куртуазия (*courtoisie, amour courtois, fin'amor*) – это комплексный цивилизационный историко-культурный феномен, который может выражать:

- свод законов, предписывающих влюбленному верное поведение [Словарь средневековой культуры 2003: 253];
- образовательную игру (*jeu éducatif*), направленную на регулирование общественных отношений и института власти аристократии [Duby 2010: 48];
- искусственную идеологию вежества, изобретенную Церковью для умиротворения и просвещения воинствующих рыцарей [Aurell 2011: 42].

Представим ценностные компоненты, составляющие концепт *куртуазность*: *honorer l'Eglise* (почитать Церковь), *ne pas être orgueilleux* (не быть горделивым), *ne pas mentir ni se vanter* (не обманывать и не хвастаться), *aimer la joie et les chansons* (любить развлечения и песни), *se garder de l'envie* (остерегаться завистливого желания), *se protéger de la médisance* (защищать себя от злословия), *aimer sincèrement la dame* (искренне любить Даму) [Lett 2013: 49-50]. Феномен *courtoisie* поливалентен, так как отражает, с одной стороны, христианские или даже заветные заповеди, а с другой, – исключительно светское, профанное мировосприятие, включая эмоционально-чувственную сферу жизни.

Для лексемы *courtoisie* выделяется ранний корень *curt*, который описывает дворянское жилье, дворец и прилегающие феодальные территории, а также

семантически трансформировавшийся корень *curia*, который обозначает место проявления власти, где сообщества мужчин, объединенных вокруг предводителя, обсуждают общественно-значимые проблемы [Aurell 2011: 40]. Впервые рассматриваемый концепт вербализуется в форме прилагательного *curteis* в героической жести *Chanson de Roland: Oliver, li proz e li curteis* [BFM-CR 2006: 576] – Оливье, отважный и почтенный. В текстах героического эпоса лексемы с корнем *curt* имеют значения, связанные со смелостью, благородством и верностью.

Наряду с этим, получают распространение тексты лирических жанров: в первую очередь, куртуазный роман Кретьена де Труа, 12 лэ Марии Французской и малые поэтические жанры: консона (от ит. *canzone* – песня), альба (окс. *alba* – утренняя заря, песня о тайном свидании, прерываемом утренней зарей), пастурель (песнь о встрече героя и пастушки). В произведениях куртуазной лирики *curtis* принимает значения, связанные с верностью, красотой, учтивостью, щедростью и влюбленностью исключительно благородных по происхождению рыцарей и дам [Matoré 1985: 179; Dictionnaire du Moyen Âge 2002: 360]. Семантическая эволюция рассматриваемой лексемы от феодального к светскому значению свидетельствует о формировании новой ментальности и связана с развитием молодого литературного жанра куртуазной лирики и романа.

Так как жанр в средневековой литературе реализует семиотическую функцию знака литературной традиции, через выбор определенного жанра и использование характерных для него маркеров автор выражает свою приверженность к культурному архетипу и специфическому мироотражению [Игнатьева 2009: 58-59]. Представим типичные маркеры куртуазной поэзии, которая включает также и поэтический куртуазный роман.

- Основной мотив – странствия рыцаря, совершение подвигов во имя дамы [Дюби 1990: 91; Icher 2000: 94]. Модель куртуазной любви предполагает подчинение рыцаря даме, воспроизводя условия вассально-сеньюральных отношений. Типичные сюжеты включают приключения и любовные страдания, так как несвободный статус дамы всегда связан с опасностью: рыцарь идет на риск с целью не столько завоевать женщину, сколько превзойти самого себя и морально совершенствоваться [Duby 2010: 75-76]. Завоевание имеет коннотацию военного подвига: куртуазная авантюра становится возможностью самоутвердиться, одержав

победу не над соперником, а над противоположным полом и социальным классом.

- Центральные лица персонажные формируют своеобразный любовно-служебный треугольник, состоящий из юного рыцаря (*juvenis* – молодой, одинокий, неженатый рыцарь), дамы (*dame* – прекрасная дама, супруга сеньора и хозяйка двора, более взрослая и богатая) и сеньора (*senior* – знатный, богатый и немолодой феодал) [Duby 2008: 142]. Отношения *juvenis* – *dame* имитируют отношения *juvenis* – *senior*, подчеркивающие феодально-вассальное значение почтения и служения [Игнатьева 2012: 241]. Взаимно обязанная связь рыцаря и сеньора является реальной ценностью куртуазной идеологии, а дама лишь способствует выработке рыцарских качеств.

- Идеологическая и философская функции – куртуазная лирика впервые деконструирует гендерную общественную иерархию, основанную на *андроцентризме* и *гегемонии маскулинности*. В новом типе куртуазных отношений женщина предстает в доминирующем статусе, который требует полного подчинения и верности [Игнатьева 2012: 241; Козьякова 2016: 205; Duby 2010: 48; Histoire culturelle de la France 2005: 234]. Наконец, образовательная функция куртуазной литературы реализуется в том, что своим положением и куртуазным поведением дама сподвигает рыцарей проявлять и совершенствовать свои моральные, физические и коммуникативно-поведенческие качества [Дюби 1990: 95]. Королевский и феодальный двор составляли основу светской педагогической системы: сеньор обучал военному делу, а его супруга – светскому этикету.

Исследование средств аксиологического позиционирования *chevalier courtois* проведено на материале следующих лирических произведений:

1. Бретонские лэ (*lais* – пение, напевный рассказ, мелодия) Марии Французской (DE FRANCE Marie, 1190-1210): *Lai de Guigemar*, *Lai d'Equitan*, *Lai de Lanval*, *Lai du Laüstic* (Rossignol) и *Lai du Chaitivel* [LAIS];
2. Поэтические рыцарские романы Кретьена де Троя (DE TROYES Chrétien, 1170-1190): *Erec et Enide* [BFM-EE 2013], *Conte du Graal ou Perceval* [BFM-Perc 2013] и *Chevalier au Lion ou Yvain* [BFM-Yvain 2013];
3. Анонимная пикардская фабула в поэзии и прозе (*chantefable*) *Aucassin et Nicolette* (конец XII в.) [BFM-AN 2011];

4. Малые поэтические формы: лирика трувера Конона де Бетюна (DE BÉTHUNE Conon, 1150-1223) [BFM-CB 2013] и стихи окситанского трубадура Бернарта де Вентадорна (DE VENTADORN Bernart, 1125-1200) [Ventadorn].

Куртуазия становится культурной моделью и поведенческим кодом, который упрощает и типизирует отношения в кругах светской военной аристократии. Составляющим элементам этического свода правил куртуазной любви посвящен морализаторский труд *О любви, или Трактат о Куртуазной любви* (De Amore ou Traité de l'Amour courtois, конец XII в.) придворного поэта Андре Капеллана [Приложение №2]. Приведем отрывок из *Lai d'Equitan* Марии Французской, в котором автор описывает правила куртуазной любви:

*Amur n'est pruz se n'est egals.
Meuz vaut un povre[s] hum lëals,*

Si en sei ad sen e valur,

*Quë il n'est de prince u de rei,
Quant il n'ad lëauté en sei.
Li riches hum requid[e] bien
Que nuls ne li toille s'amie
Qu'il volt amer par seignurie.
[LAIS: 63].*

Любовь достойна среди равных.
Лучше бедный, но верный муж,
Который сочетает мудрость и
достоинство,
Чем принц или король,
Который не имеет преданности.
Богатый муж думает
Что никто не украдет его любимую
Так как она любит его за богатство
[происхождение, земли].

Несомненно, ценностным ядром куртуазной литературы является *концепт куртуазности*, который вербализуется в полисемичных лексемах *cortois / corteisie*. Данные лексемы выявлены в корпусе DECT, в котором по результату анализа выделяем следующие значения:

1. Характеристика *поведения*, соответствующего идеалу куртуазного рыцаря. В этом широком значении лексема употребляется в коллокации с уточняющими именами прилагательными: *debonaire* (доброжелательный), *franc* (верный), *hardi* (смелый), *large* (щедрый), *lëal* (преданный), *onorable* (достопочтенный), *sage* (мудрый). Например:

- *li miaudres chevaliers, Li plus hardiz et li plus fiers Qui onques fust ne cuens ne rois, Li plus lëax, li plus cortois* [BFM-EE 2013: 2498] – идеальные рыцари, самые смелые и авантюрные, более преданные и куртуазные, чем любой граф или король.

2. Характеристика *внешнего вида*: красота, шарм, привлекательность и ухоженность в отношении и феминного, и маскулинного лиц персонажных:

- *Gentil dame cortoise et bele* (благородная дама, куртуазная и красивая), *Vaslet*

cortois (куртуазный юноша).

3. Характеристика *военного, боевого превосходства*:

- *li cortois, li preuz, li buens, Messire Yvains* [BFM-Yvain 2013: 3186] – куртуазный, доблестный, славный сир Ивейн.

4. Характеристика *морального совершенства*, включающая возвышенные чувства, благородство, преданность и щедрость:

- *Con frans sages et cortois* [BFM-EE 2013: 2220] – Верный, мудрый, куртуазный граф.

5. Характеристика особенностей *социального поведения* и отношений, описывающая вежливость, соблюдение этикета, хорошие манеры. Данное значение выражается в словосочетаниях *faire que cortois* и *faire courtoisie*.

6. Характеристика особенностей *речевого поведения*, предполагающая хорошее владение французским языком (подчеркивается отличие от бедняков, говоривших на местных диалектных наречиях), вежливость в обращениях и искусство в употреблении поэтической речи: *dire que cortois, respondre cortoisie, dire cortoisement*.

Кроме того, элементы куртуазного поведения передаются синонимичными лексемами *cointise* (изящество, изысканность), *franchise* (проявление благородства характера, щедрость), *mesure / mâze* (взвешенность, умеренность, способность совладать со своими желаниями), *amicitia* (умение по достоинству оценить благородные качества соперников). Ярким антонимом выступает лексема *vilain*, имеющая пейоративную коннотацию в современном языке (*грязный, гадкий, мерзкий*). Однако латинское *villanus* имело абсолютно нейтральное значение – обитатель сельской местности, деревенский житель [DHLF 2010: 10423]. Таким образом, в эпоху расцвета военной аристократии и культа происхождения (XI-XII вв.), лексема *vilain* приобретает свое негативное значение (*уродливый, презренный, жестокий*), организуя социальную оппозицию *nobilis / vilain*. Пословица подчеркивает полярность аксиологических категорий:

- *Mout vaut mieus uns cortois morz qu'uns vilains vis* [BFM-Yvain 2013: 31-32] – Лучше мертвый придворный (воспитанный), чем живой мужлан.

Анализ способов вербализации образа *chevalier courtois* в произведениях куртуазной лирики начнем с выделения *формальных номинаций* однословного морфосинтаксического типа. Наиболее многочисленны синонимичные номинации *bachelor, dancel, meschin, vallez / vaslez*. Эти лексемы имеют значения юных неженатых рыцарей, а также рыцарей, недавно принятых в орден и прошедших обряд посвящения. Такие рыцари входили в состав воинской дружины или отряда, однако не имели права вести за собой других рыцарей на бой. Номинация *damoiseil* (домуазо) может иметь как возрастное значение юного рыцаря, так и указание на статус мелкого феодала [Каплан 2008: 28]. Использование лексем в качестве основных номинаций подчеркивает культ молодости и свободолюбия.

Amanz и *ami* используются в обращениях дам к рыцарям, которые добиваются их расположения, а также в обращениях рыцарей к своим компаньонам или подчиненным. Таким образом, номинации могут означать как возлюбленного, так и друга, соратника для выражения эмпатии и уважения. Близкой по значению является номинация *compaignon / conpaignons / cumpainun* – компаньон-рыцарь и рыцарь-любовник [DECT 2014: [http](http://); DHLF 2010: 2340].

Выявлены и ценностно-нейтральные вокативы, выражающие почтение: *messire, monseignor, seignurs, sire, danz*. Обширно представлены титулатуры: *chevalier, baron / ber, cuens / cunte, seneschal / seneschax* (мажордом замка, управитель), *vasax, vavassor* (аррьер-вассал, мелкий вассал), *serjant*. Видим, что номинации по титулу подчеркивают средний или достаточно высокий социальный статус и, одновременно, подчиненный характер службы.

Двухсловные номинации атрибутивного типа представлены наиболее ярко и сопровождают почти все наименования представителей юного рыцарства. Куртуазный жанровый канон закрепил традицию использования *неподвижных эпитетов* [Вышенская 2016: 85]. Формульность признается важным требованием для культуры с превалированием устной коммуникации, поскольку она позволяет, за счет постоянно воспроизводимых формул, избежать многозначности, распознавать формулы в диахронии и закреплять их как прецедентные феномены культуры [Культурные трансферы 2015: 81-82]. Оценочные характеристики были выявлены поисковым запросом вида *concordances > requête = [pos="ADJqua.*"] [word="chev.*"] / [word="chev.*"] [pos="ADJqua.*"] > réglages > références, contexte*

gauche, pivot, contexte droit = word > taille = 10 > trier > chercher. В результате отобраны сочетания лексемы *chevalier* с квалификативным именем прилагательным с препозиции и постпозиции с возможным интервалом до 10 языковых единиц. Характеристики объединены в 5 групп по сематическому признаку.

1. Обобщенные положительные характеристики нейтральной коннотации: *bon / buens / boen* (базовая черта члена куртуазного социума, сочетающая добросовестное исполнение обязанностей христианина и, в данном случае, воина), *beau / biau / beus / beaus* (обладающий всеми необходимыми качествами для выполнения своих функций), *doux / dolz / duz* (приятный, доброжелательный), *meilleur / élu / esleü* (наилучший из всех, избранный – особая категория, связанная с божественным призванием истинных рыцарей).

2. Мелиоративные оценочные характеристики, связанные с военной деятельностью: *armez* (вооруженный, употребляется с дополнением *de totes armes*, подчеркивающим богатую экипировку), *combattant* (воин, боец), *courageux* (смелый), *errant* (странствующий рыцарь ищущий подвига, возможности проявить свои воинские качества), *fort* (могущественный, властный, а также физически крепкий), *hardi / vaillant / os* (смелый, отважный, иногда дерзкий).

3. Личностные моральные мелиоративные характеристики: *apprécié* (высоко ценимый), *fier* (употребляется как в мелиоративном значении – бесстрашный, необузданный, так и в пейоративном – жестокий, дикий, тщеславный), *honorable / enorable* (достойный уважения и почитания, доказавший свою ценность), *large* (щедрый), *loyal / leax / leal / verais* (верный своему сеньору или даме), *preux / preu / pruz* (достойный, обладающий достоинством, мудростью и честностью), *sage* (умудренный опытом).

4. Характеристики, связанные с социальным положением и куртуазным поведением: *courtois / curteis* (обладающий поведением и внешностью, достойными куртуазного, придворного общества), *débonnaire* (благородное происхождение), *franc* (свободный, не состоящий в феодальной зависимости, а также верный, преданный своему сеньору или даме), *gentil* (благородный по рождению, также в номинации *de grant noblesce*), *haut* (великий, важный, знатный, властный), *riche*

(обладающий материальным богатством), *vaillant* / *vaillanz* (достойный, также в номинации *de grant pris*).

5. Описание внешнего вида: *adroit* (стройный, привлекательный), *armé* / *armez* (вооруженный, облаченный в доспехи, употребляется с дополнением *de totes armes*, подчеркивающим богатую экипировку), *grand* (высокий, крепкий), *vétu* (одетый в военное платье).

Отметим частотность описания рыцаря при помощи элативов (абсолютная безотносительная превосходная степень): *li miaudres* (лучший) с существительным и *li plus* с прилагательным. Зачастую мелиоративные характеристики усиливаются наречиями *si* и *tant* и сочетаются с указанием на исключительность. Использован поисковой запрос вида concordances > requête = [frlemma="plus|si|tant"] [pos="ADJ"] для поиска сочетания лексем *plus*, *si*, *tant* и имен прилагательных:

- *chevalier si loé, / et fu tant biax qu'an nule terre / n'estovoit plus bel de lui querre* [BFM-EE 2013: 2495-2498] – рыцарь столь преданный / и столь приятный, что ни в какой земле / не найти краше его.

Подчеркивается незаурядность каждого рыцаря, который является читателю как антропологический архетип – чудесный мифический герой, воплощающий отдельные добродетели. Отметим, что для индоевропейского диахронического текста характерна репликация формул, которые характеризуются избыточностью за счет квалификативных прилагательных, имеющих синонимические значения [Культурные трансферы 2015: 81-82]. Данный феномен наблюдается и в исследуемом корпусе: типична синтаксическая конструкция сочинительной связи двух семантически близких имен прилагательных. Устойчивость показали бинарные сочетания [*hardiz* + *preuz* / *vaillant*], [*fort* + *fier* / *buens* / *granz* / *bel* / *esleüz*], [*cortois* + *sages*], [*bel* + *buen*], [*fier* + *corageus*].

Абсолютно положительный образ рыцаря усиливается употреблением отрицательных многословных номинаций, содержащих различные негативные явления с предлогом *sanz*. Корпусный запрос вида concordances > requête = [word="sans|sanz"] [pos="NOMcom"] > réglages > références, contexte gauche, pivot, contexte droit = word > taille = 2 > trier > chercher выявил следующие описания: *sanz nule faille* (без вины, без греха), *sanz nul mal* (без злобы) и *sanz vilenie* (не подлый),

sanz feintise (без обмана), *sanz orguel* (без гордыни), *sanz coveitise* (нежадный, не завистливый), *sanz malvestié* (незлобивый).

Важным компонентом маскулинного образа рыцаря является его портретирование. *Внешнее описание* характеризуется идеализацией, созданием портрета прекрасного юноши с утонченными уравновешенными чертами. Изучая портретные описания в куртуазных романах Кретьена де Труа, Т.Г. Игнатьева [2013: 193] выделяет их «вкрапленный характер», указывая на превалирование беглых и кратких внешних дескрипций рыцарей. Приведем модельный пример вербального портретирования в шантефабль *Aucassin et Nicolette*:

- *Biax estoit et gens et grans et bien tailliés de ganbes et de piés et de cors et de bras ; il avoit les caviax blons et menus recerclés et les ex vairs et rians et le face clere et traitice et le nes haut et bien assis* [BFM-AN 2011: 2] – Он был красивый юноша, высокий ростом; стройны были его ноги, руки и тело. Волосы у него были светлые, в пышных кудрях, глаза ясные и веселые, лицо приветливое и правильное, нос прямой и тонкий.

Моральному портрету куртуазного рыцаря уделяется больше внимания, что подтверждает гипотезу о назидательном характере куртуазной литературы. Среди духовных ценностей куртуазного рыцаря отметим умение получать удовольствия. Это считалось доступным исключительно представителям высшего социального класса, не обремененного тяжелым трудом:

- *equitan que mut fu curteis. / Equitan fu mut de grant pris / E mut amez en sun païs; / Deduit amout e drüerie: / Pur ceo maintint chevalerie* [LAIS: 60] – Аквитан был очень куртуазен [мудр и верен]. / Аквитан был добродетельным / И любимым в своей стране; / Тяга к развлечениям, удовольствиям и любви: / За это он был возведен в рыцари.

В награду за обладание нужными добродетелями воин удостоивается чести быть посвященным в рыцари самым королем, что подчеркивает элитарность и обладание куртуазными моральными качествами. Приближенность к сеньору и всеобщая любовь ценились, так как «быть на хорошем счету» у правителей считалось достойным только самых учтивых и благовоспитанных вассалов:

- *li vadlez fu sages e pruz, / Mult se faseit amer de tuz. / Li reis le adube richement, / Armes li dune a sun talent* [Там же: 29] – юноша был мудр и смел, / Очень любим всем народом. / Король богато вооружил его, / Дал ему доспехи соизмеримо его достоинству;
- *De sun seinur esteit privez / E de tuz ses veisins amez* [Там же: 96] – Он был доверенным лицом своего сеньора / И любимцем всех соседей.

Главной аристократической ценностью куртуазного поведения является богатство и щедрость (*largesce*), демонстрирующие достаток, добродетель, власть и престиж, присущий сеньору [Duby 2010: 195]. Щедрость проявляется в неумеренных тратах (*despende largement, despendre richement*) на проведение пиров и турниров, а также на содержание вассалов. Среди куртуазных черт также отметим самообладание (*la mesure de amer* – умеренность в любви), благородное происхождение (*n'ot linage meillor del mien* – нет лучшей родословной, чем моя), воспитанность (*enseigniez* – воспитанный, *n'ot mal dire d'autrui* – не скажет плохо о других), авантюризм и смелость (*proesce* – поиск подвига), верность (*vaselage, leauté*) и справедливость (*ainme droite justise* – чтит правоту и уважение прав другого).

Одним из неотъемлемых элементов лингвоаксиологического анализа является изучение *антиценности* или *противоценности* [Лингвистика и аксиология 2011: 140]. *Отрицательные ценности* репрезентуют отрицательный полюс ценностной системы и представляют собой неприемлемые, отвергаемые и осуждаемые обществом и культурой феномены [Томберг 2019: 26]. Моральный портрет куртуазного рыцаря строится на оппозиции портрета сеньора – старого, знатного и очень ревнивого:

- *Riches hum est de haut parage, Mes mut par est de grant eage; / Anquissusement est gelus* [LAIS: 36] – Богатый муж и высокого происхождения, но слишком старый; / Нервный и ревнивый.

Выявлены и другие антиценности: неспособность полюбить (*unc de nule amur n'out cure*), глупость (*folie, soz, plus fol que bestes an pasture*), злоба и аморальность (*mauveisté, fel*), распутство (*lecherie*), невежество и неблагородство (*vilain, burgeis*), незнание правил поведения (*ne set mie totes les lois*), неверность (*felunie, traïson, traïtor*), хвастовство (*se vanter*), злословие (*dire mal, leingue honie*), ложь (*fable, mançonge*), трусость (*cuarz, de grant coardise, coarde chose*), преступность, например убийство (*murtre, omecide*), воровство (*larron, larrecin*), плохое отношение даме (*granz viltance est de ferir fame* – большой грех ударить женщину), лень (*peresce*), бедность и банкротство (*povreté, apovri, deserité*).

Переходя к особенностям речевого поведения, выделим семантические группы частотных предикатов, характеризующих действия куртуазных рыцарей. В

связи с любовной тематикой рассматриваемых произведений, наиболее многочисленна группа предикатов со значениями выражения чувств, эмоций, влюбленности: *amer, amur avoir, amur tenir* (любить), *avoir ceo talent* (иметь эту способность [испытывать чувство любви]), *s'esmerveiller* (быть очарованным, влюбиться), *drueries donner, otroier l'amur* (дарить свою дружбу или любовь), *joie mener* (наслаждаться, радоваться), *baiser, acoler, estreindre, sentir* (обнимать, целовать), *gesir, cuchiaer* (проводить вместе ночь).

Недоступность любви порождает типичную для куртуазной культуры сцену мучения рыцаря от неразделенных чувств. Эмоциональные переживания выражаются в предикатах с яркой негативной коннотацией со значениями страдания: *pleurer / plurer, se pleindre, regreter* (сокрушаться), *sopirer / suspirer* (вздыхать с сожалением), *sofrir pur amur, issir grant peine e dolur, avoir mal, avoir anguisse, avoir dolur, estre anguissus* (страдать, испытывать боль, горе, муки из-за любви), *estre martire* (быть мучеником), *estre destreint par l'amur* (быть угнетенным любовью). Любовные страдания куртуазного рыцаря также находят выражение в глаголах вербального эмоционального выражения: *prier deu* (молить господу), *crier* и *braire* (кричать). Наконец, метафоризация любви происходит через сравнение с сердцем: *quors suspire e tremble* (сердце вздыхает и сотрясается) и *tucher al quor par la dolur* (сердце затронули страдания).

В следующую семантическую группу входят предикаты, связанные со служением рыцаря своей даме. Отметим, что для выражения чувства обязанности и подчинения даме рыцарь использует феодальную терминологию. В этом выражается полисемантичность языка, которым пользуется средневековый говорящий: большинство культурно значимых лексем в различных контекстах принимают дополнительные оттенки значения [Гуревич 1984: 14]. Наиболее частотен многозначный глагол *servir* (служить), который уточняется наречиями образа действия *lëalment, bien, bel, richement* (преданно, верно, всецело, самозабвенно). Значения подчинения и принадлежности выражаются предикатами *presanter servise* (предоставлять свое служение), *onorer* (почитать), *estre a comandement* (быть в подчинении), *estre suens antiers* (быть в полном распоряжении, быть чьим-либо), *dire que mout volantiers, faire que comandez* (соглашаться выполнить приказ или желание дамы). Служение даме напоминает

идолопоклонство и обязывает рыцаря просить разрешения на какие-либо действия. Глаголы просьбы *requerre* и *prier* подчеркивают подчиненный статус рыцаря и власть дамы. Обещания и клятвы, приносимые рыцарем даме, также входят в феодально-вассальный слой лексики. Сближение высокостатусных фигур сеньора и дамы, которым необходимо верно служить, выражается в предикатах *assëurer*, *faire seür*, *jurer en ad sun serement* (заверять, клясться).

Наконец, выделим предикаты, демонстрирующие типичную деятельность куртуазного рыцаря: *tornoier* (участвовать в турнире), *aquointer* (состязаться), *chacier* (охотиться), *tenir la curt* (содержать двор), *donner les riches duns* (щедро одаривать подарками). Видим, что куртуазное поведение рыцаря предполагает светские развлечения военизированного характера, а также проявление щедрости как главной ценности для благородного мужчины.

Кроме использования предикатов, речевое поведение рыцаря в произведениях куртуазной литературы также характеризуется многообразием употребления обращений к даме. Вокатив рассматривается как коммуникативно-прагматическая единица, так как является каналом взаимодействия коммуникантов и инструментом воздействия на адресата [Кронгауз 1999: 124]. Вокативы связаны с локальными правилами этикета, а также культурно и социально обусловлены. Среди обращений к даме выделим однословные гендерно-возрастные апеллятивы: *dameisele* (девушка), *dame* (госпожа), *pucele* (дева), *amie* (подруга, возлюбленная); двухсловные атрибутивные номинации с оценочными эпитетами: *dolce / duce amie* (милая подруга), *bele amie* (дорогая подруга), *bele dame* (дорогая госпожа), *duce creature* (милое создание); и однословные метафорические номинации: *m'esperaunce* (моя надежда), *mun quor* (мое сердце), *ma vie* (моя жизнь), цветок лилии (*flors de lis*). Приведенные обращения выражают почтение и обожание и вместе с тем показывают большую устойчивость, поэтому их возможно отнести к формулам вежливости.

Анализ речевой деятельности рыцарей на материале куртуазных жанров показал тенденции использования *типов речевых актов*:

1. Наедине с собой влюбленный рыцарь употребляет *экспрессивы*, выражающие *страдания* и *сожаления*, которые сопровождаются междометиями (простыми восклицаниями или отдельными словами). Например, междометие *hélas*

в различных вариантах написания представляет собой составное слово из междометия *hé* и прилагательного *las* (несчастный) [Скредина, Становая 2017: 253]:

- *allas, queil destinee / M'amenat en ceste cuntree? / Pur ceste dame que ai veüe / M'est un'anguisse al quor ferue* [LAIS: 61] – увы, какой рок / Привел меня в эти земли? / Из-за этой дамы, которую я увидел, / В моем сердце поселилась тревога (боль, страх, страдание).
- *Que fet quant ne se tue / Cil las qui joie s'est tolue? / Comant puis je demorer ci / Et veoir les choses ma dame? / En mon cors por coi remaint ame? / Que fet ame an si dolant cors?* [BFM-Yvain 2013: 3523-3529] – Остается убить себя, / Если я так несчастен и счастье мое отнято? / Как могу я дальше оставаться здесь / И видеть мою госпожу? / И в моем сердце все еще сохраняется дух? / Что делает он в таком страдающем сердце?;

2. *Экспрессивы* выявлены во внутренней речевой *автокоммуникации*. В диалоге с самим собой адресант объединен в одном лице с адресатом и отстраненно воспринимает собственный текст [Успенский 2011: 123]. Рекуррентность диалога внутренней формы свидетельствует о рефлексирующей природе субъекта [Томберг 2019: 65]. В разговоре с собой рыцарь ищет ответы на вопросы чувств и морали. Например, юноша пытается определить ценность чувств и служения вере:

- *Se li cors va servir Nostre Signor, / Mes cuers remaint del tot en sa baillie* [BFM-SB 2013: 6] – Только тело мое служит Нашему Господину, / Но сердце остается в ее [дамы] расположении.

3. *Комиссивы*, выражающие перформативные *клятвы* верной службы и вечной любви, приносятся рыцарями своим дамам. Эти обещания схожи по смысловому значению с клятвами-омажами, приносимыми новому сеньору. Они находят выражение в глагольной форме повелительного наклонения. Предметом клятвы является, например, обещание навсегда принадлежать госпоже:

- *me tenez pur vostre hum <...> / Vus seiez dame e jeo servant* [LAIS: 64] – считайте меня вашим вассалом <...> / Вы будете госпожой, а я слугой;
- *Domna, vostre sui e serai, / Del vostre servizi garnitz. / Vostr' om sui juratz e plevitz* [Ventadorn: <http>] – Госпожа, ваш я есть и вашим буду, / Готов быть у вас на службе. / Я ваш вассал, вот моя клятва и мое обещание.

4. Частотным видом речевых актов является *комплимент* – *репрезентатив*, являющийся эпидейктическим жанром хвалебного характера [Короленко 2016: 102]. Важно отметить, что комплименты учтивого рыцаря имели в качестве адресата не только дам, но и других рыцарей, чьи моральные или

физические достоинства совпадали с представлениями о куртуазном маскулинном идеале.

В комплиментарных тирадах дамам рыцари высказывают свое восхищение следующими качествами: внешняя красота, привлекательность и соразмерность черт (*bele, biauté, avenant, cors gens, belh olh, doutz esgartz, clars vis*), опрятный внешний вид (*bien acesmee, bien vestue*), воспитанность, мудрость и знание манер (*cortoise, sage, bien afeitiee*), честь и благородство (*valor, enor, gentix*), преданность (*franchise, lëax*), смелость (*corage*), общее физическое и психическое здоровье, бодрость (*sainne, heitiee*). Compliments в адрес других рыцарей имеют целью подчеркнуть такие достоинства компаньонов и даже соперников, как доблесть, авантюризм и смелость (*preu, proesce*), ловкость и превосходство боевых навыков (*saillant*), учтивость, воспитанность, моральное совершенство и благородство (*bel, cortois, corteisie*). Приведенный список комплиментов указывает на ценности, связанные с поведением, внешним и моральным портретом маскулинной и феминной личности, которые наиболее высоко почитались в элитном рыцарском и поэтическом придворном обществе эпохи Средневековья.

Завершая анализ аксиологических компонентов в позиционировании куртуазного рыцаря, приведем *типичные речевые ситуации*, показывающие ценностные ориентиры феодального светского общества.

1. В условиях межличностного диалога с дамой сердца юный рыцарь признается ей в любви и просит о взаимности. Данная ситуация формирует как сюжетную, так и моральную базу куртуазной литературы, так как формирует культ прекрасной дамы и возвышенной, поэтизированной любви. Отметим, что по форме любовное признание схоже с просьбой или молитвой, например:

- *Bona domna, merce / Del vostre fin aman / Mas jonchas, ab col cle, / Vos m'autrei e.m coman* [Ventadorn: <http>] – Дорогая госпожа, помилуйте / Вашего преданного возлюбленного, / С сомкнутыми ладонями и опущенной головой, / Я в вашей власти и под вашим командованием.

В этом признании содержится элемент христианской молитвы (*merce* – божественная милость, милосердие), а также компоненты вассальной клятвы (сомкнутые руки, глаголы командования). Тактика шантажа (например, клятва в собственной гибели) выступает аргументацией в любовных признаниях:

- *jeo meorc pur vus; / Mis quors en est mut anquissus; / Si [vus] ne me volez guarir, / Dunc m'estuet [il] en fin murir* [LAIS: 40] – я умираю за вас; / Мое сердце в больших страданиях; / Если [вы] меня не излечите (не полюбите), / Мне остается лишь умереть.

2. В ситуации межличностного общения с более взрослым воином или дамой, юный рыцарь задает экзистенциальные вопросы, пытается расставить этические приоритеты и определить для себя цели рыцарской службы, правила куртуазного поведения и всеобщую христианскую мораль. Данная коммуникативная ситуация типична для куртуазной литературы и является наиболее ярким выразителем ее назидательной, просветительской направленности. Приведем наставления и советы, которые средневековые авторы передают читателям через проповеднические и воспитательные реплики персонажей, формируя кодекс куртуазного поведения:

- *granz diax ert et granz dommages / quant armes porter ne voloit / tex ber com il estre soloit* [BFM-EE 2013: 2456-2458] – большой позор и великое горе, / когда барон не хочет вооружаться (биться на турнирах, участвовать в боях), / как заведено;
- *dames et puceles servez, / si seroiz par tot enorez* [BFM-Perc 2013: 539-540] – служите дамам и девушкам, / и все будут вас почитать;
- *ben a mauvais cor e mendic / Qui ama e no.s melhura!* [Ventadorn: <http>] – злое и дрянное сердце у того, / Кто любит, но не совершенствуется;

Итак, анализ средств вербальной репрезентации образа «рыцарь учтивый» (*chevalier courtois*) в произведениях различных жанров куртуазной литературы показал важность аксиологических категорий учтивости, воспитанности, преданности, самоабвенности и благородного поведения. Юный рыцарь получает идеализированное воплощение в образе авантюрного, смелого и верного влюбленного, готового выполнять приказы дамы и пойти за нее на смерть. В этом выражается близость куртуазной и феодальной идеологий. Куртуазная любовь, как лингвокультурный феномен, является прерогативой членов высшего общества и благородного происхождения. В этой среде код утонченной светской любви позволяет возвысить ценность рыцарства и распространить данную идеологию. Куртуазия является качеством человека, с одной стороны, благородного происхождения, и с другой стороны, высоких моральных устоев.

2.1.3 Языковая репрезентация образа «рыцарь-христианин» (*chevalier chrétien*) в прозаическом романе

Религиозное мировоззрение являлось главным фактором формирования восприятия человека в силу царствования принципа *теоцентризма*, признающего Бога началом сущего. Религиозность являлась ключевой чертой средневекового человека и социума схоластических времен. *Схоластика* как тип средневековой религиозной философии была основана на приоритете теологического (богословского) вероучения [Словарь средневековой культуры 2003: 515].

Идея божественного начала всего сущего была наиболее устойчивым элементом как в индивидуально-авторских системах ценностей, так и в картине мира средневекового социума [Манухина 2011: 73-74]. Учение Церкви распространялось не только на клерикальные аспекты жизни, но также играло важную институциональную роль, упорядочивая общественную и политическую жизнь. Связываем это с тем, что, существуя во времена нескончаемых войн, социальных изменений и эпидемий, человек нуждался в таком общественном инструменте, который бы гарантировал стабильность и избавление от постоянных страхов и неизвестности. Так, Ф. Ишер выделяет *grandes peurs* (глобальные страхи) средневекового человека: апокалипсис (*Apocalypse*), голод (*famine*), недостаток продовольствия (*pénurie*), война (*guerre*) и чума (*peste*) [Icher 2000: 183]. Гарантом защиты от этих бедствий выступила Церковь.

Церковная власть в эпоху Средневековья обладает наиболее широкими возможностями, влияет не только на идеологизацию общества, но и на его политику, экономику, международные отношения, культуру и язык. Христианство сыграло цивилизационную роль, стало фактором объединения европейцев в одну культуру. В XII в. начинается расцвет схоластической учености, связанный, в первую очередь, с образованием Парижского университета, а также с открытием просветительских и культурных центров, включающих библиотеку, скрипторий и школу, в которых хранятся и создаются рукописи, открываются учебные курсы по теологии, богословию и схоластике [Гуревич 1984: 155; Histoire culturelle de la France 2005: 14]. Эпоха схоластического Средневековья явилась периодом постановки вопросов о положении, сущности и целях человека в мире, созданном

Богом, что нашло отражение в трактатах церковных деятелей – Пьера Абеляра, Блаженного Августина, Фомы Аквинского, Боэция и Бертольда Регенсбургского.

По выражению историка М.И. Козьяковой, средневековая Церковь «учит, просвещает, наставляет, дает систему координат по которым человек определяет свое место в мире» [Козьякова 2016: 212]. Христианские ценности, проповедуемые не только клириками, но и мирянами, сыграли ключевую роль в ряде социокультурных процессов:

- создание единой христианской Европы и ее конфронтация с остальным инакомыслящим миром в рамках Крестовых походов;
- укрепление монаршей власти, основанной на вере в царя – помазанника Божьего;
- создание схоластической системы обучения как единственной и безальтернативной возможности получить образование;
- образование сословия *христианских небесных рыцарей* (*chevalerie céleste, miles Christi*), применяющих физическую силу во славу Церкви.

Тенденция христианизации воинствующего средневекового рыцарства отмечается в трудах А.Д. Михайлова, Д. Бартелеми, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, Г. Кевийон, Г. Козна, Ж. Павьо. Поясним причины, заставившие церковный институт озаботиться проблемами духовного совершенства рыцарей. В условиях постоянных войн, походов и турниров многие рыцари стали походить на разбойников, ищущих добычу и пользующихся своим привилегированным статусом. Поэтому, в целях защиты собственного имущества и прихожан, Церковь берет курс на обуздание и духовное просвещение рыцарства. Религиозный институт дает рыцарству особую миссию: защиту вдов и сирот, охрану церквей, распространение веры и ведение Священной войны [Le Goff 2008: 66].

Религиозная идентичность средневекового человека формируется посредством культурных проявлений, в первую очередь, – в литературе. Отметим, что религиозная и художественная литература на территории средневековой Европы вплоть до 70-х гг. XV в. существует в рукописной и устной форме: на торговых площадях певчие клирики рассказывали нараспев части Писания и отрывки из художественной литературы, также пронизанные религиозной тематикой и отсылками к библейским параболам. Во время чтения

растолковывались отсылки к религиозным текстам, интегрированные в художественные произведения, постепенно переходя к проповеди. Таким образом, происходит частичное наслоение художественного и религиозного дискурса – совокупности коммуникативных действий, которые относятся к предметной сфере религии и направлены на укрепление веры [Анисимова 2019: 14].

Наиболее яркое отражение христианское мировоззрение и церковная идеология находят в прозаических романах *бретонского* цикла *о короле Артуре и рыцарях Круглого стола* (его также называют *Артурианой* и *циклом Грааля*). Истоки цикла уходят в досаксонскую культуру Британии. Во-первых, древнейшая мифология бриттских племен привнесла в средневековые рыцарские романы проявления чудес и мистерий. Во-вторых, христианизация Британии III-IV вв. способствовала появлению христианской фигуры Иосифа Аримафейского. В-третьих, нашествия германских племен V в. заложили основы авантюристичности романов, наполненных подвигами.

Начиная с XIII в. получает распространение эпический прозаический рыцарский роман. К причинам зарождения прозаического романа, черпающего сюжеты из куртуазной литературы, следует отнести промышленное развитие, возвышение дворянства, рост уровня образования [Вышенская 2018: 813]. Таким образом, проза явилась откликом на изменение запроса читающей аудитории: отныне читатель – это образованный житель города, ищущий в художественном произведении не только развлечение, но и моральную составляющую и историческую мудрость [Романова 1975: 48]. В число Бретонских романов входит группа произведений о Святом Граале, которая является синтезом светского куртуазного идеала с христианскими идеями. Для романов этой группы характерна замена прославленных авантюр воспеванием культа смирения и целомудрия, выраженных в символе христианской святыни – чаше Святого Грааля.

Эта тематика отражается в прозаическом цикле *Вульгата* (*Ланселот-Грааль* или *Прозаический Ланселот*), а именно, в романе в 15 частях *Queste del Saint Graal* (*Поиски Святого Грааля*, 1215-1220). Авторство приписывают либо английскому священнослужителю времен правления Генриха II Вальтеру Мапу [Pauphilet 1996; Михайлов 2012], либо канцлеру Генриха II Томасу Бекету, близкого ко двору и, очевидно, знакомого с Вальтером Мапом [Zink 1992]. Роман является

кульминацией христианской идеологии Средневековья и отражает путь духовного совершенствования рыцарства. Приведем характерные маркеры жанра прозаического христианизирующего романа, отраженные в *Queste del Saint Graal*.

- Основной мотив – непрерывный индивидуальный поиск рыцарей, которые совершают авантюры и выносят из них моральные уроки. Сталкиваясь с необъяснимыми явлениями и чудесами, рыцари встречаются монахов, старцев или непорочных дев, которые в виде парабол разъясняют чудеса с точки зрения божественных проявлений, формулируя, таким образом, наставления о том, как стать идеальным христианским рыцарем. В названии романа *queste* означает как поиск материальных объектов, так и моральные экзистенциальные поиски и размышления.

- Центральное лицо персонажное – известные рыцари Круглого стола (Артур, Ланселот, Персеваль, Галахад, Гавейн и др.). Их отличие от куртуазных и эпических рыцарей состоит в том, что они становятся христианскими рыцарями (*chevalier de Dieu, miles Christi*), подчиняющимися не столько королю или сеньору, сколько заповедям Церкви [Quevillon 2009: 3]. Так называемая *chevalerie célestielle* синтезирует характеристики рыцаря и монаха и валоризует не смелость и учтивость, а целомудрие и праведность. Для характеристики христианского рыцаря можно применить оценку, которую отечественный славист Т.И. Вендина дает средневековому славянскому человеку: «хотя эта "идеальная личность" как предметная реальность могла и не существовать в обществе, однако, как наиболее совершенная, близкая к божественному идеалу она существовала в сознании человека» [Вендина 2002: 43].

- Идеологическая и философская функции заключаются в конструировании новых духовных идеалов. С одной стороны, создается образ идеальных христианских рыцарей, а с другой, – осуждается реальное рыцарство того времени, погрязшее в жестокости войн и в разврате придворной жизни. Религиозная одухотворенность, красной нитью проходящая через прозаические романы, приводит к тому, что религиозно-мистические идеалы торжествуют над феодальными и куртуазными.

Аксиологическая составляющая религиозной картины мира, представленной в прозаическом рыцарском романе, передается через такие *концепты*, как *Graal*, *table ronde* и *adoubement*.

Востребованность легенды о чаше *Graal* можно объяснить начавшейся в IX-XIII вв. «охотой» за христианскими реликвиями. В романах о Граале часто идет речь о подвигах благочестия, вершиной которых становится обретение Святой чаши евхаристии, которая, согласно Писанию, связана с Тайной Вечерей и Распятием. Таким образом, Святой Грааль представляет собой абсолютно христианский символ. Однако специалисты полагают, что концепт *волшебная чаша* присутствует и в древнейших кельтских и нормандских мифах, в которых встречается ведьмин расколотый волшебный котел Керидвен (валлийск. *Cyrridwen*). Первоначально в литературе Средневековья чаша являлась указанием на освободительную миссию доброго начала, затем приобрела христианскую коннотацию. В подтверждение этому, во всех случаях использования в исследуемом романе, лексема *Graal* сочетается с эпитетом *saint / seint*, указывающими на священный и божественный характер реликвии.

Круглый стол (*table ronde*) несет в себе феодальную семантику и символизирует социальную справедливость и равенство, так как показывает важность государственных вопросов и констант рыцарской чести [Вышенская 2016: 86]. Форма стола репрезентует солидарность: так как стол не имеет председательского места, он «игнорирует иерархический статус сидящих» [Каплан 2008: 27]. Право сесть за этот стол необходимо завоевать, продемонстрировав качества истинного христианина. В романе *Queste del Saint Graal* представлена парабола, трактующая стол короля Артура в контексте трех главнейших христианских символов:

- *Jhesucriz fu entre ses apostres pastres et mestres a la table de la ceinne, après fu senefiee par Joseph la table dou saint Graal et la table reonde par cest chevalier* [BFM-QSG 2013: 178b] – Иисус Христос сидел как учитель и пастырь со своими апостолами за столом на Тайной вечере, затем Иосиф [Аримафейский] за столом Святого Грааля и вот Круглый стол для этого рыцарства.

Церемония посвящения в рыцари (*adoubement*) уходит корнями в нерелигиозный военный германский обряд, предполагающий включение мужчины в элитарную группу бойцов. Лишь около XII в. языческий ритуал

трансформируется под действием официальной Церкви, приобретает христианскую коннотацию и становится настоящим обрядом духовной инициации [Barthélemy 2012: 215; Козьякова 2016: 179]. По мнению историка религии М. Элиаде [2002: 88], значительное влияние Церкви на рыцарскую этику начинается в XII в. и связано именно с переоценкой и контролем языческого церемониала. Вся церемония сопровождалась многочисленными наставлениями со стороны церковнослужителей, призванными показать то совершенство, к которому необходимо стремиться рыцарю [Приложение №3].

Обращаясь к анализу *однословных номинаций* лиц персонажных-рыцарей, выявляем традиционную для средневекового художественного дискурса группу номинаций-титулатур и официальных вокативов: *sire, seignor, chevalier, mestre, ome, rois, vaslet*. Наряду с данными формальными номинациями представлены профессиональные титульные номинации, свойственные духовному рыцарству: *serjant Jhesucrist* и *serjant Dieu* — слуга Иисуса Христа и слуга Бога. Лексема *serjant* имеет значение служащего сеньору, а антецеденты, представляющие христианские реалии, придают номинации религиозную коннотацию.

Мелиоративная номинация *preudome* представляет интерес в силу семантической трансформации, произошедшей с данной лексемой. Изначально апеллятив *prud'homme* имел отношение к ценностям куртуазной и героической картины мира и был связан с преданностью и доблестью. Однако в романах прозаического цикла лексема приобретает устойчивую христианскую семантику, описывая глубоко религиозные лица персонажные. В изменении значения лексемы проявляется идеологическая направленность на пересмотр рыцарской модели поведения. В романе *preudome* называют тех рыцарей, которые достойны отправиться на поиски Грааля и вступить на путь духовности [Quevillon 2009: 10].

Использованы номинации родства – указания на отношение сына к отцу: *filz* (сын, наследник), *darreins* (выходец из семьи, последователь). Ценностный аспект родовых номинаций проявляется в том, что в феодальном государстве значительную роль играла традиция передачи как имущественных благ, так и духовных качеств и заслуг от отца к сыну. Одновременно факт вхождения к определенной знатной семейной ветви (*lignage*) всегда связан с библейской

генеалогией. Например, в развернутом номинативном описании рыцаря Галахада именно указание на почетную генеалогию выступает положительным аксиологическим элементом:

- *le chevalier desirré, celui qui est estrez dou haut lignage le roi David, et dou parenté Joseph d'Arimacie, celui par qui les merveilles de cest païs et des estranges terres remaindront* [BFM-QSG 2013: 161c] – долгожданный рыцарь, выходец из великого рода короля Давида и родственник Иосифа Аримафейского, кто раскроет чудеса в этой стране и в других землях.

Этого же рыцаря монахины называют *nostre norriçon* (наш воспитанник, наш ребенок), подчеркивая его детскую непорочность и воспитание в монастырских обычаях. Добавим, что рыцарь Галахад является движущей силой произведения и показывает наиболее яркий моральный пример, поэтому его имя собственное также содержит оценочный элемент. *Galaad* или *Gal* является аллюзией к мистическому называнию Иисуса Христа [Quevillon 2009: 61, 63]. Таким образом, через использование этого имени автор передает евангелическое значение лица персонажного, делает его символом Спасителя. И действительно, по сюжету романа этот рыцарь – единственный, кто удостоивается чести увидеть Святой Грааль.

Метафорические однословные номинации носят положительный характер. *Joie* – чувство сильного счастья, удовольствие, блаженство; *confort* – моральная поддержка, опора, вдохновитель; *espoir* – надежда. Эти сравнения с абстрактными понятиями духовной сферы указывают на особую спасительную миссию, возлагаемую на рыцарей. Коллективные однословные номинации *amis* (товарищ) и *compaignon* (соратник) также связаны с миссией, предпринятой рыцарством Круглого стола – странствиями в поисках священной чаши. В силу распространения частной военной охраны зарождается этический принцип, который по сей день остается осевым элементом французской цивилизации – *fraternité* (братство). Этот феодально-духовный феномен вербализуется в лексеме *compagnie*, основное значение которой – маленькие группы наемных рыцарей, которые иногда организуются в настоящие армии и сеют страх и разрушения в землях, где пролегают их странствия [Icher 2000: 206]. Очевидно, что в *Queste del Saint Graal* речь идет о совершенно ином виде братства духовного и объединенного

общей почетной миссией – об ордене (*haut ordre de chevalerie*). Названия ордена представлены в романе: *li compaignon de la table reonde, compaignon de la queste*.

Атрибутивные двухсловные номинации наиболее ярко передают оценочные компоненты репрезентации христианского рыцарства. Перечислим основные мелиоративные характеристики: доброта и благодушие (*bons chevaliers, biaux amis, gentil chevalier, biaux chevaliers*), святость и духовная чистота (*sainte chose, saint chevalier, chevalier celestiel, vrai chevalier, filz nez, filz espurgiez, rois crestiens*), доблесть (*chevalier vaillant, chevalier hardi, chevalier preux*), избранность и безупречность (*noviaux chevaliers, chevalier desirré, meillor chevalier, esleu serjant, chevalier parfet, mioldres chevaliers*), сострадание и смирение (*rois piteus, rois humbles*).

Особый интерес представляют малочисленные атрибутивные номинации, содержащие негативные аксиологические характеристики. Например, *serjanz mauvés* (неудачливый, злополучный), *serjanz desloiaux* (нечестный, вероломный), *maleureus chevaliers* (несчастный, проклятый). Поясним, что неудача в духовном поиске выражается в отсутствии приключений и возможности совершить подвиг для конкретных лиц персонажных (например, для Гавейна, который показывает себя недостойным). Наблюдается тяжелый выбор Ланселота между любовью земной и духовной, что влечет за собой характеристику несчастного рыцаря. Цветовые характеристики содержат оценочное значение в номинациях *Helains li Blans* (Элейн белый) и *Priadan le Noir* (Приадан черный). Первый герой – идеальный рыцарь, принятый в общину Круглого стола, а второй – защитник старой, языческой веры. В соответствии с этим за героями закрепляются прозвища в форме цветообозначений: белый, как символ чистоты и духовности для покровителя христианских ценностей и черный, как знак греховности и порочности для рыцаря-язычника.

Формулы *физического портретирования* рыцарства малочисленны так как основной функцией романа является не эстетическая, а моральная идеализация рыцарства. Портреты формируют абстрагированное представление о внешности рыцарей и указывают не на конкретные черты, а на факт превосходства и исключительности:

- *si bel enfant et si bien taillié de touz membres que a peines trovast l'en son pareil*

ou monde [BFM-QSG 2013: 160b] – столь прекрасный юноша с такой идеальной фигурой, что не найти такого же в мире;

- *garni de toutes biautez si merueilleusement qu'il ne cuide mie qu'il veïst onques mes de son aage si bele forme d'ome* [Там же] – украшенный всеми красотами столь чудесно, что он [Ланселот] думает, что не видел ни одного столь прекрасного юношу его возраста.

Напротив, конструированию *морального портрета* рыцарей отведено особое место в романе. Устойчивость показала синтаксическая структура сочетания указательного местоимения и придаточного предложения, которое содержит несколько образных характеристик. Эти развернутые наименования содержат указания на особую миссию, возложенную на отдельных рыцарей, что делает их богоизбранными. Например:

- *cil qui metra a fin les aventures de la G[ra]nt Bretaigne* [Там же: 162a] – тот, кто положит конец приключениям Великобритании;
- *celui que Diex nos envoie por delivrer nostre païs des granz merveilles et des estranges visions, et des estranges aventures* [Там же: 162b] – тот, кого Бог послал нам, чтобы освободить наши земли от великих чудес, от странных предсказаний и приключений.

Развернутый моральный портрет представлен для Ланселота, который в романе предстает как неоднозначный рыцарь, символизирующий людскую слабость, греховность и одновременно смелость и мужество:

- *avoies tu virginité herbergiee en toi si naturelment que onques ne l'avoies enfrainte ne en volenté ne en oevre* [Там же: 189b] – в тебе есть природная непорочность, которую ты не предал ни в действиях, ни в мыслях;
- *avoies tu humilité <...> avoies tu en toi souffrance* [Там же: 189b-189c] – в тебе есть смиренность <...> в тебе есть терпение;
- *estoit li feus dou saint esperit chaut et ardent en toi, et estoies volenteïs et ententis en cuer et en ame de tenir ce que ces vertuz t'avoient presté* [Там же: 189d] – пламя Святого Духа горит в тебе столь пылко и в глубине твоего сердца и души ты решительно настроен быть верным этим добродетелям.

Множественность моральных характеристик героя объясняется тем, что традиционно герой средневекового романа определяется не через его исключительные качественные характеристики, а через увеличение количества этих характеристик. Одновременно выявлено устойчивое пейоративное портретирование Ланселота в форме метафорической гиперболы:

- *plus durs que pierre, plus amers que fiel, plus nuz et plus despris que figuiers* [Там же: 174b] – более твердый, чем камень, более сухой, чем бревно (более горький,

чем желчь), более нагой и бесплодный, чем фиговое дерево.

В речах отшельника содержится толкование этих уничижительных сравнений. Так, камень символизирует жесткость, твердость, бесчувственность грешника, чье сердце больше ничто не трогает (*durté*). Высохшее бревно (*fust mort et porri*) выступает знаком горечи, озлобленности и ожесточения, а также отсутствия места для доброты и милосердия (*douçors*). Наконец, фиговое дерево приведено в связи с библейской притчей: Иисус Христос встретил на своем пути красивое дерево фиги, ветвистое и покрытое листьями, но не имевшее плодов. Это разозлило его и он проклял дерево, настав на него проклятье бесплодности (*il maudist l'arbre qui fruit ne portoit*). Таким образом, идеалистическое восприятие средневекового рыцаря нарушается в приведенном моральном портрете Ланселота. Подчеркнем клишированность образа христианского рыцаря [Icher 2000: 93]: «А côté des exemples de chevaliers courageux <...> figurent en tout aussi grand nombre d'hommes violents, passionnés par la guerre et se vendant au plus offrant⁴».

Наиболее яркой особенностью речевого поведения рыцарей в романе *Queste del Saint Graal* является использование разнообразных религиозных речевых клише. Например: *que Diex la beneïe* (да благословит ее Бог), *de par dieu, par foi*, (клянусь Богом), *bien dieu merci* (да простит всемилостивый Бог), *a non dieu, ha diex* (во имя Господа), *vos consaut diex* (да утешит вас Господь), *sire diex vos conduie* (Господь вас ведет), *se dieu plect* (даст Бог), *diex le face par la soe digne pitié* (Божьей милостью). Приведенные выражения относятся к вводным оборотам, выражающим эмоциональную оценку. Одновременно они схожи с семантически пустыми заполнителями пауз, которые используются по привычке упоминать Бога.

Наблюдения в ходе анализа характерных черт коммуникативного поведения рыцарства согласуются с мнением Й. Хейзинга [2011: 391] о том, что средневековый человек склонен во всем искать мораль, нравственный урок, превращая любое высказывание в сентенцию. Действительно, реплики воинства Христова наполнены пафосностью, свойственной афоризмам и максимами. Например, в изречении Гавейна патетика касается чувства преданности:

- *se je en deusse orendroit morir si le feïsse je por la volenté mon seignor acomplir*

⁴ Наряду с примерами смелых рыцарей <...> существует столько же мужчин жестоких, одержимых войной и служащих тому, кто предложит больше.

[BFM-QSG 2013: 161b] – если мне придется расстаться с жизнью, я сделаю это из уважения к воле моего сеньора.

Коммуникативные акты часто имеют отношение к религиозному дискурсу. Целеполагание религиозного дискурса имеет несколько направлений: вымолить поддержку, исповедоваться, приобщить адресата к религии и убедить его в правильности выбранного пути [Бобырева 2008: 162].

1. Среди используемых рыцарством речевых актов особое место занимает *директивная форма христианской проповеди* – монолога священнослужителя, который содержит поучения и разъяснения основ веры и направлен на «религиозно-мотивированное воздействие» на слушающего [Бобырева 2007: 29]. Проповедь как жанр религиозного литургического дискурса содержит одновременно духовное красноречие и гомилетические элементы [Анисимова 2019: 15]. Добавим, что отечественный философ-медиевист В.Л. Рабинович [2013: 54] выявляет в качестве базовой особенности средневекового мышления «рецептурный, научающий характер», который отражается в «строжайшем рецептурном предписании», свойственном художественному дискурсу эпохи. Приведем примеры морализаторских проповедей, произносимых рыцарями:

- *mout devons avoir grant joie de ce que Nostre Sires nos a montré si grant signe d'amor qu'il de sa grace nos volt repaistre* [BFM-QSG 2013: 163c] – надобно ощущать большую радость от того, что Господь послал нам столь великий знак его любви, насытиться его милостью;
- *tiex hons com vos estes ne doit pas poor concevoir en son cuer, mes justice et hardement, et avoir bone esperance* [Там же: 163d] – муж, как вы, должен держать в своем сердце не страх, а справедливость, мужество и надежду;
- *vos fustes mis en l'ordre de chevalerie <...> por ce que vos servissiez a vostre criator et deffendissiez sainte eglise, et rendissiez a Dieu le tresor qu'il vos bailla a garder. Ce est l'ame de vos* [Там же: 172c] – вы вступили в рыцарский орден <...>, чтобы служить вашему Создателю, и защищать святую Церковь, и вернуть Богу сокровище, который Он вам даровал, т.е. вашу душу.

2. Выделяется жестко ритуализованный *директивный* речевой акт *молитвы*, а именно особый вид безмолвной внутренне молитвы в душе. Молитва представляет собой ключевой жанр литургического дискурса [Анисимова 2019: 23]. Будучи сакральным обрядом, акт молитвы предполагает соблюдение определенных нормативных ритуалов и действий: пасть на колени (*chaoir a terre*), свести ладони в

молитвенном жесте (*joindre les mains*), перекреститься (*se seigner*), простирать руки к небу (*tendre les mains vers le ciel*). Молитва обязательно состоит из следующих элементов:

- обращение к Богу: *Biax sire Diex, biau douz sire* (великий Господь); *mercie Nostre Seignor* (благослови, Господь); *beneoiz soit Diex* (благословен Бог);
- благодарность и почтение, адресованные Богу:
 - *qui en si haut leu comme est l'ordre de chevalerie me lessastes monter* [BFM-QSG 2013: 182c] – который позволил мне вступить в великий орден рыцарства;
 - *qui de cest saint vessel que je voi ci venir avez fet tel miracle* [Там же: 173d] – который совершил столько великих чудес с помощью этой святой чаши;
- просьба как ключевой прагматический компонент молитвы:
 - *par vostre pitié ne soffrez vos mie que je isse de vostre servise, mes soie si come li bons compainz et li seurs qui deffent bien la querele son seignor* [Там же: 182c] – вашей милостью, не покиньте меня, помогите мне стать верным и достойным вассалом, который будет защищать своего сеньора;
 - *me doingniez vos que je puisse deffendre m'ame qui est vostre querele et vostre heritage contre celui qui a tort la velt avoir* [Там же] – удостойте меня силы защитить мою душу, Вашу собственность по праву;

3. Наконец, речевой акт *репрезентатив* представлен в специфической форме *признания – исповеди (confession)*. Акт исповеди отличается структурной стандартизацией и вместе с тем может переходить в другие формы: рассказ, диалог [Анисимова 2019: 16]. Интерес к исповеди обусловлен тем, что она предполагает самооценку, т.е. оценку кающимся своих поступков, их сопоставлением с нормами морали. Приведем исповедь одного из «грешных» рыцарей романа – Ланселота, в которой наряду с покаянием в грехах высказывается самооправдание (указание на щедрость) и перенесение вины на другого:

- *je sui morz de pechié d'une moie dame que j'ai amee toute ma vie, et ce est la reïne Guenievre la fame le roi Artus, ce est cele qui a plenté m'a doné l'or et l'argent et les riches dons que je ai aucune foiz donez as povres chevaliers. Ce est cele qui m'a mis ou grant boban et en la grant hautece* [Там же: 175b] – я совершил смертный грех из-за дамы, которую я любил всю жизнь, и это королева Гвиневра, жена короля Артура, это она дала мне много золота и серебра и дорогих подарков, которыми я делился со страждущими рыцарями. Это она ввергла меня в роскошь, расточительство.

На завершающем этапе анализа аксиологической репрезентации рыцаря-христианина в романе *Queste del Saint Graal*, который предполагает анализ

типичных речевых ситуаций, было выявлено три основных коммуникативных паттерна, связанных с религиозными аспектами службы:

1. Знатный и проявивший свои воинские заслуги рыцарь посвящает в орден *chevalier nouveau*, совершая ритуальный обряд. Сам акт посвящения вербализуется устойчивым выражением *faire chevalier* с пояснением *de sa main* (буквально, посвятил в рыцари своей рукой), что связано с традицией ударять юного воина мечом, обнимать его и очерчивать знак креста. Интересно, что почетным является не только факт вхождения в ряды рыцарства, но и право быть выбранным на достойную роль крестного (*parain*). Например, так говорится о рыцаре Ланселоте, которому дозволяется посвятить в рыцари Галахада:

- *nul plus preudome de vos ne porroit il a nostre cuidier recevoir l'ordre de chevalerie* [Там же: 160с] – никто более не достоин (нет никого более благородного, порядочного и отважного) сделать его рыцарем, чем вы.

2. Рыцарь расспрашивает отшельников и священнослужителей о значении встреченных им чудес, инициируя их обратиться к разъяснениям библейских парабол или к назиданиям в духе проповеди. В ответной реплике коммуниканты представляют обширный структурированный монолог-аргументацию, содержащий отсылки к библейским историям. Такая вопросно-ответная форма просвещения соответствует традиции католического катехизиса, в котором кратко излагаются церковные догматы [Анисимова 2019: 15]. Употребление императивных высказываний поддерживает поучительную направленность христианизирующих прозаических романов. Просьба объяснений представлена в следующих формах:

- *dites moi la senefiance de ces choses* [Там же: 175с] – расскажите мне о значении этих вещей;
- *dites moi ce que je vos demanderai* [Там же: 179с] – объясните мне то, о чем я вас спрашиваю.

3. Рыцари Круглого стола выражают чувства дружбы и единения общей миссией – поиском Грааля. Мотив компаньонажа выражается на невербальном уровне в эмоциональных действиях: *acoler*, *embracier*, *baisier* (обнимать, обвивать шею руками, целовать). На вербальном уровне единение подчеркивается ритуалом общей клятвы, которую приносят стоя как один. Содержание клятвы общества поисков Грааля представлено в косвенной речи в следующем виде:

- *jura come loiaux chevaliers que il ceste queste maintendrait .i. an et .i. jor et plus encore s'il le covenoit a fere, ne jamais a cort ne revendrait devant qu'il la verité savroit dou saint Graal* [Там же: 165b] – дал клятву верного рыцаря, что продолжит поиски один год, и еще один день, и еще дольше, если понадобится, и не вернется ко двору до тех пор, пока не узнает правды о Святом Граале.

В заключение анализа аксиологической репрезентации образа «рыцарь-христианин» (*chevalier chrétien*) в романе *Queste del Saint Graal*, подчеркнем комплексность образа религиозного рыцаря. Вера, набожность и духовная чистота являются важными компонентами ценностной модели средневекового рыцарства. Нравоучительная и морализаторская функции средневекового художественного дискурса находят наиболее яркое отражение в жанре прозаического рыцарского романа, посвященного кельтским и христианским тематикам.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Аксиологический подход предписывает выявление и анализ ценностей, оценок и значимости элементов культуры. В его рамках описывается методология исследования вербализации оценок на примере средневекового рыцаря. Предлагаются следующие этапы анализа: описание базовых, ценностно-значимых концептов, представление формальных и атрибутивных номинаций, портретирование, выявление особенностей дискурсивного поведения и представление типовых коммуникативных ситуаций.

2. Анализ особенностей языковой репрезентации образа «рыцарь верный» (*chevalier loyal*) проведен на материале четырех героических эпопей. Анализ показал высокую значимость таких ценностей, как преданность и верная служба для аксиологической системы феодального Средневековья. Изображение верного рыцаря-вассала носит идеализированный характер. Взаимоотношения вассала и сеньора имеют как формальный, так и эмпатический аспекты. В результате, типичный образ верного слугителя своему сюзеру демонстрирует феодальные компоненты этической системы средневековой лингвокультуры.

3. Феномен куртуазии и куртуазного, учтвого поведения, является новым для средневекового феодального общества и являет собой светский морально-эстетический идеал. Куртуазия представляет собой как светское придворное мировосприятие, так и религиозно-моральные воззрения аристократического сословия. Анализ способов оценочной концептуализации образа «рыцарь учтивый» (*chevalier courtois*) на материале произведений различных жанров куртуазной средневековой литературы показал ценность таких поведенческих установок, как учтливость, вежливость, воспитанность, самозабвенная верность даме сердца, благородство. Образ галантного рыцаря соотносится с фигурой юного влюбленного воина, смелого и преданного любому приказу дамы. Этика утонченной любви способствовала морально-нравственному воспитанию рыцарей и распространению рыцарской идеологии.

4. Религиозный компонент рыцарской этики связан с церковной тенденцией христианизации воинствующего сословия, наметившейся в эпоху расцвета схоластики. Наиболее яркое отражение образ «рыцарь-христианин» (*chevalier chrétien*) находит в прозаическом романе бретонского цикла начала XIII в.

Queste del Saint Graal. Анализ ценностных репрезентаций религиозных рыцарей в произведении показал значимость морального достоинства и духовного совершенства рыцарей. В комплекс аксиологических категорий, связанных с моделированием образа глубоко религиозного рыцаря входят вера, набожность, моральное совершенство, безгрешность и духовная чистота.

ГЛАВА 3. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *CHEVALIER MÉDIÉVAL* В НАУЧНО- ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX-XXI ВЕКОВ

3.1. Характеристика научно-исторического дискурса

Дискурсивный подход к концепту укоренился в современных гуманитарных исследованиях и имеет двунаправленный характер. Анализ вербализации концепта в определенном дискурсе связан, с одной стороны, с описанием исследуемого лингвосоциокультурного феномена во всей полноте его текстового воплощения. С другой стороны, выявляется влияние социального контекста, индивидуально-авторских установок и ведущих общественно-политических идеологий на функционирование изучаемого концепта. Концептосфера находится в непрерывном развитии и изменении ввиду трансформации ценностной системы социума [Слышкин 2005: 10]. В этой связи, закономерно утверждать, что семантическая и аксиологическая составляющие концепта изменяются в зависимости от эпохи, социально-исторических условий и типа дискурса. В рамках направления исторической семантики изучаются процессы *семантической эволюции* значений слов, репрезентующих культурные концепты [Проскурин, Комкова 2017: 145]. Целью главы является описание изменений, происходящих на уровне значений и оценок, приписываемых концепту *chevalerie médiévale* в современных научных трудах по истории Средневековья.

Большое разнообразие опубликованных в XX-XXI вв. исследований, посвященных рыцарской культуре и феодальному социуму, свидетельствует о том, что проблема переоценки и интерпретации образа средневекового рыцаря является актуальной для научного сообщества в условиях *антропологизации истории*, т.е. повышенного интереса к человеку и его поведению в разные эпохи [Миньяр-Белоручева 2014: 13]. Несмотря на то, что закат института европейского рыцарства относится к XV-XVI вв., многие положения о поведении, культуре и деятельности рыцарства до сих пор вызывают споры у лингвистов, историков, культурологов, искусствоведов, социологов и литературоведов. Ретроспективный взгляд с дистанции в несколько столетий позволяет отрефлексировать общепринятые положения и элиминировать идеологические мифы. Изучение человека прошлого имеет социально-практическую цель: поиск новых ориентиров и ценностей в

настоящем, разработка идеала человеческой морали и поведения. Рыцарь представляет собой общественный идеал как для эпохи Средних веков, так и для современного общества.

Общечеловеческие ценности не остаются абсолютными константами: ценностные ориентиры подвержены постоянному пересмотру относительно актуальной внелингвистической действительности, что выражается в утрачивании непреложных ценностей, сдвигах ценностных ориентиров и подмены ценностей [Серебренникова 2012: 125; Трунова, Бубнова 2017: 64]. Поступки, которые являлись социально одобряемыми в одну эпоху, могут стать антиценностями в других исторических условиях, что иллюстрирует современный пересмотр рыцарских ценностей Средневековья.

Например, в эпоху Крестовых походов, идея Священной войны с неверными распространялась, как почетный и сакральный долг любого христианина. В конъюнктуре нового тысячелетия крестоносное движение становится антиценностью, так как транслирует нетолерантность, национализм и радикализм на религиозной почве. В средневековых источниках рыцарь канонизирован как архетипический маскулинный идеал, репрезентующий мужество, верность, благородство, учтивость и веру. Однако современные историки критикуют рыцарский эталон, выявляя факты агрессии, насилия, несправедливого отношения к низшим сословиям и приоритет материальных интересов. Для Средневековья релевантны рыцарские ценности преданности и самозабвенного служения. В то же время, историков все больше интересуют проявления не типичного, а индивидуального (включенного в представления о норме) и девиантного (не входящего в рамки нормы) [Чернявская 2011: 27]. Так, изучаются факты предательства, клятвопреступления, обмана, измены. Это указывает на попытки избавиться от идеализированного стереотипа рыцаря и смоделировать более реалистичный образ этого исторического типажа.

Интерес к *историческому дискурсу* в отечественной и зарубежной лингвистике и жанрологии обуславливается отсутствием единой дефиниции и классификации рассматриваемого дискурсивного типа. Текстуальным базисом исторического дискурса служат концептуально связанные разножанровые исторические тексты, посвященные описанию прошлого и подчиненные

принципам научной рациональности [Barthes 1993: 163; Миньяр-Белоручева 2016: 65]. *Исторический* или *историко-культурный дискурс* представляет собой диалогичный процесс смыслообразования путем передачи вербализованных фактов во времени от адресанта к абстрактному потенциальному адресату – читателю [Успенский 2011: 108-109]. К числу функций исторического дискурса относят: выстраивание научной коммуникации и формирование исторической реальности [Лубский 2014: 94-95]; вербализацию, реконструкцию и хранение объективных фактов о прошлом [Дука 2005: 170]; письменную фиксацию и интерпретацию событий прошлого, основываясь на индивидуально-авторских и идеологически обусловленных установках [Coffin 2009: XIII; Modigliani 2013: 91, 142].

Исторический дискурс разделяют на несколько типов: первичный (первоисточники) / вторичный, прототипичный / индивидуально-авторский, нарративный / аналитический, научно-исторический / художественно-исторический [Миньяр-Белоручева 2015: 11-12]. В рамках настоящего исследования интерес вызывает научно-исторический тип дискурса, который является вторичным и индивидуально-авторским, сочетая в себе элементы нарративности и аналитичности. Вторичный исторический дискурс включает репрезентацию, интерпретацию и оценку исторических или историософских первоисточников. Индивидуально-авторский подтип дискурса содержит результат когнитивной деятельности историка, а также опыт саморефлексии и сопереживания изучаемым историческим событиям.

Для описания особенностей научно-исторического дискурса и дальнейшего проведения лингвоаксиологического анализа средств переоценки феномена *chevalier médiéval* был сформирован корпус теоретических трудов по истории и медиевистике, авторами которых являются виднейшие отечественные и зарубежные ученые XX-XXI вв. Список основных персоналий ученых с уточнением официального научного статуса, сфер исследовательских интересов и использованных трудов представлен в Приложении №4. Корпус включает научные труды, относящиеся к двум основным жанрам научного дискурса: монография и статья. Ввиду наличия в современной жанрологии различных классификаций жанров научного текста, статьи и монографии относим к научным академическим первичным письменным текстам [Карасик 2002], научно-теоретическим,

вербализующим новое знание [Чернявская 2010]. Исследуемые фрагменты научно-исторического дискурса посвящены:

- особенностям средневекового социального строя и рыцарскому сословию (Ю.Л. Бессмертный, Е.В. Гутнова, К. Иванов, Л.П. Репина, Н.А. Хачатурян, О.Г. Эксле, F. Icher);
- культуре и ментальности рыцарства (А.Я. Гуревич, О.А. Добиащ-Рождественская, М.В. Заковоротная, К.С. Носов, Д.Э. Харитонович, А.Л. Ястребицкая, G. Duby, J. Flori, J. Le Goff, J. Marty-Dufaut);
- феодализму и средневековой войне (Ш. Макглинн, Е.В. Монусова, Н.А. Селунская, M. Aurell, M. Bloch, E. Bourassin, L. Vissière);
- этике, морали и идеологии (М.П. Оссовская, А.А. Хлевов, D. Barthélemy, S. Brouquet, D. Lett, M. Zink);
- религии и Крестовым походам (С.И. Лучицкая, G. Martinez-Gros);
- общетеоретическим и методологическим аспектам исторической науки (А.В. Вестфальская, О.Г. Дука, А.В. Лубский, А.П. Миньяр-Белоручева, Д. Тош, Х. Уайт, F. Guizot, G. Thuillier, J. Tulard, P. Veyne, D. Modigliani).

Считаем обоснованным признать данных ученых представителями *научной элиты* [Чернявская 2011: 67-68], так как они внесли значительный вклад в развитие исторического знания за последние десятилетия: они получили международное признание в широких научных кругах, являются основоположниками научных школ и актуальных парадигм, авторами научной, энциклопедической и учебной литературы, отличаются новаторским подходом к изучаемой области знания. Теоретические труды перечисленных авторитетных ученых являются показательным примером научно-исторического дискурса.

Научно-исторический дискурс – сверхтекстуальное единство, которое состоит из тематически родственных текстов различных жанров, посвященных описанию и осмыслению исторического прошлого и отвечающих критериям научности. Сверхтекстовый подход, по мнению З.Н. Волковой, наиболее обосновано применять именно на материале исторических документов [Волкова 2016: 59]. Понятие *сверхтекст* всесторонне описано в отечественных трудах [Купина, Битенская 1994; Меднис 2003; Лошаков 2008; Шурупова 2012; Волкова 2016]. В широком понимании, сверхтекст представляет собой культурный

феномен, отражающий подлинные смыслы языковых реалий, а через них – менталитет и лингвокультурное сознание. В более узком, лингвистическом понимании, свертхтекст включает текстовые единицы, обладающие смысло-содержательной, целевой и кодовой (языковой) общностью. Согласимся с мнением О.С. Шуруповой в том, что анализ свертхтекстовых образований позволяет выявить индивидуальные, национальные и культурные особенности на материале фактов языка [Шурупова 2012: 225]. Изучаемый дискурс органически интегрирует черты *научного дискурса*, который определяют как:

- 1) средство письменной коммуникации субъектов научной деятельности с применением научного функционального стиля [Котюрова 2010: 11-12];
- 2) совокупность текстов, представляющих новое научное знание «как результат познавательной деятельности» [Чернявская 2010: 25];
- 3) продукт «интертекстуального диалогического взаимодействия, сочетающего в себе элементы научного спора и познавательного диалога» [Должич, Попова 2012: 19].

При дискурсивном подходе научный текст следует анализировать в совокупности с ментальными, когнитивными и прагматическими авторскими установками. Тексты, репрезентующие научный дискурс, обладают устойчивыми характеристиками:

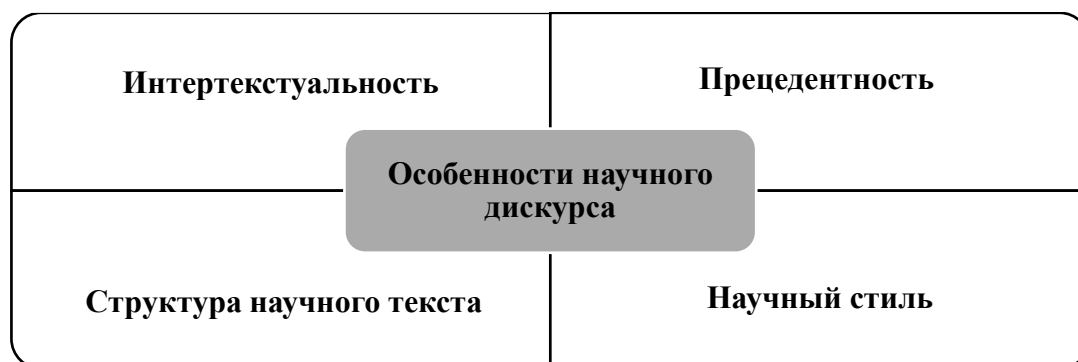


Рис. 1. Характеристики научного типа дискурса

1. *Интертекстуальность* – главный принцип образования текста и смысла в научной коммуникации [Чернявская 2009: 203; Должич, Попова 2012: 12]. Интертекстуальность определяет диалогичный характер и смысло-содержательную открытость любого научного текста, неотъемлемым элементом которого являются маркеры упоминания предшествующих текстов (цитаты, косвенная речь, фоновые ссылки, примечания, сноски). Требование диалогичности научного текста

определяется тем, что выступающее в качестве референта научное знание носит интерсубъективный характер. Знание имеет множественного автора, принадлежит в равной степени всем исследователям в данной области, а также нуждается в доказательстве, аргументации и обосновании.

2. *Прецедентность* – употребление прецедентных феноменов («автосемантических» единиц) для ссылки на значимую и потенциально известную для субъекта информацию [Баженова 2010: 32]. Например, законы, теории, гипотезы и термины, упоминания которых без дополнительных определений достаточно для актуализации всей полноты связанных знаний. Семантическая компрессия содержания общеизвестного понятия обычно предпринимается на базе имени автора: *гипотеза Сепира-Уорфа, генеративная грамматика Хомского, Соссюровский структурализм*. Аккумулируемая в прецедентной единице информация настолько самозначима, что обычно не сопровождается дополнительной библиографической ссылкой на конкретный источник. Прецедентные единицы, как средство аргументации, повышают доказательность, компетентность и убедительность вторичного авторского текста в связи с прагматической категорией авторитетности [Должич, Попова 2012: 83].

3. *Структура научного текста* отличается устойчивостью, которая проявляется в наличии обязательных элементов – «композиционно-прагматических сегментов» – характеристика темы исследования, история вопроса, постановка целей и задач, формулировка проблемы, выдвижение гипотезы, доказательство или описание эксперимента, выводы и научный прогноз [Чернявская 2010: 97].

4. *Научный стиль* текстового изложения характеризуют такие черты, как объективность, доказательность, логическая непротиворечивость, некатегоричность (открытость для полемики и контраргументации) [Там же: 22]. «Надындивидуальное» и «типовое» в когнитивной деятельности занимает приоритетное место и создает четкие рамки для проявления речевой индивидуальности и креативности ученого [Чернявская 2011: 13, 25].

Научно-исторический дискурс, наряду с перечисленными общенаучными характеристиками, обладает и специфическими особенностями, что связано с рядом фактов. С одной стороны, историческая наука – это воссоздание событий человеческого прошлого, основанное на принципе рациональности и анализе

аутентичных источников. С другой стороны, в современной философии науки общепризнана зависимость процесса и результатов исследования от таких факторов, как научные парадигмы и тенденции, особенности социально-культурной среды, системы ценностей, мировоззренческих установок [Порус 2018: 35]. Изучая моральную ответственность историка, французские теоретики исторической науки Г. Тюилье (THUILLIER Guy, 1932-2019) и Ж. Тюлард (TULARD Jean, род. 1933) пишут о субъективности научной деятельности: «l'historien ne peut pas s'éliminer du jeu, il est piégé par son histoire personnelle : le choix du sujet, la discipline reflètent le tempérament, la passion <...> il est guidé par le plaisir, l'intuition⁵» [Thuillier, Tulard 1995: 9].

Таким образом, субъектные элементы выражаются в научном дискурсе в выборе темы исследования, индивидуальных речевых особенностях, личном жизненном контексте, увлечениях, ценностных и идеологических ориентациях. Исторический научный текст не только содержит описание фактов, но и отражает оценку исторических событий, авторскую позицию, научные интересы и концепции, близкие ученому-историку [Рянская, Яковлева 2019: 74].

Научный статус истории ставится под сомнение ввиду невозможности провести эксперимент или верификацию. Виднейший французский историк XIX в. Ф. Гизо (GUIZOT François, 1787-1874) причисляет к историческим фактам материальные источники (документы, акты, хроники) и факты моральные и индивидуальные (менталитет, системы ценностей, поверья) чья локализация и анализ затруднительны [Guizot 1870: 8-9]. Радикальной позиции придерживается французский историк-археолог П.-М. Вейн (VEYNE Paul-Marie, род. 1930): «l'histoire n'a pas de méthode [...] elle n'explique rien du tout <...> l'histoire n'est pas une science: les historiens racontent des événements vrais qui ont l'homme pour acteur ; l'histoire est un roman vrai⁶» [Veyne 1978: 9-10]. Отрицая наличие методологической базы или экспланаторного потенциала, ученый относит историю к литературной художественной деятельности, а не к научному знанию.

⁵ Историк не может выйти из игры, он оказывается в ловушке личной истории: выбор темы и дисциплины отражают темперамент, пристрастия <...> он направляется увлечениями, интуицией.

⁶ У истории нет методологии <...> она ничего не объясняет <...> история – это не наука: историки рассказывают о реальных событиях, в которых люди являются актерами; история – это правдивый (реальный) роман.

Полагаем, что научно-исторический дискурс сочетает изучение объективных фактов о прошлом (*res gestae* – совокупность событий) с авторской реконструкцией, субъективной, творческой интерпретацией информации о прошлом (*historia rerum gestarum* – нарративизация событий, повествование) [Успенский 1996: 10]. Историческое знание основывается одновременно на научной дедукции, доказательности, воображении и литературном творчестве [Уайт 2002: 12]. Выявим ключевые особенности научно-исторического дискурса.

1. Научно-исторический дискурс отражает индивидуальные когнитивные установки и личный (научный, бытовой) опыт автора [Миньяр-Белоручева 2015: 12, Minyar-Beloroucheva 2016: 65]. Движущей креативной силой для создания научно-исторического текста являются конфликты, противоречия и нерешенные проблемы, существующие в релевантной для автора группе. Историк А.Я. Гуревич [2005: 532] пишет в послесловии к программному труду французского медиевиста Ж. Ле Гоффа (LE GOFF Jacques, 1924-2014) «Цивилизация средневекового запада»: «проблемы истории диктует исследователю современность; <...> историк задает прошлому те вопросы, которые существенны для современности и задавание которых дает возможность завязать с людьми другой эпохи продуктивный диалог». Обоснованными представляются положения о том, что различия в интерпретации научных фактов зависят от опыта и убеждений [Ястребицкая 1995: 6], а также от государственно-политического, социально-экономического, культурно-семиотического контекстов деятельности ученого [Успенский 1996: 10].

Аксиологическая перспектива научно-исторического дискурса играет существенную роль. Выдвинутая в 1980-х гг. идея отечественного лингвиста И.Р. Гальперина о *нулевой* модальности научного текста [Гальперин 2007: 115], т.е. его абсолютной объективности, не разделяется в современной дискурсивной лингвистике, определяющей модальность научного текста, как *субъективную* [Чернявская 2010: 63; Данилевская 2010: 32; Рянская, Яковлева 2019: 73]. Напротив, превалирует положение Б.А. Успенского [1995: 9-10] о множественности *точек зрения* авторов-повествователей.

Автор исторического текста не остается беспристрастным наблюдателем или обозревателем прошлого (*observateur impartial et immuable*) [Baczko 2016: 21-22]; напротив, он предстает в роли активного творящего субъекта, создающего

ценности и приписывающего их феноменам прошлого, иными словами, в роли изобретателя прошлого (*l'inventeur du passé*) [Modigliani 2013: 146]. Именно на идеологическом и оценочном уровнях проявляется различие авторских точек зрения (позиций) в отношении восприятия объекта исследования и вербальной фиксации результатов когнитивной деятельности [Успенский 1995: 19].

Приписывание ценностей и интерпретативная деятельность основываются как на методологических принципах и научных достижениях, так и на личных авторских амбициях, вкусах, увлечениях, творческих установках [Thuillier, Tulard 1995: 5, 15]. Приравнивая историческую науку к аксиологической истории (*histoire axiologique*), т.е. к исследованию отношения к ценностям (*rapport aux valeurs*), П. Вейн разделяет материал истории на ценностный факт (*fait-valeur*) и документальный факт (*fait-document*) [Veyne 1978: 72-73, 94].

2. Важнейшая ценностно-методологическая установка при создании научно-исторического дискурса сформулирована американским историком Д. Лоуэнталем (LOWENTHAL David, 1923-2018) – *past is a foreign country (прошлое – чужая страна)* [Лоуэнталь 2004]. Ученый подчеркивает, что при анализе исторических феноменов важно иметь в виду два противопоставленных принципа.

С одной стороны, интерпретация исторических фактов всегда основывается на проспективных знаниях, ценностях и взглядах, присущих эпохе автора, а также на современных открытиях. Человеческая психология обуславливает тот факт, что исследователь неминуемо рассматривает объект «через современные очки», пользуясь привычными и понятными ему категориями, убеждениями и научными достижениями [Там же: 12-13]. Это объясняет явления переоценки событий и переписывания истории, которая «подстраивается под вновь утвердившиеся идеи» [Маркова 2018: 64]. Описывая собственные методологические привычки, французский историк-медиевист Ж. Дюби (DUBY Georges, 1919-1996) подчеркивает важность противоречий и воззрений современной эпохи, которые позволяют избавить исследование от рутины (*train-train*), нейтральной и тусклой истории (*histoire neutre, terne*) [Duby 2010: 240].

Так, ученые пересматривают современные представления о Средневековье, приписывая им следующие негативные оценки: *caricatures* (карикатуры), *déformations* (искажения), *regard faussé* (извращенный взгляд), *images erronées*

(ошибочные картины), *mythes* (мифы), *idées reçues* (устоявшиеся идеи), *clichés contradictoires* (противоречивые клише), *tableau illusoire* (иллюзорное изображение) [Le vrai visage du Moyen Âge 2017: 5-6]; *декорации, искаженные представления, предрассудки* [Гуревич 1984: 5]. Историки настаивают на необходимости *избавить облик Средневековья от отражений, созданных нашим собственным [современным] зеркалом*⁷; *разграничить два противоположных архетипа, легенды по очернению и легенды по восхвалению*⁸.

С другой стороны, обращение к отдаленным во времени и пространстве событиям, инаковость культуры прошлого требуют абстрагироваться от собственной аксиологической системы и проводить исследование через призму ценностей и идеологий изучаемого исторического феномена. Принцип *отчуждения прошлого от настоящего* [Успенский 1996: 21] является фундаментальным для исторического исследования. Таким образом, практикующий историк выступает в роли «переводчика в диалоге прошлого и настоящего» [Уваров 2015: 46].

Изучить другую эпоху – значит воспринимать как отправную точку ее собственные категории и ценности, а не «навязывать ей наши» [Гуревич 1984: 6; Тош 2000: 15-16; Icher 2000: 9-10]. Следование данному принципу позволяет избежать анахронизма и увеличивает объективность и релевантность полученных результатов.

Исторический подтип научного дискурса в наибольшей степени отличается релятивностью, т.е. принятием относительности и изменчивости теорий и результатов исследований. Невозможность достижения абсолютной исторической истины приводит к допущению множественности ракурсов исследования и индивидуальных интерпретаций [Миньяр-Белоручева 2014: 13]. Более того, научное знание и истина также отмечены подвижностью и зависимостью от культурных, социально-исторических и ценностных факторов. Таким образом, плюрализм суждений в рамках научно-исторического дискурса обосновывает частотные для исторической науки явление переоценки исторических фактов.

⁷ *Débarrasser le visage du Moyen Âge des reflets projetés par notre propre miroir* [Le vrai visage du Moyen Âge 2017: 7].

⁸ *Tenter de le détacher de ses deux légendes contradictoires, la légende noire et la légende dorée* [Brouquet 2017: 9].

3. Научно-исторический дискурс отличается высокой степенью нарративности. *Нарративный поворот* в современной общенаучной парадигме заключается в понимании необходимости повествовательной формы в научном дискурсе [Троцук 2004: 56]. В теоретических трудах тексты научно-исторического дискурсивного типа квалифицируют литературными и философскими терминами: роман, произведение искусства [Veyne 1978], рассказ, миф [Modigliani 2013], нарратив-сочинение, литературный текст [Дука 2005], ключ к пониманию мира [Тош 2000], беллетризация фактов [Уайт 2002]. Изучая особенности истории как текста и как деятельности, Г. Тюилье и Ж. Тюлард сравнивают автора научно-исторического дискурса с представителями творческих профессий: писателем-романистом, журналистом, эссеистом, социологом и режиссером (*le romancier, le journaliste, l'essayiste, le sociologue ou le metteur en scène*) [Thuillier, Tulard 1991: 4].

К характерным стилистическим чертам научно-исторического дискурса относят метафоричность, лиризм, символизм [Barthes 1993: 170], риторическое, литературное и поэтическое описание [Уайт 2002: 7], создание сюжетного и драматизированного повествования [Дука 2005: 170], тропологичность, проявление сфер чувств и сверхчувственного [Бражников 2011: 6]. Техника «нарративизации исторического исследования» [Троцук 2004: 65] направлена на переосмысление и реконструкцию исторических событий доступным для современного адресата способом и свидетельствует о трансляции индивидуально-авторской картины мира.

4. Исторический текст, кроме научной (объяснительной) и изобразительной (художественной) функций также выполняет роль воздействия на читателя. Социальная, культурно-историческая и политическая среда определяет содержание научно-исторического текста, который, в то же время, оказывает влияние на современное автору общественное развитие. Персуазивные средства влияют на систему ценностей читателя и организуют новое пространство понимания [Minyar-Beloroucheva 2016: 66]. Исходя из сказанного, к коммуникативным целям научно-исторического дискурса отнесены вербализация и доказательство нового знания, рефлексия над историческими феноменами, а также воздействие на систему знаний и ценностей читателя посредством тактик аргументации и формирования оценки [Плехова 2016: 102]. Оценочный компонент является неотъемлемым элементом научно-исторического типа дискурса.

3.2. Способы выражения оценки в научно-историческом дискурсе

Изучение истории всегда сопровождается поиском и закреплением самоидентичности, анализом и устранением ошибок предшествующих поколений, духовным обогащением. Иными словами, автор научно-исторического текста, по мере исследования, подвергает реконструкции изучаемый фрагмент исторической действительности [Лоуэнталь 2004: 16]. Современная лингвоаксиологическая парадигма показывает, что исследователь-гуманитарий не может оставаться беспристрастным наблюдателем. В этой связи происходит *лингвистический поворот* в исторической науке, который состоит в осознании конструирующей роли языка и текстовой интерпретации в производстве исторического дискурса [Теория и методология исторической науки 2014: 245]. Современная постмодернистская парадигма истории признает ключевую роль языка, рассматриваемого не как средство отражения истории, а как инструмент *языкового конструирования истории* [Миньяр-Белоручева 2014: 13].

Коммуникативная личность ученого включает различные идеологические установки, научные стремления и амбиции, уверенность в правильности избранного направления изучения. Все это находит свое вербальное воплощение в *экспрессивно-эмоционально-оценочных лингвистических средствах* (оценках, мнениях) [Миньяр-Белоручева, Вестфальская 2010: 18]. Оценочное мнение является вербальным результатом когнитивной деятельности субъекта познания и содержит оценку изучаемого явления [Гибатова 2011: 14-15]. Среди видов оценки в научно-историческом дискурсе представлены *эксплицитная оценка* (наиболее вариативная по форме индивидуально-авторская структура вербального оценивания) и *имплицитная оценка* (интертекстуальные референции с эмоционально-оценочным потенциалом) [Миньяр-Белоручева, Вестфальская 2010: 14-16]. По результатам анализа научно-исторического дискурса, посвященного средневековому европейскому рыцарству, среди *эксплицитных оценок* выделяются следующие формы:

1. Атрибутивные словосочетания, аксиологический потенциал которых выражается в употреблении оценочных имен прилагательных:

- *Все они, заявившие себя политической энергией, воинственной доблестью, рыцарскими качествами, умели завязывать выгодные брачные связи и дипломатические сношения* [Добиаш-Рождественская 1987: 205];
- *Légende dorée et légende noire s'entrelacent ainsi pour former un tableau paradoxal, et totalement illusoire* [Le vrai visage du Moyen Âge 2017: 5-6] – легенда по очернению и легенда по восхвалению переплетаются, чтобы создать парадоксальную и абсолютно иллюзорную картину;

2. Имена существительные качественной семантики – слова с ярким коннотативным компонентом в семантической структуре (часто эвфемизм и дисфемизм). В данном случае субъективно-ценностная номинация актуализируется через денотативное / сигнификативное значение единицы языка [Томберг 2019: 27]:

- *Тысячи рыцарей и солдат, в одночасье превратившиеся в бриганды – мародеров и бандитов с большой дороги* [Монусова 2010: 155];
- *Tyrannie et anarchie ont souvent été associées au Moyen Age* [Brouquet 2017: 71] – тирания и анархия часто ассоциировались с Средневековьем;

Вторая форма выражения оценки – *имплицитные оценочные конструкции*. Субъективная модальность научно-исторического текста находит выражение именно через интертекстуальные ссылки – оценки и интерпретации мнения другого исследователя [Рянская, Яковлева 2019: 73]. Употребление элементов чужой (замещенной) речи для описания объекта в терминологии Б.А. Успенского [1995: 31] соответствует *фразеологическому плану* выражения точки зрения.

Синтез интертекстуальных связей позволяет восстановить личную научную картотеку исследователя и определить его научные приоритеты. В результате контент-анализа библиографических затекстовых и постраничных списков был составлен перечень наиболее частотных ссылок.

Чаще других использованы ссылки на известнейших медиевистов, основоположников современных парадигм исторической науки: французского историка-социолога, одного основателей школы *Анналов* и *Новой исторической науки* М. Блока (BLOCH Marc, 1886-1944), французского медиевиста, ярчайшего представителя этих школ Ж. Ле Гоффа и французского академика, специалиста по средневековой ментальности Ж. Дюби. Так как данные ученые являются представителями сложившейся в исторической науке эпистемы, ссылки на их труды транслируют актуальные методологические установки: рассмотрение *человека во времени*, принцип антропоцентризма, герменевтический и

аксиологический подходы к объекту. В частности, подчеркивается значительность работы М. Блока для всей мировой исторической науки: «Je suis sûr que si, pendant un temps, en France, l'histoire de la société médiévale s'est placée à l'avant-garde de la recherche historique, ce fut grâce à lui⁹» [Duby 2008: 183].

Кроме того, в большинстве трудов, посвященных социальным и культурным вопросам Средневековья, выявлены прямые, косвенные или фоновые ссылки на ставшие классическими работы Й. Хейзинга (HUIZINGA Johan, 1872-1945). Нидерландский медиевист и философ является наиболее известным популяризатором средневековой европейской культуры. В получивших мировое признание научно-популярных трудах *Осень Средневековья* (*Herfsttij der Middeleeuwen*, 1919) и *Homo Ludens* (*Человек играющий*, 1938).

Наряду с этим, частотными являются ссылки на труды французского исследователя социальной и политической истории Д. Бартелеми (BARTHÉLEMY Dominique, род. 1953), итальянского медиевиста Ф. Кардини (CARDINI Franco, род. 1940), немецкого специалиста по раннему Средневековью К.-Ф. Вернера (WERNER Karl-Ferdinand, 1924-2008), французского историка ментальностей Ж. Флори (FLORI Jean, 1936-2018). Кроме выдержек из трудов историков в текстах представлены упоминания литературоведческих и текстологических исследований таких ученых, как М. Зинк (ZINK Michel, род. 1945), Ж. Батани (BATANY Jean, 1928-2012), Ж. Фраппье (FRAPPIER Jean, 1900-1974) и П. Зюмтора (ZUMTHOR Paul, 1915-1995).

Отечественная медиевистика начинает исследования истории западноевропейского Средневековья с середины XIX в. [Селезнев 2008: 49]. В корпусе советских и российских текстов научно-исторического дискурса частотность показали ссылки на медиевистов, членов-корреспондентов и научных сотрудников различных отделений Российской Академии Наук (ИВИ РАН, бывшего ИИ АН СССР). В частности, цитируют академика Е.А. Косминского (1886-1959) и его выдающихся учеников – создателя историко-антропологического направления российской науки А.Я. Гуревича (1924-2006) и профессора Е.В. Гутнову (1914-1992); академика С.С. Аверинцева (1937-2004), профессора

⁹ Я уверен, что на некоторое время во Франции история средневекового общества заняла лидирующую позицию в исторических исследованиях именно благодаря ему.

Ю.Л. Бессмертного (1923-2000), историографа О.Л. Вайнштейна (1894-1980), а также О.А. Добиаш-Рождественскую (1874-1939) – первую в России женщину-магистра всеобщей истории.

Составив список наиболее частотных источников интертекстуальных связей, переходит к *имплицитным оценочным конструкциям* [Чернявская 2009: 200-216; Должич, Попова 2012: 50-82]:

1. Цитаты – дословная передача фрагмента другого текста, ограниченная пунктуационной маркировкой и оснащенная точной ссылкой на источник. Данный вид интертекстуальной ссылки позволяет поддержать доказательную аргументацию ученого и продемонстрировать совпадение позиции или иные отношения между мнениями нескольких авторов. При этом цитата может сопровождаться оценочно-интерпретирующими ремарками [Чернявская 2011: 96]:

- Справедливыми кажутся слова немецкого медиевиста Арно Борста, писавшего <...>: «Неправда ли, что рыцарство, таким образом, является лишь словесным обозначением и игрой воображения, созданием художественной фантазии, лишенным реальной почвы и реальных очертаний?» [Лучицкая 2004: 19];
- Pour F. Cardini, la chevalerie est « le résultat peut-être le plus ambigu, mais également le plus remarquable sur le plan éthique et culturel de ce dilemme », celui qui confronte le christianisme, « fondamentalement une religion de paix » à la guerre [Aurell 2011: 7] – для Ф. Кардини рыцарство – это «вероятно самый неоднозначный, но также и самый значительный результат этой дилеммы в эстетическом и этическом плане», который противопоставляет христианство, «по сути религию мира» войне;

2. Косвенная речь – аналитический способ референции содержания другого текста. Трансформации на уровне содержания и использованной лексики сопровождаются переосмыслением, оценкой и переформулировкой позиции другого, а также описанием ценности его личности и научного статуса. Модификации могут быть как снижены до практически дословного переложения, так и иметь предельно обобщенный вид:

- К сходным выводам пришел ученик Ж. Дюби, крупнейший исследователь истории рыцарства Жан Флори. <...> Обширные лингвистические исследования Жана Флори привели его к выводам, что <...> к концу XII в. рыцарство выходит из тени: в «песнях о деяниях» оно представлено как единое в социальном и юридическом плане сословие [Лучицкая 2004: 11];
- Ces jeunes chevaliers se déplacent beaucoup. Ils vont d'une cour à l'autre, changent d'équipe d'une saison à l'autre pour les tournois. L'archétype popularisé pour nous par un admirable livre de Georges Duby [Barthélemy 2017: 103] – юные рыцари

много переезжают. Они ездят по дворам, каждый сезон меняют турнирную команду. Архетип, которой сделал популярным Жорж Дюби в своей восхитительной книге;

3. Фоновые ссылки – указание на когнитивно преобразованную обобщенную идею или позицию. Данный текстопорождающий прием представляет собой наиболее скрытые аллюзии и реминисценции, т.е. соотнесение нового текста с некоторым прецедентным текстом [Жеребило 2010: 11]. Фоновые ссылки могут включать имя собственное, указание на профессию и происхождение, предикат, выражающий когнитивное действие, и оценочные суждения:

- Зачинателем коренного пересмотра этих тезисов Блока выступил Ж. Дюби, признанный глава современной французской медиевистики [Бессмертный 1984: 53];
- Он [данный очерк] знакомит с результатами и материалами исследований средневековой культуры крупнейшими современными учеными как зарубежными (Марк Блок, Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Филипп Ариес), так и российскими (А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин, Ю.Л. Бессмертный), работы которых заложили основы нового, социокультурного направления изучения западноевропейского Средневековья — так называемой новой исторической науки или исторической антропологии [Ястребицкая 1994: 48];
- Cette vision d'un déclin de la chevalerie, très influencée par le grand historien que fut J. Huizinga, n'est plus acceptable aujourd'hui [Flori 2015: 106] – такое видение заката рыцарства, на которое оказал влияние великий историк Й. Хейзинга, сегодня больше не приемлемо;

Среди фоновых референций выделяются отсылки к научному сообществу в целом, чья деятельность подвергается оценке или критике:

- Свою задачу многие историки видели в иллюстрировании тезисов исторического материализма, а вовсе не в том, чтобы добывать объективное новое знание живой истории. Теоретические схемы, которыми руководствовались историки, отличались узостью и односторонностью [Гуревич 2005: 530-531];
- Nuancer l'enthousiasme de certains de ses passionnés, qui n'y voient que mystères et fantaisies, n'est pas seulement la marotte de médiévistes perdus dans le dédale d'archives poussiéreuses ou d'archéologues attentifs à la moindre parcelle de terre [Brouquet 2017: 170] – поубавить энтузиазм увлекшихся (фанатиков), которые видят только загадки и фантазии, это не просто хобби медиевистов, затерявшихся в лабиринте запылившихся архивов или археологов, одержимых мельчайшим земельным участком.

В то же время, объектом критики становятся не только труды других ученых, но и собственные исследования. Авторы обосновывают методологические сложности своей работы, формулируя *самокритичное суждение*:

- При попытке дать четкие дефиниции мы сталкиваемся с проблемой неоднозначности и сложности самого понятия «рыцарство» [Лучицкая 2004: 7];
- *Mais l'état des textes, plus encore l'insuffisante acuité de nos méthodes de recherches bornent nos ambitions* [Bloch 1994: 115-116] – однако состояние текстов, а также недостаточная разработанность наших исследовательских методов ограничивают наши амбиции;

В состав фоновых ссылок входят ссылки на *прецедентные феномены*, представляющие в сжатой форме концепты, разработанные в более ранних трудах:

- *Будь щедр, будь благороден в обхождении: щедрость и благородство – два крыла, поддерживающие рыцарскую удаль* [Иванов 2017: 21].

Поясним, что объектом фоновой ссылки является средневековый прецедентный феномен, представленный в средневековом *Романе о Крыльях* (*Le Roman des Ailes*). В данном произведении автор использует аллегорию двух крыльев для описания двух составных аксиологических категорий концепта *куртуазия*;

- *L'élite militaire que représentent les chevaliers se façonne une idéologie exaltée par les romans qui prônent les valeurs chevaleresques, notamment ceux de Chrétien de Troyes avec le mythe des chevaliers de la Table ronde*¹⁰ [Marty-Dufaut 2014: 11]. В данном случае роль прецедентного феномена выполняет такой концепт средневековой культуры, как братство рыцарей Круглого стола.

Фоновые ссылки, включающие прецедентные феномены, сопровождаются оценочными суждениями о логичности / избыточности, убедительности / необоснованности, правоте / ошибочности другого автора:

- *Этот «кодекс рыцарской чести» Леон Готье, конечно же, придуман, четко сформулированного свода правила поведения рыцаря мы в источниках не обнаружим* [Лучицкая 2004: 18];
- *Мы можем, конечно по тем или иным предложениям назвать явление «вотчинно-манориальной» или «феодо-манориальной» структурой, но и это не позволит преодолеть их несовершенство* [Хачатурян 2007: 12];
- *Cette thèse mutationniste a fait récemment l'objet de quelques critiques parfois fondées, souvent excessives* [Flori 2015: 8] – данная «мутационнистская» теория подверглась в последнее время некоторой критике, иногда обоснованной, часто чрезмерной.

Анализ контекстуальных средств аргументации в научно-историческом тексте также позволил выявить стратегию *подкрепления авторитетом*

¹⁰ Рыцарство, представляющее военную элиту, формирует идеологию, вдохновленную романами, которые воспевают рыцарские ценности, с частности – миф о рыцарях Круглого стола в романах Кретьена де Труа.

доказательной базы историка. Приведем аргументы к *эпистемическому авторитету* (признанному специалисту) [Ивин 2006: 100]:

- Самый, пожалуй, известный теоретик рыцарства чистокровный нидерландец Йозеф Хейзинга куда более скептичен. <...> Что ж, не станем оспаривать великих [Монусова 2010: 4].

Демонстрация авторитетности базируется, с одной стороны, на объективных характеристиках (сфера научных интересов и национальность), и с другой – на оценочных суждениях (суперлатив и мелиоративный эпитет). Позиция классика истории Средневековья представлена, как абсолютно верная и не подлежащая сомнению или опровержению.

Внутренняя текстовая диалогичность передает ценностную позицию автора через употребление *вопросительных конструкций*, выполняющих в научном тексте контактоустанавливающую и активизирующую функции. Вопросы актуализируют проблемную ситуацию, выражают критику и адресность одновременно [Должич, Попова 2012: 34-35], а также представляют собой способ пригласить читателя к диалогу и разделить точку зрения автора [Рянская, Яковлева 2019: 77]:

- *Нет больше на свете сказочной страны, в которой мужественные и благородные рыцари бились не на жизнь, а на смерть, начертав на своем знамени единственное слово – честь. Да и существовала ли она?* [Монусова 2010: 3];
- *Comment souffrir que l'histoire puisse s'effacer devant les historiens ?* [Bloch 1994: 16-17] – как пережить, что история может стереться перед лицом историка?;
- *Était-ce antinomique de la chevalerie ? Ou bien est-ce nous qui en jugeons ainsi?* [Flori 1998: 360] – являлось ли это противоречием для рыцарства? Или это наше личное суждение?

В научно-историческом дискурсе представлены *вопросы со снятой риторической функцией*, предполагающие обратную реплику автора, в которой формулируется исследовательская задача или позиция:

- *Способны ли мы понять прошлое, не навязывая ему своего видения, диктуемого нашим собственной средой и эпохой? По-видимому, на этот вопрос приходится дать отрицательный ответ* [Гуревич 1984: 18];
- *Они [рыцари] защитили Запад, но кто теперь защитит его от этих защитников? Кто, если не кто-нибудь из той же рыцарской среды? Так и случилось благодаря рождению рыцарской этики* [Репина 1995: 71];
- *Les « modernes » ont tendance à y voir une incompatibilité avec l'idéal chevaleresque. Mais était-ce bien le cas dans les esprits du temps ? On peut en douter* [Flori 2015: 181] – «современники» склонны видеть противоречивость в рыцарском

идеале. Но является ли данный взгляд актуальным для той эпохи? В этом стоит усомниться.

Оценка часто имеет форму *наставления*, которое выражает или продвигает собственный исследовательский принцип. В нижеследующих примерах наиболее ярко демонстрируется отход от научного функционального стиля и силлогических текстовых структур, которые обычно характеризуют научный тип дискурса. Вместо этого авторы употребляют лозунги, стилистические тропы и философские максимы. С формальной стороны, наставления включают императивное наклонение, безличные глагольные конструкции и предикаты аналитической деятельности:

- Добиться сочетания анализа массовых феноменов с анализом индивидуального поведения людей разного статуса – вот один из первых императивов подлинного современного исследования [Бессмертный 1996: 12];
- Нужно «снять» в рыцарском эпосе «официальный» пласт и попробовать проникнуть в его «подсознание» [Гуревич 2007: 342];
- Il ne faut pas se laisser abuser par les textes [Flori 2015: 57] – не следует позволять текстам обманывать себя;
- Un livre d'histoire doit donner faim. Entendez : faim d'apprendre et surtout de chercher [Bloch 1994: 16-17] – книга по истории должна пробуждать желание. А именно, желание узнавать и особенно – изучать.

Наконец, оценочная семантика была выявлена на *паратекстовом уровне* в названиях научно-исторических трудов. Современные филологи солидарны в особой коммуникативно-прагматической роли компонентов паратекста, в чьи функции входит: создание структурно-смыслового единства и завершенности текста, структурирование содержания, стимул к чтению основного текста, подготовка читателя к определенной коммуникативной ситуации и авторской «первичной рефлексии по поводу создаваемого им текста» [Викулова 2001: 6; Касавин 2008: 199]. Аксиологическая семантика выражается в следующих заглавиях научно-исторических трудов, посвященных феномену рыцарства:

- Феодализм? перед судом? историков? («Сеньория и вассалитет простолудинов») [Селунская 2008];
- La mutation de l'an mil, a-t-elle eu lieu?: Servage et chevalerie dans la France des Xe et XIe siècles [Barthélemy 1997] – мутация тысячного года, была ли она? Служение и рыцарство во Франции X и XI веков;
- Idées fausses et réalités du Moyen Âge. Du mythe aux dernières données historique [Brouquet 2017] – Ложные идеи и реальность Средневековья. От мифов к последним историческим данным;

- Странное счастье рыцаря [Бессмертный 2002];
- Mâle Moyen Age. De l'amour et autres essais [Duby 2010] – Мужское Средневековье. О любви и другие труды.

Аксиологический потенциал паратекста выражается в использовании риторических вопросов, формулирующих оценочно-критический взгляд автора и указывающих на сомнения относительно феноменов, укрепившихся в науке. Существительные качественной семантики с выраженным коннотативным компонентом подчеркивают иллюзорность, аморальность или упадок средневековой культуры. Наконец, атрибутивные конструкции с оценочной семантикой выражают установки автора на формулирование образа Средневековья.

Итак, научно-исторический дискурс понимается как индивидуально-авторская творческая интерпретация исторических событий, основанная на принципах логики научного исследования. Ставится вопрос о переоценке средневекового рыцарства в современных теоретических трудах. Несовпадение аксиологического содержания концепта *рыцарь* в средневековых и современных текстах очевидно.

Классический «чосеровский» образ рыцаря вызывает у современных историков основательный скептицизм ввиду того, что портрет честного и учтвого рыцаря не вписывается в контекст феодальных войн, свирепых набегов и изнурительных походов. Предпосылкой аксиологического несовпадения в структуре концепта *рыцарь* может являться национально-историческая релятивность, внутренняя противоречивость лингвокультурного типажа. На примере исторической персоналии Столетней войны Эдуарда Вудстока (Черный принц) демонстрируется моральная неоднозначность средневекового рыцаря [Marty-Dufaut 2014: 106]. Для англичан он представлял собой положительный образ: *Il incarnait l'esprit courtois* (он воплощал куртуазный дух); напротив, французы относят его к порицаемым героям: *il pillait, rançonnait, prélevait des impôts* (он грабил, шантажировал, насаждал налоги).

Таким образом, встает вопрос о релятивности и полифонии мнений относительно понятия *chevalier médiéval* и соответствующих ценностей. Интерес вызывает изучение средств переоценки рассматриваемого лингвокультурного концепта в современном научно-историческом дискурсе.

3.3. Семантико-аксиологическая эволюция образа *chevalier* в современном научно-историческом дискурсе

3.3.1. Вариативность дефиниций понятия *chevalier médiéval*

Дефиниция или определение объема значения понятия представляет собой языковую форму выражения познанного объекта и является ключевым этапом когнитивной деятельности по познанию и оцениванию изучаемого феномена. Вербальное определение понятия формально служит для описания существенных признаков денотата и выявления его отношения к другим предметам и явлениям. В то же время, эпистемическая функция языка, которая направлена на сохранение и передачу исторически накопленного знания, наиболее экономно выражается в терминах и их дефинициях.

Анализ дефиниций понятия *chevalier médiéval* в научно-историческом дискурсе показал, что данный феномен не обладает важным свойством терминов – содержательной точностью, которая выражается в возможности сформулировать четкое определение [Гринев-Гриневиц 2008: 27]. Содержание понятия призвано отражать релевантные свойства предмета наименования и должно иметь «однозначное определение» [Сулейманова, Лукошус 2018: 67]. В то же время, российский специалист в области терминоведения В.А. Татаринов отвергает однозначность и *моносемантизацию*, как отличительные признаки термина, считая, что вариативность определения указывает на глубокое, многоаспектное изучение феномена, а также отражает эволюционно-поступательное движение научной области. Для выражения неопределенности содержания понятия введен термин *амбисемия* – варьирование объема семантики ввиду использования слова многими учеными и научными школами в разных экстралингвистических условиях с различными научными и индивидуальными целями [Татаринов 2006: 15].

Дефиниции находят свое наиболее четкое отражение в лексикографических описаниях, а также в научных текстах. Однако научно-исторический тип дискурса, обладающий рядом ненаучных черт, лишь изредка содержит формализованные определения. На основе синтеза научных трудов по терминоведению и лексической семантике [Горский, Ивин, Никифоров 1991; Комарова 1991; Лейчик 2007; Гришечкина 2011] было выявлено разнообразие типов дефиниции на примере понятия *рыцарь / chevalier*:

- *родовидовая (классическая, гиперо-гипонимическая) дефиниция* – определение референта через введение интегральной родовой категории денотата и выявление его дифференциальных видовых признаков: *привилегированная верхушка свободных, связанная с сеньором лишь вассальными обязательствами* [Репина 1995: 57]; *un groupe aristocratique combattant à cheval selon la technique de la lance couchée* (аристократическая группа конных воинов, использующих технику копейного боя) [Aurell 2011: 7]; *un guerrier du seigneur qui combat à cheval* (конный воин сеньора) [Icher 2000: 83];

- *семантическая (описательная, денотативная) дефиниция* – дескриптивное определение референта через приведение сем – определяющих семантических компонентов значения: *те, кто исполняют вассальную службу и ожидают земельных пожалований* [Лучицкая 2004: 11];

- *синонимическая дефиниция* – перечисление синонимов: *noble corporation, guerriers d'élite, corporation élitiste, confrérie nobiliaire* (знатная группа, элитные воины, элитарная группа, знатное братство) [Flori 2015].

- *релятивная дефиниция* – определение через соотношение с близкими / противоположными понятиями: *les compagnons d'armes des puissants, des princes et des rois* (соратники по оружию знати, принцев и королей) [Icher 2000: 83];

Термин *рыцарство (chevalerie)* отличается явной амбисемией. Отечественные и западные историки приходят к согласию относительно сложности определения рыцарства и приписывают ему следующие оценки:

1. Многогранность: *многозначность, многочисленные вариации, полисеманτικότητα, connotations diverses* (различные коннотации), *images multiformes* (многогранный образ), *institution complexe* (сложный институт), *notion double* (двусмысленный термин), *polyvalence* (многофункциональность), *quelque chose de très composite* (нечто сложносоставное);

2. Неопределенность: *поверхностная копия, сумма предшествующих восприятий, сумятица смыслов, qu'on serait bien en peine de définir très précisément* (нечто сложное для четкого определения);

3. Иллюзорность: *грандиозная мистификация, игра воображения, некий флер, chevalerie mythique, idéalisée* (мифическое, идеализированное рыцарство), *cruelle et touchante caricature* (жестокая и трогательная карикатура);

4. Отсутствие понятия, фиктивность: метафора, очень далекая от реального, словесное обозначение, создание художественной фантазии, лишенное реальной почвы и реальных очертаний, *absence d'un «vrai» titre* (отсутствие реального титула), *doux rêve* (нежная мечта).

В ходе анализа корпуса научно-исторического дискурса был выявлен особый метод определения понятия *рыцарь* через релятивное определение – описание его места в классификации социальных ролей в средневековом обществе. В феодальном социуме статус и происхождение являлись определяющими чертами человека в большей степени, чем профессия, богатство или личные достижения [Flori 1998: 294]. С 90-х гг. XX в. отечественные медиевисты моделируют схожие стратификации аристократического военного сословия Средневековья, в которых рыцарский класс занимает низшее положение:

- король > крупные феодалы (князья, графы) > средние феодалы (бароны или шателены) > влиятельные рыцари (*milites*) > мелкие бедные рыцари-одноштитники [Гутнова 1992: 266];
- король > герцоги и графы > бароны > рыцарство [Хлевов 2008: 96];
- *primi milites* (знатные рыцари = рыцари-баннереты) > *milites gregarii* (рядовые рыцари = рыцари башельеры или рыцари-бакалавры) > *milites plebei* (рыцари-простолюдины = одноштитные рыцари) [Монусова 2010: 25];
- *domini* (графы, герцоги, князья) > *seniores* (простые сеньоры и бароны) > *miles* (рыцари = мелкие землевладельцы) [Репина 1995: 51].

Приведенные оценки понятия *рыцарь* в комплексе указывают на то, что изучаемый социокультурный феномен отличается высокой степенью размытости, абстракции и субъективности восприятия. Иными словами, в современной медиевистике отсутствует общепринятая позиция относительно этого культурного концепта. Поэтому сопоставительный анализ фрагментов корпуса научно-исторического дискурса, посвященных понятию *chevalier médiéval*, позволил выявить 4 общих подхода к данному феномену в сообществе историков.

1. Рыцарство как закрытая социальная группа, определяемая происхождением и статусом

Наиболее традиционным в медиевистике считается признание рыцарей представителями закрытого привилегированного класса знати. В трудах

виднейших отечественных (Ю.Л. Бессмертный, Е.В. Гутнова, Л.П. Репина, Н.А. Хачатурян) и зарубежных (M. Aurell, M. Bloch, D. Barthélemy, J. Flori) ученых выявлена синонимия *chevalerie* (рыцарство) = *noblesse* (знать, дворянство). Для класса рыцарства также используются следующие номинации:

- содержащие указание на классовое значение: *особая группа, социальная категория, рыцарский «класс», особый социальный статус, сословие, une caste* (каста), *un corps* (страта), *un ordre, un ordo* (класс, сословие);
- содержащие указание на представителей привилегированного класса: *правящий слой, высший слой, привилегированный статус, доминирующий феодальный класс, «цвет мира», des guerriers d'élite* (элитные воины), *une corporation élitiste* (элитарное братство);
- содержащие указание на благородную генеалогию: *потомственные дворяне, благородство, светская знать, длинная родословная, наследственное дворянство, ensemble des familles d'ascendance royale* (совокупность семей королевского происхождения), *jeunes hommes bien nés* (юноши с хорошей родословной), *ancêtres nobles* (знатные предки).

В числе аргументов в пользу кастового характера института рыцарства наиболее авторитетные историки конца XX в. [Bloch 1971: 74; Гуревич 1984: 156; Репина 1995: 57] указывали передачу рыцарского звания от отца к сыну, обязательное употребление лексемы *miles* в родовых именах всех членов семьи и наличие юридических привилегий. Наряду с этим, в более поздних франкоязычных трудах, посвященных рыцарскому сообществу [Duby 2008: 17; Flori 2015: 37], на первом месте стоит значимость военных подвигов предшественников для социального престижа рыцарей и смещение акцента на такие этические и культурные аспекты, как награды, звания, почет.

Приобретение статуса рыцаря в значительной степени определялось родословной. Однако анализ научно-исторического дискурса позволил выявить нюансы значений и даже противоположные взгляды на рыцарство как устойчивый наследуемый социальный статус.

Во-первых, теоретик феодализма М. Блок воспринимает рыцарство как гетерогенную группу, включающую представителей разнообразных, иногда полярных групп. Так, согласно тексту *Règle du Temple* (устав ордена Тамплиеров о

требуемом поведении, начало XII в.), в рядах ордена наряду с благородными рыцарями-братьями, носившими белые мантии (*blancs mantiaus*) значились и сержанты, оруженосцы, невоенная прислуга, носившие отличительные коричневые или черные плащи (*robes noires*) [Bloch 1971: 74]. Российская специалист по истории рыцарских орденов и Крестовых походов Е.В. Монусова [2010: 25] выявляет схожие практики в Тевтонском ордене, где рыцарский титул жаловался не по происхождению, а за воинские качества. В число рыцарей также входила группа так называемых *несвободных министриалов*, которые не имели ни полной свободы, ни высокого происхождения, и потому принимались в рыцарское сословие в качестве *serfs* (подвассальные сервы) по специальному королевскому указу [Бессмертный 1969: 62-63]. В наиболее широком значении понятия *рыцарь*, в данное сословие могли входить богатые / бедные, благородные / безродные, подвассальные / свободные аллодисты, служащие «телохранители» частных отрядов сеньора / воины на государственной службе.

Во-вторых, в изученных трудах выявлены указания на скромное происхождение и бедность большинства представителей рыцарского класса: *представители низшего слоя феодалов* [Гутнова 1992: 266]; *выходцы из крестьян, министриалов, лица, связанные с земельной аристократией лишь маргинальными узами* [Хачатурян 2008: 133]; *une origine humble des milieux chevaleresques* (скромное происхождение рыцарской среды) [Flori 1998: 67]; *affaire de service, d'allure domestique* (занятия для домашней прислуги) [Duby 2008: 22]; *plus proche du garçon d'écurie que du noble* (скорее юноша с конюшни, чем дворянин) [Flori 2015: 19].

В-третьих, советские и российские медиевисты XX в. Л.П. Репина (род. 1947) и Е.В. Гутнова подчеркивают ценность материально-финансового благосостояния рыцарства. С одной стороны, для достойного обладания статусом *chevalier*, мужчина должен обеспечить себя дорогим снаряжением и обмундированием, а также обладать личным феодем или аллодом, что сближало рыцаря с дворянством [Гутнова 1992: 267; Репина 1995: 57]. С другой стороны, служба в рядах частной конницы приносила заработок, вследствие чего воины стремились войти в ряды *escorte* и получить рыцарский статус для обеспечения средств к существованию. Итак, следует сделать промежуточный вывод о том, что

современные историки приходят к согласию относительно признания рыцарства в качестве замкнутого военного социального класса. В то же время, представлены разные позиции относительно обязательности или факультативности знатного происхождения.

2. Рыцарство как социопрофессиональная группа, определяемая занятиями и обязанностями

Вторая распространенная позиция относительно понятия *chevalier médiéval* в изученном корпусе текстов научно-исторического дискурса рассматривает рыцарство как профессию. Дифференциальным признаком выступает военная деятельность, на что указывают, в первую очередь, латинские наименования рыцарей, используемые в эпоху Раннего Средневековья носителями романских языков: *bellātor* (*bellatores*) – воин, солдат, боец; *cabalarius* – наездник, конный воин; *mīlēs* (*milites*) – солдат армии, служащий.

Наряду с этим, подавляющее большинство авторов сформированного корпуса подчеркивают узкотехнический профессиональный аспект рыцарского статуса и используют номинации, которые содержат семему *воин*: *военно-служилая прослойка, тяжелая кавалерия, конный воин, солдат, военно-аристократическое сословие, главная военная сила, привилегированные воины, профессиональный воин, тяжеловооруженный всадник, военная верхушка, l'ensemble des guerriers* (группа воинов), *le soldat* (солдат), *le bras armé de la féodalité* (вооруженная рука феодализма), *les militaires à cheval* (военные кавалерии), *le combattant professionnel* (профессиональный боец). В совокупности приведенных номинаций рыцарство представлено как профессиональная корпорация конных воинов, обладающих высоким социальным статусом.

Большинство современных медиевистов России и Запада единогласно признают неотъемлемыми атрибутами рыцаря собственную лошадь и конное мастерство (Л.П. Репина, М. Bloch, F. Icher, J. Marty-Dufaut); особый метод ведения сражения, который предполагает копейную атаку с последующим ударом мечом (А. Хлезов, М. Aurell); наличие оружейных атрибутов и экипировки (С.В. Жарков, Л.П. Репина, М. Bloch, J. Marty-Dufaut). Напротив, Ж. Флори [Flori 2015: 19] выражает противоположное мнение и утверждает, что военная экипировка и наличие боевого оружия были не абсолютным атрибутом рыцарей, а весьма

нечастым явлением. Кроме этого, обладание конем и владение конными техниками также ставится под сомнение, так как рыцари обучались как конному, так и пешему бою.

Рыцарь также мог выполнять невоенные функции, в числе которых – участие в вооруженных группах и бандах, оборона городских, сельских или церковных земель и имущества, охрана незащищенного населения. Во французских историографических исследованиях рыцарству приписывают исполнение сервильных обязанностей в роли *hommes de main* [Flori 1998: 35]. В переводе данная номинация указывает на пособника, приспешника, слугу, а также головореза и наемника. Представитель российской научной элиты Ю.Л. Бессмертный [1969: 68-69] причисляет к частому роду деятельности бесфьефных или обедневших рыцарей (*milites peregrinu*) странствия в поисках боевой славы или удачной партии. Зачастую младшие сыновья знатных родов, не получившие наследственных земель, были вынуждены собираться в группы *vavassors* и искать возможности обогатиться, приобрести земли и статус, в том числе участвуя в Крестовых походах и в турнирах.

Резюмируя взгляды на профессиональную принадлежность рыцарства, заключаем, что рыцарь выполнял широкий круг обязанностей, которые были связаны не только с активной военной службой в кавалерии. Рыцарь также выполнял оборонительные функции охраны, участвовал в административном и церковном управлении, выполнял роль подручного, подмастерья и даже наемного слуги.

3. Рыцарство как элемент ментальности, предполагающий морально-поведенческий императив

Одной из наиболее актуальных и активно развивающихся направлений исторической науки является образованная во Франции в первой половине XX в. школа *Анналов* (*École des Annales*). Ученые, входящие в эту школу, включая ее основателей (L. Febvre, M. Bloch), а также современных французских (Ph. Ariès, G. Duby, J. Le Goff,) и отечественных (Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич, А.Л. Ястребицкая) историков, являются приверженцами междисциплинарной и культурно-ориентированной *парадигмы*, которая находит выражение в *социальной истории* и *истории ментальностей* [Уваров 2015: 41, 46]. Основным

исследовательским принципом данного направления являлось изучение *ментальных феноменов* (образы для подражания, элементы поведения, привычки, культурные ценности, «автоматизмы сознания», сложившиеся в общественной группе) как наиболее адекватного предмета для фрагментарной реконструкции исторической действительности [Ястребицкая 1995: 10; Эксле 2007: 32-34].

В рамках данной парадигмы рыцарство – это особый элемент средневековой ментальности, который выработан на основе церковной и феодально-аристократической идеологии и предложен воинскому сословию в качестве подражательной модели. Философ М.В. Заковоротная (род. 1969) в труде о средневековой идентичности [1999: [http](http://)] показывает, что средневековая ментальность признавала связь социального статуса и морального облика человека неразрывной. Роль в обществе и предписанное особое поведение определяли сущность личности. Такое восприятие объясняет наличие среди сигнификатов лексем *рыцарь* / *chevalier* указания на (1) ментальные, (2) поведенческие и (3) аксиологические компоненты значения в изучаемом корпусе:

- 1) *ментальность, идеология, особый менталитет, une représentation mentale* (мысленный образ), *une idéologie* (идеология);
- 2) *образ жизни, правила поведения в группе, un code de conduite* (кодекс поведения), *un modus Vivendi* (способ жизни), *une mission* (миссия);
- 3) *групповой дух, un système de valeurs* (ценностная система), *une éthique* (этика), *un idéal* (идеал, модель), *la morale* (мораль).

Средневековая ментальность воплощает ценности, относящиеся к разным категориям: воинские, христианские, элитарные (аристократические), придворные (куртуазные), феодальные. Нами выявлен общественный запрос на подражание конному воину *без страха и упрека* за счет распространения этики и обычаев элиты. На формирование идеологии рыцарства оказывают влияние два общественных института. С одной стороны, стратегия Церкви по христианизации и умиротворению мужского населения и обращения воинов в защитников веры и Церкви. С другой стороны, внутренние движущие силы аристократии, направленные на классовое самосознание и оформление собственной полноценной этики и системы ценностей, противопоставляемой культуре бедных трудящихся слоев.

В то же время, в ряду медиевистов находятся и противники теории рыцарской идеологии. Так, Ж. Флори отрицает наличие у рыцарского класса какой-либо особой, только им присущей этики или системы ценностей [Flori 1998: 290]. Французский теоретик рыцарства приравнивает моральный императив рыцарей к фразеологизму *être c'est paraître* (быть, значить казаться), который повторяется несколько раз. В рыцарей «играют» и «исполняют эту роль», по выражению А.Я. Гуревича, преследуя определенную цель: прославиться, впечатлить зрителей (сеньоров, дам, других рыцарей, простых горожан), чтобы получить вознаграждение и повысить свой социальный статус [Гуревич 1984: 184]. Приведенные доводы позволяют рассматривать рыцарство не как констатирующую модель, объединившую средневековую мораль и особенности ментальности, но и как искусственно созданный феномен.

4. Рыцарство как искусственно созданный концепт

Вопрос о зарождении класса элитных конных воинов на территории средневековой Франции остается дискуссионным. Авторы французского научно-исторического дискурса высказывают несовместимые мнения относительно происхождения средневекового рыцаря. По мнению М. Орелла [Aurell 2011: 8], рыцарство уходит корнями в римскую кавалерию (*equites Romani*). В программном исследовании эволюции рыцарства от древних германцев до Франции XII в., Д. Бартелеми [Barthélemy 2012: 11] показывает связь института рыцарства с германской и норманнской военной аристократией чести. Наиболее нетривиальный подход демонстрирует Ж. Флори [Flori 2015: 5]: он считает, что европейское рыцарство зародилось от кочевых и степных тяжеловооруженных наездников (варваров, скифов, сарматов).

Наряду с генетическими теориями, существует распространенное определение рыцарства как искусственно созданной *идеологемы* – «идеологически детерминированного элемента концепта» [Слышкин 2005: 11]; ключевого понятия ментальности, которое транслировало идеологические системы общества [Матвеева 2010: 119]. Иными словами, рыцарство было элементом той идеологии и ментальности, которую выработали и распространили представители определенных общественных групп. Синтезируя несколько характеристик понятия *идеология*, сформулированных Г.Г. Слышкиным [2005: 10-11], определяем

идеологию как совокупность ценностных ориентаций определенной общественной группы, которые пропагандируются за счет использования суггестивности в дискурсе, состоящем из текстов влиятельных социальных институтов. По результатам анализа было выявлено, что авторство изобретения идеологемы средневекового рыцарства приписывают либо литературным кругам, либо деятельности церковного института.

Благодаря художественному творчеству поэтов, жонглеров и романистов XI-XIII вв. *классическое рыцарство* сформировалось и укрепилось путем «поэтизации, героизации и даже мифологизации» самоотверженного и благородного поведения солдат и придворных [Гуревич 2005: 144-145]. В наиболее актуальных французских исторических трудах [Aurell 2011: 42; Lett 2013: 94; Brouquet 2017: 51] показано, что средневековая литература выполняла функции вербальной формулировки рыцарской этики, правил куртуазности ценностей маскулинного поведения. Отечественная историография добавляет к этому желание создать литературный «льстивый автопортрет» рыцарского класса для подражания [Лучицкая 2004: 19].

Доказывая происхождение концепта *рыцарство* из литературной фикции, профессор С. Бруке (BROUQUET Sophie, род. 1957) в монографии, посвященной развенчанию мифологем о Средневековье [Brouquet 2017: 50], приводит пример прецедентных личностей, чей вклад в формирование рыцарской культуры стал ключевым: франкских правителей Карла Мартелла, Пипина Короткого и Карла Лысого. Историк А.Л. Ястребицкая (1932-2010) упоминает как реальную прецедентную личность античного императора Александра Македонского, так и вымышленного полулегендарного кельтского короля Артура [Ястребицкая 1978: 144]. Ссылка на прецедентные имена способствовала героизации и возвышению рыцарства, приписывая данному классу доблесть и подвиги великих исторических личностей.

В дефиниции рыцаря описательного типа воспроизводится стереотипизированный литературный портрет средневекового всадника: «nobles héros aux armures étincelantes, surgissant de châteaux forts en brandissant des bannières aux couleurs chatoyantes pour se jeter, la lance au poing ou l'épée à la main, au secours

de l'affligé, de la veuve et de l'orphelin¹¹» [Flori 1998: 8]. В приведенном портрете подчеркивается как внешняя элитарность и показная помпезность рыцарства, так и моральный императив смелости и помощи нуждающимся, который воспроизводится во всех литературных произведениях Средневековья.

В то же время, идеализированное описание рыцарства в художественном дискурсе вызывает скепсис, так как благородное и достойное поведение приписывается малообразованному и воинственному сословию. В исследованиях последних лет [Лучицкая 2004: 19; Гуревич 2005: 145-146; Brouquet 2017: 51], посвященных индивидуальным проявлениям и отхождению от нормы, выявлены процедуры художественной интерпретации и моделирования рыцарской культуры: *poétiquement prisme*, *distancier*, *modifier* (корректировать, модифицировать), *effacer la vérité* (стирать правду), *abuser volontiers* (умышленно преувеличивать, злоупотреблять), *hypertrophier* (гипертрофировать, преувеличивать), *façonner*. Приведенные оценки историков свидетельствуют о том, что рыцарская идеология в средневековой художественной литературе формируется с применением стратегий идеализации и героизации. Это создает большую дистанцию между художественным образом рыцаря и реальными прототипами.

Вторая институция, которая внесла значительный вклад в искусственное создание концепта *рыцарство* – Церковь. Рыцарь стал духовным продуктом деятельности христианской идеологии, так как Церковь выработала и распространила систему моральных ценностей и долга (*code déontologique, code de conduite, modèle culturel, modèle de comportement*) [Barthélemy 1997: 239; Aurell 2011: 42; Marty-Dufaut 2014: 7, 10].

Основная морализаторская деятельность Церкви была направлена на то, чтобы умерить воинственность и жестокость мужского населения, а также заручиться поддержкой рыцарства для охраны и защиты церковных земель, собственности и клерикального сословия. Для этого духовенство сформировало и возвысило фигуру рыцаря-монаха – воина Христа (*miles Christi*), который состоит в

¹¹ Благородные герои в сияющих доспехах, вырывающиеся из замков, размахивая мерцающими знаменами, чтобы броситься, с копьем в кулаке или с мечом в руке, на помощь страждущему, вдове и сироте.

рыцарских орденах и участвует в Крестовых походах. Церковь формирует рыцарскую идеологию, которая включает следующие положения:

- психологически подогреть и идейно обосновывать христианскую миссию рыцарства [Репина 1995: 158];
- adoucir et canaliser [Barthélemy 1997: 239] – смягчить и направить в правильное русло воинственность и силу рыцарства;
- humaniser [Marty-Dufaut 2014: 8] – гуманизировать, т.е. очеловечить рыцаря, привить нравственность;
- proposer les manières, détourner de la violence [Aurell 2011: 42] – предложить социально одобряемые манеры поведения для прекращения насилия;

Подводя итоги анализа способов дефиниции понятия *chevalier médiéval* в научно-историческом дискурсе, необходимо подчеркнуть высокую степень амбивалентности термина. Наблюдаются значительные несовпадения в интерпретации рыцарства в научном сообществе, так как историки выделяют различные существенные признаки понятия. Авторы определяют рыцарство, как (1) наследственную социальную группу; (2) социoproфессиональную группу, определяемую общностью деятельности; (3) особый тип средневековой ментальности, особенность поведения; (4) искусственно созданный культурный концепт, продукт деятельности идеологии, транслируемой художественной литературой или институтом Церкви.

Средневековое рыцарство необходимо воспринимать, как комплексный концепт, сложившийся под действием естественных социально-политических, исторических и культурных сил и авторитетных общественных институтов. Вместе с тем, темпоральная дистанция способствует появлению в быденном понимании мифологизированного представления о рыцарской культуре. Ученые видят своей задачей критическую переоценку «наивного» образа средневекового рыцаря и формулирование более точного образа *chevalier médiéval*.

3.3.2. Переоценка образа «рыцарь верный» (*chevalier loyal*)

В средневековом художественном дискурсе архетип *рыцарь верный* наиболее ярко представлен в произведениях жанра героического эпоса и строится на таких базовых концептах, как *феодализм* и *вассалитет*. Под ними в комплексе понимался политический и экономический строй, основанный на принципах вассально-сеньориальных договорных отношений и деления общества на

клерикальное, военно-аристократическое и крестьянско-бюргерское сословия. В данной системе распределения обязанностей и материальных благ наиболее важными аксиологическими категориями являлись преданность своему сеньору, воинская честь, исполнение долга и верность клятве. Однако современные медиевисты апеллируют к критическому пересмотру идиллических представлений о верности и чести, сохранившихся в средневековых текстах.

В первую очередь, переоценке подвергается термин *феодализм* и транслируемые им установки. В середине XX в. Ж. Дюби сформулировал ставшее классическим определение феодализма, как средневекового менталитета (*la Féodalité? Une mentalité médiévale*) [Duby 1958: 765]. Однако в результате значительной исследовательской работы в более современном труде ученый уточняет свою позицию и определяет феодализм, как особенность психологического и душевного мировосприятия, свойственную сословию военной знати [Duby 2008: 71-72]. В одном из наиболее авторитетных русскоязычных теоретических трудов по медиевистике, *Словаре средневековой культуры* [2003: 9], под феодализмом понимается социальная система, основанная на признании прав и обязанностей.

Приведенные дефиниции указывают на полифункциональный подход к феодализму. Современные историки видят в нем не только общественно-политический строй, но и выражение средневековой ментальности, психологии и мировоззрения, которые имеют отношение к социальной группе военной аристократии. Как следствие, критике подвергаются ценностные ориентиры сеньорально-вассальных отношений.

Служение предполагает осознание зависимости, обязанности выполнять определенные функции, добровольно служить в обмен на гарантию взаимной защиты [Icher 2000: 79]. В средневековом художественном дискурсе служба сеньору связывается с абсолютно положительными оценками и представлена, как привилегия. Напротив, французский историк-медиевист, директор Центра исследований средневековой цивилизации М. Орелл (AURELL Martin, род. 1958) связывает вассальную присягу с абсолютной покорностью (*soumission absolue*) и унижительным действием (*acte humiliant*) вследствие военного поражения или насильственного подчинения. В описании вассальной клятвы применены

следующие метафоры: *la bouche amère, l'œil torve et le sourcil froncé*¹² [Aurell 2006: 83-84]. Произнесение клятвы верной службы могло быть не добровольным, а насильственным и позорным актом, вызывающим ненависть к сеньору.

Ограничениям подвергались как имущественные, так и личные права вассала, например, право на свободный брак детей, на завещание имущества, на передачу собственности [Бессмертный 1969: 109-110]. Характер служения также мог отличаться от традиционно принятой военно-оборонительной деятельности. В частности, вассалу могли вменяться постыдные с точки зрения средневековой аксиологической системы крестьянские обязанности: работа в конюшне, уход за конями, чистка оружия сеньора, караул замковой территории и другие хозяйственные работы, выполняемые слугами [Иванов 2017: 18].

Кроме пересмотра содержания понятия *вассальная служба*, в научно-историческом дискурсе большое внимание уделено вопросу верности. В частности, переоценка концепта *fidélité* (*верность*) направлена на анализ противоположных феноменов: предательства (*trahison, déloyauté, infidélité*) и вероломства (*félonie, perfidie*). Антрополог С.И. Лучицкая (род. 1960) в своей статье, посвященной фактам предательства и измены в текстах XII-XIII вв. [Лучицкая 2012: 10, 25], выявляет распространенные отрицательные поступки рыцаря-предателя: нарушение клятвы, отказ от выполнения приказа, оскорбление сеньора, восстание, прелюбодеяние с супругой или родственницами сеньора. Рассматривая случаи предательства в старофранцузских хрониках Крестовых походов XIII в., А.О. Манухина [2011: 79] приписывает номинацию *trotteur* (предатель) и предикат *traïr* (предать) наиболее богатым рыцарям-крестоносцам, которые предавали своих подчиненных для присваивания добычи и трофеев.

Неоспоримо, что в феодальном обществе, основанном на принципах верности клятве и преданности господину, концепту *предательство* приписывали негативные оценки. В средневековом художественном дискурсе [DECT 2014: <http://>] такие номинации-инвективы, как *cōart* (подлец), *felon, desleal* (неверный), *foimentie* (тот, кто не верен своей клятве), *guilëor, trichëor* (изменник, неверный), *parjur* (тот, кто нарушает данную клятву или дает лживое обещание), *träitor* (предатель), отличаются наличием в семантике резко пейоративного оценочного компонента и

¹² С горечью на устах, с угрозой во взгляде и с нахмуренной бровью.

могут быть отнесены к обценной лексике, так как задевали честь и достоинство индивида. Тем не менее, многочисленные виды вассального предательства свидетельствуют о том, что рыцарская неверность, обман и клятвопреступление были распространенным явлением. Таким образом, критическая переоценка содержания понятий *верность* / *предательство* выявляет несоответствие литературного образа верного рыцаря и реальных практик вассальных отношений.

Согласно средневековому мировоззрению, взаимозависимые *отношения сеньора и вассала* основывались на понимании самооценности службы и возможности проявить свои моральные качества в верном служении. Вместе с тем, Ю.Л. Бессмертный [1984: 61-62] выделяет и более прагматичные причины. Среди целей установления вассалитета отмечаются потребность в контроле за растущей массой зависимого населения, установление местной власти, упрочение феодального господства и противодействие королевской власти.

Отмечаются также и материальные интересы вассала. За счет службы высокородному сеньору рыцарь стремился подчинить себе подданных низших сословий, приобрести привилегии и улучшить свое финансовое положение благодаря изъятиям и поборам среди крестьянского населения [Иванов 2017: 155]. Таким образом, личное отношение вассала и сеньора, почтение и верность клятве, – все это уступает место материальной «вещной» стороне: передача земель, содержание и покровительство сеньора приобретают для рыцаря большую ценность, чем чувство долга и преданности боевому командиру, характерные для наиболее ранних форм феодализма [Bloch 1994: 300; Хачатурян 2008: 136].

Историки-медиевисты видят в данном смещении ценностей основную причину регрессии феодального общества. В частности, французский историк Ф. Ишер (ICHER François, род. 1958) полагает, что введение фьефного вознаграждения за службу быстро разрушило братский характер (*caractère fraternel*) вассально-сеньориальных отношений и послужило причиной зарождения алчности и зависти (*source de convoitises et de jalousie*) в рядах рыцарей [Icher 2000: 81]. Переоценка вассальной службы формулируется в применении историками принципа римского права *do ut des* (даю, чтобы ты дал мне) для описания особенностей связи рыцаря и его сюзерена [Оссовская 1987: 419; Словарь средневековой культуры 2003: 133]. Особенность мировосприятия, выраженная

данной фразеологической единицей, противоречит рыцарским нормам щедрости и бескорыстности.

Таким образом, открывается имущественная ценность и личная польза вассально-сюзеренных отношений, которые не демонстрировались открыто в средневековых текстах. В частности, Е.В. Монусова [2010: 25] применяет свойственный армейской среде современный жаргонизм «косить», в значении «уклоняться от рыцарской службы». Среди мужчин, имевших наследственные и финансовые права для рыцарское сословия, часто наблюдались случаи добровольного отказа от звания из-за больших трат и опасности для жизни. Вместо этого, воины предпочитали оставаться оруженосцами, заплатив специальный налог – *écuage*. Данная социальная динамика характерна для многих средневековых правовых институтов, чья концептуальная трансформация отражается в тенденции замещения «сильного семиотического действия» (например, вступление в рыцарский орден) «ослабленным семиотическим действием» (налог, выкуп) [Проскурин, Комкова 2017: 145].

За счет налога сеньор мог собрать группу наемных воинов (*mercenaires*). «Наемники» обычно организовывались в воинственные и мало контролируемые группировки (*Grandes Compagnies*). Такие мужские союзы описывают пейоративной метафорической номинацией *fléau pour les populations rurales* (бедствие, бич, чума для сельского населения), а также социально порицаемой оценкой *pourvoyeur de richesse* (поставщик богатств, т.е. грабитель). Наемные воины отличались воинственностью и склонностью к разбоям, бандитизму и мародерству.

Так как вассальная служба зачастую приносила рыцарю больше урона и трат, чем пользы, в поисках наживы некоторые рыцари покидали феодал и смешивались с бюргерством посредством матримониальных связей. В этом случае, снижение социального статуса компенсировалось улучшением финансового положения, что говорит о смещении ценностных ориентиров. Менее нравственные вассалы прекращали *service de l'ost* (военная повинность на территории владений сюзерена), формировали банды или отряды (*bandes, compagnies*), достигавшие 400 человек и занимались грабежом в городской и сельской среде [Бессмертный 1991: 295; Icher 2000: 189; Duby 2008: 133].

Наконец, М. Блок ввел в теорию средневековой истории термин-неологизм – *chevauchement vassalique* (дублирование, совпадение, совмещение вассалов, т.е. традиция принесения множественных вассальных клятв) [Bloch 1994: 299-300]. Начиная с 895 г. появился обычай плюрального подчинения и смены одного сюзерена на другого. По версии исторических юридических документов, количество сюзеренов могло варьироваться от 2 до 43. Формально, поводом отречения могло служить несоблюдение сеньором своей части обязательств, однако реальной причиной часто являлось желание получать большее материальное вознаграждение. Оценка Ф. Ишером средневекового рыцаря *se vendant au plus offrant* (продающий себя тому, что предложит больше) [Icher 2000: 93] подчеркивает такие негативные аксиологические элементы рыцарского этоса, как алчность и жажда наживы.

Перечисленные примеры переоценки понятий службы и преданности показывают деградацию концепта *верность*. Подытоживая примеры переоценки вассально-сеньюральных отношений, приведем риторический вопрос, сформулированный М. Блоком, в котором выражается критическое переосмысление верности как ценностного ориентира феодального общества: «Une fidélité si flottante, était-ce encore une fidélité ?¹³» [Bloch 1994: 301].

При исследовании средневековых трактатов и художественных текстов XII-XIV веков (*Traité de l'amour courtois*, *Lancelot*, *L'art de chevalerie*, *Le Livre De Chevalerie* и др.), мы выявили, что *классовая солидарность и социальная справедливость* вменялись рыцарству как императивы и являлись основой успешного существования трехчастного общества. Для описания вассально-сеньюральных связей, немецкий медиевист О.Г. Эксле (OEXLE Otto Gerhard, 1939-2016) вводит понятие *conjuratio* – особый тип договорных отношений, основанный на принесении взаимной клятвы и осознании взаимности между равными [Эксле 2003: 15]. В действительности, солидарность и равенство существовали исключительно внутри военно-аристократического сословия. По выражению Ж. Флори, «Le code chevaleresque a été institué *par les chevaliers et pour les chevaliers*¹⁴» [Flori 1998: 362] (курсив J. Flori).

¹³ Столь неустойчивая [непостоянная] верность, является ли верностью до сих пор?

¹⁴ Рыцарский кодекс создан *рыцарями для рыцарей*.

В связи с этим, в научно-историческом дискурсе концепту *justice* (справедливость, правосудие) приписывают негативные оценки. В числе несправедливых действия рыцарства, направленных против представителей других сословий и подчеркивающих социальное неравенство, представлены: *притеснения слабых и безоружных, насилие, обман, налеты на владения, représailles sur les paysans* (репрессии крестьянства), *ravages* (разрушения, опустошения), *exactions* (изъятия), *redevances* (поборы), *taxes* (налоги), *dévastations* (разорения). Номинации рыцарства в отечественных трудах конца XX в. содержат яркие пейоративные коннотации: *корпорация насильников, притеснителей, вероломцев, кровожадных хищных животных* [Репина 1995: 71]; *враги бедняков, слабых и обездоленных* [Гутнова 1992: 288].

Наконец, выявлены оценочные суждения, подчеркивающие отрицательные черты рыцарской этики, связанные с ценностями равенства и справедливости. Отметим совпадение мнений отечественного медиевиста А.Я. Гуревича [1984: 184] и французского историка Ж. Флори [Flori 1998: 361] относительно ограниченности рыцарского морального кодекса аристократическим сословием, которое не включает непривилегированных, пехотинцев (*les piétons ne comptent pas*) или крестьян (*les paysans non plus*).

Критическому пересмотру в научно-историческом дискурсе подвергается и содержание понятия *честь*. В корпусе научно-исторических текстов выявлена характерная структура аргументации через перечисление: рассуждая об аксиологической системе в рыцарском этосе, ученые используют метод перечисления основополагающих ценностей. Анализ проведен на материале 14 текстовых фрагментов отечественных [Ястребицкая 1978; Гутнова 1992; Репина 1995; Бессмертный 2002; Лучицкая 2004; Гуревич 2005; Жарков 2016] и западных [Bourassin 1995; Flori 2009, 2015; Nadot 2010; Aurell 2011; Lett 2013; Marty-Dufaut 2014] трудов историков-медиевистов конца XX – начала XXI вв. Тексты содержат перечни ценностно значимых рыцарских качеств (от 2 до 21 языковой единицы). К числу ценностных характеристик, отличающихся наибольшей устойчивостью, относятся *честь / honneur, учтивость / courtoisie, отвага / courage, щедрость / largesse, вера / foi и верность / fidélité*. По результатам статистического анализа

составлена подробная диаграмма частотности элементов рыцарского морального кодекса, представленная в Приложении №6.

Статистика показывает, что *честь* и связанные с ней ценности (*благородство, благочестие, honneur, honnêteté, respectabilité*) являются наиболее значимыми для реконструкции рыцарской нравственной картины мира. Честь является сословной характеристикой, которая передается по наследству, поэтому каждый в роду обязан преумножать честь и славу линияжа. Для демонстрации клановой ценности чести французский фразеологизм *noblesse oblige* (положение обязывает) используется как историком из Франции Ж. Флори [Flori 1998: 263-264], так и русскими учеными [Лучицкая 2004: 24; Гуревич 2007: 161].

При этом содержание концепта *честь* отличается высокой вариативностью в трудах медиевистов. Так, отечественные ученые уделяют большое внимание славе – озабоченности собственным реноме (*renommée*), важности личного авторитета, репутации и завоеванию внимания общества [Гуревич 1984: 166, 184; Хачатурян 1989: 148; Бессмертный 2002: 69; Лучицкая 2004: 24-25]. Напротив, Д. Бартелеми включает в понятие *честь* такие ценностно значимые элементы, как *avoir en héritage le maximum de terres, de châteaux* (наследственное обладание землями, замками), *d'avantage de propriété que de vertu* (собственность вместо добродетели), *plus de prudence que de hardiesse* (осторожность вместо смелости), *plus de ruse que de courage* (хитрость вместо храбрости), *plus de calcul que d'élégance* (расчет вместо изысканности) [Barthélemy 2012: 136].

Сопоставление приведенных авторских дефиниций понятия *рыцарская честь* позволяет выявить неразрывную связь чести со славой, репутацией и престижем. Соотношение чести с материальными интересами приводит к появлению негативных компонентов в содержании понятия. К наиболее серьезным проявлениям рыцарского бесчестия (*mescheances, pertes, dolours* в терминологии Ю.Л. Бессмертного) отечественный медиевист в труде о рыцарском счастье причисляет клевету, грабеж, лживые клятвы, жестокое обращение с бедняками, сиротами, вдовами и клириками, утрату веры, невоспитанность, публичное осмеяние, трусость и предательство [Бессмертный 2002: 55-58].

Переформулировка содержания понятия *честь* порождает критическое переосмысление особенностей и ценностей *войны*, как основного рода

деятельности феодального рыцарства. В средневековых текстах представлено два типа войн: *феодалная междоусобная война* (*guerre féodale, guerre de châteaux*), транслирующая ценность преданности сеньору, и религиозная *Священная война* (*guerre sainte, guerre juste, croisade*), демонстрирующая такие добродетели, как вера, верность церкви, защита обездоленных, борьба с неверными. Таким образом, война была представлена в церковной и аристократической идеологии, как опасное и почетное занятие, позволяющее проявить рыцарские качества.

Вместе с тем, современные историки видят большое количество несовпадений между представлениями о войне, сохранившимися в текстах, и реалиями. Распространено мнение о необходимости постоянных мелких войн, так как для многочисленной группы воинственных рыцарей установление мирного времени становилось обременительным и склоняло их к праздности. В невоенное время бытовая жизнь представителей рыцарского сословия отличалась, по мнению французских медиевистов, такими чертами, как *une grise monotonie* (серая монотонность) [Bloch 1994: 411], *l'ennui et l'oisiveté* (скука и безделье) [Brouquet 2017: 75].

В этой связи, участие в различного рода боевых действиях выполняло *компенсаторную и рекреативную* функции в жизни рыцарства. Войне дают дефиниции с ярким коннотативным компонентом как отечественные, так и зарубежные историки на протяжении десятилетий исследований: *развлечение* [Ястребицкая 1978: 131], *remède contre l'ennui* (лекарство от скуки) [Bloch 1994: 411], *passion* (страсть, увлечение) [Icher 2000: 93], *plaisir que l'on doit se refuser* (удовольствие, в котором следует себе отказывать) [Duby 2008: 66], *fête cruelle* (жестокий праздник) [Aurell 2015: 18-19]. Таким образом, средневековая война переоценивается с позиции карнавализации ценностей и проявления положительно окрашенной карнавальной (праздничной) культуры [Бахтин 1990; Карасик 2002; Гуревич 2007].

Вместе с этим, отсутствие военных действий приводило к тому, что воины, не имея возможности служить и получать вознаграждение, вынуждены были примыкать к рядам вооруженных банд наемных *mercenaires* и заниматься грабежом и разорением чужих земель по приказу или ради собственной наживы. *Лукративные* цели развязывания и участия в войнах были выявлены медиевистами

еще в конце XX в. [Хачатурян 1989: 120; Гутнова 1992: 287; Ястребицкая 1994: 166; Flori 1998: 358]. Войны позволяли обогатить общественных ресурсов, наполнить государственную или феодальную казну, улучшить личное финансовое положение за счет выкупов (*rançon*) и трофеев (*butin*).

Наряду с пересмотром целеполагания боевых действий, выявлены дополнительные особенности ведения войн. Во-первых, в статье о характерных чертах эпохи феодальных войн Ж. Флори [Flori 1998: 114] подчеркивает стремление избегать смертей (*éviter la lutte à mort*) и минимизировать военные потери (*économiser les pertes*), вследствие чего сражения прекращались на продолжительное время и воины могли не участвовать ни в одной настоящей битве за всю жизнь. Данный подход идет вразрез с принципами чести и демонстрирует приоритет материальных ценностей.

Во-вторых, французский историк XXI в., специалист в области Позднего Средневековья, Л. Висьер (VISSIÈRE Laurent, род. 1971) критикует распространенное мнение о профессиональном мастерстве рыцарства. В статье о проявлениях рыцарской жестокости военные умения характеризуются пейоративными насмешливыми оценками *ridicule* (смехотворный, нелепый) и *caricature* (карикатура, пародия, гротеск) [Vissière 2017: 57]. Литературный образ ловкого, техничного и искусного рыцаря контрастирует с реальным портретом.

В-третьих, критикуются традиционные представления о неукоснительном соблюдении рыцарством правил справедливой и честной войны. В исторической энциклопедии о рыцарстве российский историк-публицист С.В. Жарков [2016: 16] иллюстрирует идею о существовании в Средние века разных видов сражения, ранее высказанную Ж. Флори [Flori 1998: 176, 238]. Так, существовали *сражения равных по статусу* знатных рыцарей-аристократов, специфику которых составляла обязанность соблюдать все правила и ритуалы, а также стремление победить противника, не убив его. Напротив, *смертельная война* велась против неверных и нехристиан и предписывала жестокие пытки и полное уничтожение противника независимо от его пола и возраста. Наконец, введенное Бл. Августином понятие *справедливой войны* (*guerre juste, guerre sainte*) соотносится с миссионерским крестоносным движением *reconquista* и означает отвоевание исконных христианских территорий.

Общепринятые правила боя не всегда соблюдались: было привычным атаковать большой группой более маленькую или даже одиночного воина. Более того, удар в спину, который в современном обществе считается бесчестным и подлым, был позором для жертвы, так как указывал на беглеца. Так как рыцарь не всегда был обязан вести себя справедливо и достойно, ценность честного сражения является релятивной.

Средневековому сражению приписывают негативные оценки: *безжалостная* [Ястребицкая 1978: 131], *n'avait rien d'une guerre en dentelles* (не имела ничего общего с войной в кружевах¹⁵) [Bloch 1994: 415], *razzia* (стремительное вторжение на чужую территорию с целью разграбления и сбора трофеев) [Flori 1998: 114], *n'a de chevaleresque le nom* (только называется рыцарской) [Icher 2000: 97]. Одним из первых о рыцарских преступлениях на войне написал М. Блок [Bloch 1994: 415]: нанесение увечий (*mutilation*), массовые кровопролития (*massacre*). Более современные французские медиевисты впоследствии добавили в этот список рабство (*esclavage*), разрушение (*destruction*) и поджог (*incendie*) городов и деревень [Flori 1998: 114, 356]; опустошение полей (*dévastation*), разграбление городов (*pillages*) [Icher 2000: 97]; «выкуривание» людей при помощи специальных печей (*braisiers*) [Duby 2010: 86-87]. Видим, что случаи недостойного ведения войны и подлости на поле боя ярко иллюстрируются в научно-историческом дискурсе.

В завершении анализа феодально-вассальных ценностей проведено статистическое исследование антиценностей рыцарского этоса, связанных со служебной деятельностью. Выявленная негативная этика находится в глубоком противоречии с идеалом верной службы, преданности сюзерену и защиты интересов мирного населения, которые представлены в героическом эпосе. Например, в труде о языковых средствах выражения отрицательной оценки в средневековых хрониках Крестовых походов [Манухина 2009: 113] приведены такие оценочные существительные отрицательной этической и эмоциональной семантики, как *trahison* (предательство), *blasme* (позор, бесчестье), *honte* (позор, стыд). Феодальные антиценности выявлены в 14 трудах наиболее авторитетных и заслуженных отечественных [Ястребицкая 1978; Гуревич 1984, 2007; Гутнова 1992;

¹⁵ Ренессансная традиция ведения войны, которая предполагает дипломатическое урегулирование конфликтов, вежливое общение с противником и избегание реальных сражений.

Лучицкая 2004] и западных [Bloch 1994; Flori 1998; Icher 2000; Duby 2008, 2010; Aurell 2011; Barthélemy 2012; Lett 2013; Marty-Dufaut 2014] историков-медиевистов. Представленные труды посвящены социокультурным категориям западноевропейского Средневековья, связанным с уникальностью рыцарской этики XI-XV вв. Перечисленные вассальные антиценности были разделены на 4 семантических поля.

1. Семантическое поле *разорение* включает наибольшее количество элементов. Представлены лексемы, имеющие общее семантическое значение взимания денежной или материальной повинности: *барщина*, *оброк*, *поборы*, *разорения*, *réage* (сбор пошлин), *représailles* (репрессии), *rétributions* (уплата). Выявлены словосочетания со значением нанесения ущерба частной собственности, например, урожаю и скоту: *brûler les récoltes* (сжигать урожай), *destruction des récoltes* (уничтожение урожая), *destruction des ressources* (уничтожение ресурсов), *pillage de bétail* (похищение скота), *pillage de récoltes* (похищение урожая); пахотным землям: *destruction des vignes* (уничтожение виноградников), *dévastation des terres* (опустошение земель), *ravage des terres* (разорение земель); недвижимости: *incendier des maisons* (сжигать дома), *destruction des moulins* (уничтожение мельниц).

2. Семантическое поле, объединенное признаком *грабеж*, представлено многочисленными синонимами, которые имеют негативный коннотативный нюанс значения: *отнятие*, *грабеж*, *захват богатств*, *мародерство*, *butin* (награбленные материальные трофеи и рабы), *brigandage* (групповое разбойное нападение), *vol armé* (вооруженное ограбление), *déprédation* (расхищение, разбойное ограбление), *pillage* (массовое мародерство), *rapine* (грабеж, сопровождаемый насилием), *rapt* (похищение человека).

3. Следующее по количественному признаку семантическое поле представлено синонимичным рядом лексем, объединенных гиперонимом *жестокость* с различными оттенками значения: *разбой*, *разнузданность*, *жестокость*, *насилие над женщинами*, *exaction* (бесчинства, жестокое обращение), *brutalité* (грубость, грубая сила), *agression* (агрессия, нападение), *cruauté* (жестокость, злоба), *violence* (жестокость, насилие), *violence masculine* (насильственные действия со стороны мужчины).

4. Наконец, в отдельное семантическое поле объединены лексические средства выражения значения *устрашение*, а именно имена существительные: *угнетение, эксплуатация, intimidation* (запугивание, угрозы, устрашение); глаголы и глагольные конструкции: *terroriser* (запугивать, устрашать), *faire peur* (устрашать); словосочетания: *презрение к бедным, massacre des paysans* (истребление, массовое убийство крестьян), *semer peur et insécurité* (сеять страх и незащищенность).

Итак, по результатам анализа лексического значения средств вербализации военных антиценностей, выявлены отрицательные элементы рыцарской этики. Распространено злоупотребление привилегированным положением и обладанием оружием для реализации поборов и запугивания крестьян, что приводит к обеднению мирного населения. Тактику ведения бесчестной феодальной войны представляет стремление нанести ущерб частной собственности и ресурсам противника для ускорения победы. Обнаружены свидетельства практики мародерства и группового вооруженного разграбления для личного обогащения. Наконец, жестокое обращение применялось не только к боевым противникам, но и в отношении мирного населения, в том числе женщин.

Представленные в средневековом художественном дискурсе феодальные ценности рыцарства, связанные с верностью, преданностью сеньору, честью и долгом, подвергаются критической переоценке в современных медиевистических текстах. В частности, переформулируется содержание понятий *феодализм, вассальная служба, верность, справедливость, честь, война* и ценности, которые ими транслируются. Аргументация историков основана на выявлении феодальных антиценностей и негативных элементов этики рыцарства: предательство, материалистичный подход к службе, злоупотребление положением, бесчестный бой, жажда обогащения и совершение преступлений против мирного населения.

3.3.3. Переоценка образа «рыцарь учтивый» (*chevalier courtois*)

Архетип *рыцарь учтивый* является базовым для таких жанров средневекового художественного дискурса, как куртуазные романы, лэ, шантебафль и малые поэтические формы. Куртуазный, т.е. галантный, воспитанный, обходительный и влюбленный юный всадник является одним из центральных маскулиных лиц персонажных в литературе Средневековья, в связи

с чем образ *chevalier courtois* оказывает значительное влияние на формирование лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*. Для термина *courtoisie* характерна амбисемия, так как репрезентуемое денотативное значение отличается поливалентностью: концепт *куртуазия* отражает придворно-светские, эмоционально-психологические и религиозные ценностные доминанты средневековой ментальности.

Одну из первых дефиниций термина *courtoisie* сформулировал в XVIII в. французский историк и лексикограф Ж.-Б. Ла Кюрн де Сент-Пале (LA CURNE DE SAINTE-PALAYE Jean-Baptiste, 1697-1781) в диссертации об истории рыцарства *Mémoires sur l'ancienne chevalerie* (1753 г.). Историк языка впервые сформулировал научное определение куртуазии, как *школы, обучающей вежливости, свойственной обществу предыдущей эпохи*¹⁶ [La Curne de Sainte-Palaye 1826: 445]. Спустя почти столетие французский писатель и историк Ж.-Ж.-Э. Руа (ROY Just-Jean-Étienne, 1794-1871) посвящает теме культуры рыцарского класса книгу *Histoire de la chevalerie* (1839 г.). В данном труде куртуазия также определяется в терминах обучения и воспитания: *l'éducation donnée au jeune homme* (образование, данное юноше), *destinée à tempérer la rudesse et l'àpreté* (предназначенная усмирять грубость и резкость), *écoles de courtoisie, de politesse et des autres vertus* (школы учтивости, вежливости и других добродетелей) [Roy 1851: 22, 29].

В научно-историческом дискурсе XX-XXI вв., посвященном средневековой придворной культуре, частично продолжается начатая писателями и историками XVIII-XIX вв. традиция рассматривать куртуазию, как *систему воспитания*. В российской исторической науке 1990-х гг. под рыцарской куртуазностью понимается требование безупречного воспитания и поведения [Гутнова 1992: 288]. Уточняя понятие *учтивость* (*curialitas, probitas morum, urbanitas*) для средневековой этики, С.И. Лучицкая [2004: 26] перечисляет составные элементы поведенческого императива аристократа: благородные поведение и образ мыслей, изящные манеры, утонченный вкус и образованность. Среди современных французских историков данной позиции придерживается М. Орелл, который дает куртуазии (*curialitas, cortésie, cortesia, hovescheit*) следующие определения: *la*

¹⁶ *Écoles de courtoisie ou l'on apprenoit la politesse à la mode de ces anciens temps.*

préciosité des manières (прециозность манер), *l'aménité de la conversation* (обходительность в беседе) [Aurell 2011: 39].

Таким образом, акцент смещается с образования в сторону воспитанности и манер. При этом требование учтивого поведения распространяется исключительно на придворную аристократию, о чем свидетельствует С. Бруке в труде последних лет о мифах и реалиях средневековой культуры [Brouquet 2017: 101]. Французский историк подразумевает под куртуазностью *поведенческий идеал и «искусство жизни» рыцаря-аристократа, предполагающие проявление вежливости, утонченных манер, изысканности и чувства чести*¹⁷. В числе сторонников этического восприятия феномена *куртуазность* отечественный историк А.Я. Гуревич [2007: 167] высказывает нетривиальное мнение: куртуазное поведение, включающее любезность, эстетическое чувство и утонченные коммуникативные навыки, является обязательным требованием не только для представителей придворного рыцарства, но и для *Прекрасной дамы* – фемининного лингвокультурного типажа средневекового аристократического социума.

Очевидна причастность к концепции куртуазности женского коллектива, в который входили представительницы высшей аристократии – сеньоры, донны, супруги, дочери или другие родственницы сеньоров, баронов и графов. Переоценка роли женщины в так называемой *куртуазной коллизии* [Бессмертный 1991: 289-290] проявляется в понятиях *куртуазная любовь / amour courtois / fin'amor*. Таким образом, нами выявлено иное восприятие куртуазности, как *особого типа отношений мужчины и женщины* внутри придворного общества, которое противопоставляется другим аналогам любовных отношений и существует исключительно между холостым юным рыцарем и знатной замужней сеньорой.

Тема *fin'amor* является ключевой в научных исследованиях французского историка Ж. Дюби, ученого, ставшего классиком рыцарской куртуазной любви. В монографии *Mâle Moyen Age* (1988 г.) *courtoisie* определяется как модель отношений между мужчиной и женщиной (*modèle de relation entre le féminin et le masculin*) [Duby 2010: 75]. Описывая эту модель, ученый разрабатывает структуру куртуазной любви [Там же: 75-81].

¹⁷ *Un idéal du comportement aristocratique, un art de vivre impliquant la politesse, le raffinement des mœurs, l'élégance et un sens de l'honneur chevaleresque.*

- Участники: *le jeune – la dame – le seigneur*.
- Действия: завоевание Прекрасной дамы посредством демонстрации смелости, и учтивости на турнирах; участие в любовном поединке (*joute amoureux* – сражении между влюбленным рыцарем и сеньорой, стремящейся оставаться безразличной к ухаживаниям).
- Функции: образовательная игра (*jeu éducatif, exercices ludiques*), направленная на развитие у юного рыцаря умеренности, утонченности и преданности; повышение социального статуса посредством самосовершенствования и повышения ценности сословной рыцарской этики; укрепление вассально-сюзеренных связей (*obligations vassaliques*) между рыцарем и сеньором, воспитание сервильных качеств.

Разработанная Ж. Дюби модель куртуазного любовного треугольника приобрела статус доказанной теории и укрепилась в исторической науке. В то же время, аксиологический статус концепта *amour courtois* вызывает разногласия.

С одной стороны, наиболее раннюю негативную оценку куртуазной любви в 1949 г. сформулировал французский медиевист Г. Коэн (COHEN Gustave, 1879-1958), охарактеризовав куртуазность *узаконенной неверностью и бигамией, принятой в обществе* [цит. по: Оссовская 1987: 91]. Критический подход к куртуазности продолжили авторитетные отечественные историки А.Я. Гуревич и Ю.Л. Бессмертный, а также современный французский медиевист Д. Летт (LETT Didier, 1959-). Эти ученые дают куртуазии следующие атрибутивные номинации с пейоративными компонентами значения: *любовь адюльтерная* [Бессмертный 2002: 60]; *любовь незаконная, вне официальной сферы* [Гуревич 2007: 168]; *liaison extraconjugale* (внебрачная связь), *amour adultère* (любовная интрига, супружеская измена) [Lett 2013: 94, 95]. Понимание учтивого поведения, как проявления культа дамы, критикуют также французские медиевисты-женщины. Они показывают, что куртуазия предполагает не столько любование дамой, сколько самолюбование и повышение престижа: вступая в куртуазную игру, рыцарь стремится повысить собственную значимость (*se mettre en valeur*) [Brouquet 2017: 104] и заявить о себе (*se faire connaître*) [Marty-Dufaut 2014: 72].

С другой стороны, в некотором противоречии собственным идеям, Ю.Л. Бессмертный в фелицитологическом (посвященном счастью) исследовании

приписывает понятию *куртуазная любовь* мелиоративные характеристики: *прекрасная любовь, возвышенная любовь* [Бессмертный 2002: 64]. Положительные аксиологические аспекты куртуазности подчеркивают также отечественные историки-женщины – А.Л. Ястребицкая [1995: 361] и С.И. Лучицкая [2004: 25]. В частности, в их трудах феномен рыцарской куртуазности связывается с этическим воспитанием и развитием таких положительных качеств, как выдержка, соблюдение кодекса чести, умение владеть собой, сила, выносливость, дружба, верность в служении даме, желание совершенствоваться. Таким образом, концепция куртуазной любви формирует моральный эталон и поведенческую модель для юных рыцарей, прививая им исконные феодальные ценности: верность, смелость и служение.

Наряду с восприятием куртуазии, как системы воспитания и как особого типа отношений между рыцарем и дамой, термин *courtoisie* рассматривается некоторыми историками, как *идеологический инструмент*, модель учтивого поведения, созданная стараниями клерикального сословия и закрепленная в творчестве писателей и поэтов. Например, в *Словаре средневековой культуры* [2003: 253] куртуазию относят к категориям средневековой литературы, которая распространяет две основные ценности эпохи феодализма: верность и служение. Уже в конце 1980-х гг. Ж. Дюби, высказывая сомнения относительно иллюзорности средневековой куртуазной этики, отмечает: «*les virevoltes de la galanterie ne constituèrent jamais à cette époque qu'un simulacre mondain, un vêtement de parade jeté sur la vérité des attitudes affectives*¹⁸» [Duby 2010: 46]. Во французских исторических трудах последнего десятилетия куртуазия также определяется через термины, подчеркивающие искусственный характер далекого от реалий феномена:

- *une stratégie littéraire, une médiation destinée à apaiser les tensions sociales, les conflits* [Lett 2013: 94] – литературная стратегия, усилие, направленное на умиротворение общественного напряжения и конфликтов;
- *une invention du XII siècle* [Flori 2015: 137] – изобретение XII в.;
- *l'un des clichés d'un Moyen Age imaginaire* [Brouquet 2017: 101] – одно из клише воображаемого Средневековья.

¹⁸ Внезапные проявления галантности в эту эпоху представляют собой всего лишь светскую иллюзию, парадный костюм, наброшенный на реальные эмоциональные проявления.

Распространение куртуазной идеологии в закрытом аристократическом кругу преследовало цель снятия социальной напряженности и закрепление, в первую очередь, маскулинных связей в рамках феодально-вассальных отношений. Видим, что во французском научно-историческом дискурсе формируется теория иллюзорности и искусственности феномена *courtoisie*, которая находит поддержку в научной среде.

Амбисемия значения понятия *куртуазия* настолько значительна, что в корпусе научно-исторического дискурса были выявлены два полярных мнения относительно соотношения базовых для настоящего исследования понятий *рыцарство* (*chevalerie*) / *куртуазность* (*courtoisie*). С одной стороны, в российском теоретическом труде [Словарь средневековой культуры 2003: 253] термины признаются синонимичными. С другой стороны, французский историк М. Орелл противопоставляет данные понятия и считает их несовместимыми: *la chevalerie* является качеством достойного всадника (*bon guerrier et cavalier*) во время войны, в то время, как *la courtoisie* представляет характеристику хорошего придворного (*bon courtisan*) и радушного хозяина (*amphitryon*) в мирное время [Aurell 2011: 320-321].

Итак, по результатам анализа дефиниций терминов *куртуазия* / *courtoisie* и смежных понятий выявлено три определения феномена куртуазности: 1) система обучения в аристократическом классе; 2) специфическая любовная связь между разностатусными придворными мужчиной и женщиной, формирующая моральный эталон рыцаря; 3) искусственно смоделированный топос учтивого поведения, пропагандирующий самоотверженную верность и служение. Синтезируя рассмотренные подходы, приходим к выводу о том, что куртуазный элемент средневековой рыцарской культуры выполнял важную воспитательную функцию в преимущественно маскулинной воинственной среде. Вместе с тем, многозначность терминов *куртуазия* (*куртуазность*) / *courtoisie* (*amour courtois*, *fin'amor*) и множественность индивидуально-авторских интерпретаций данного концепта служат причинами разногласий в рядах историков-медиевистов относительно природы и оценок куртуазной идеологии.

Отечественные и французские ученые не приходят к единому мнению относительно роли женщины и изменения ее статуса в связи с возникновением таких этических феноменов, как куртуазная любовь и культ прекрасной дамы. С

одной стороны, в представленной ранее модели отношений рыцаря и дамы Ж. Дюби эксплицируется доминирующая роль женщины и подчеркивается требование служить и угождать, предъявляемое к мужчине. Данное положение о повышении статуса женщины в средневековом придворном обществе активно поддерживают отечественные женщины-медиевисты. В частности, А.Л. Ястребицкая [1995: 361-362] полагает, что желание принадлежать к привилегированной куртуазной социокультурной группе приводит к уменьшению насилия по отношению к женщинам, повышению опеки над женщиной в черте феода, а также осознанию важности психологического взаимодействия. Валоризация статуса женщины, по мнению С.И. Лучицкой [2004: 25], связана с повышением ценности индивидуальных переживаний, платонической любви и идеала фемининной недоступности.

С другой стороны, теорию социального возвышения женщины в связи с распространением куртуазного культа следует признать маргинальной для современного научно-исторического дискурса. Наибольшее количество медиевистов, исследующих гендерную ситуацию Средневековья, свидетельствуют о существовании маскулинной доминантности, гендерного неравноправия и мизогинии. Для французских медиевистских исследований характерно подчеркивание женоненавистнического поведения в куртуазном средневековом социуме, которому ученые дают следующие оценки:

- *un jeu d'hommes* <...> *marqué de traits parfaitement misogynes* [Duby 2010: 76] – игра мужчин<...>, отличающаяся абсолютно мизогинными чертами;
- *la misogynie médiévale* [Lett 2013: 211] – средневековая мизогиния;
- *le vieux réflexe misogyne* [Brouquet 2017: 103] – старые мизогинные привычки.

Понижение статуса женщины в эпоху куртуазности прослеживается в том, что в трудах начала XXI в. французские ученые употребляют положительные оценки для характеристики маскулинного образа и негативные – для фемининного. В частности, вербальный психологический портрет женщины содержит следующие атрибутивные компоненты оценки: *faible* (слабая), *soumise* (подчиненная), *perverse* (развращенная), *crainte* (боязливая), *méprisée* (презираемая) [Duby 2010: 37, 77]; *indifférente* (бесчувственная), *dangereuse* (опасная) [Brouquet 2017: 103]. Выстраивая антитезу к фемининному портрету, характер мужчины описывается

мелиоративными чертами: *spirituel* (духовный) [Lett 2013: 211] и *supérieur* (возвышенный, превосходный, доминирующий) [Brouquet 2017: 103].

Наконец, медиевист Д. Летт в монографии об истории гендера в Средневековье [Lett 2013: 54, 211] выявляет гендерную дифференциацию добродетелей и пороков. Девальвация женщины происходит через приписывание ей социально и религиозно осуждаемых качеств: *l'hypocrisie* (лицемерие), *la ruse* (хитрость), *la mal maîtrise des émotions* (неконтролируемые эмоции), *la sexualité débridée* (безудержная сексуальность), *les mensonges* (обман), *l'irrationalité* (неразумность). В то же время, валоризация мужчины поддерживается ассоциацией с положительными свойствами: *la sagesse* (мудрость), *la rationalité* (разумность), *la maîtrise de soi* (самоконтроль). Таким образом, ценность любви и служения сеньоре, которая формально представлена в куртуазной литературе, создавшей культ поклонения Прекрасной даме, в действительности социального взаимодействия сосуществует с практиками гендерного неравенства и принижения женщины.

Кроме дискуссии об изменении статуса женщины, исследования феномена *куртуазия* поднимают спорный вопрос о ценностях, эксплицированных в художественном дискурсе, и о реальных имплицитных целях и стремлениях, которые были на самом деле свойственны куртуазному рыцарству. В параграфе 2.1.2 *Языковая репрезентация образа «рыцарь учтивый» (chevalier courtois) в куртуазной поэзии* продемонстрировано, что в произведениях куртуазной литературы транслируются такие базовые куртуазные ценности, как верность, учтивость, вежливость, благородство, подчинение рыцаря даме, совершенствование. Критически переоценивая эти традиционные куртуазные добродетели, вменяемые рыцарству, современные историки выявляют другие ценности куртуазии.

Норма куртуазного поведения предполагает *демонстративную щедрость* (*largesse, générosité*) и иррациональное *показное расточительство* (*dépenses, gaspillage, prodigalité*). Данной теме посвятили исследования отечественные медиевисты XX в. А.Я. Гуревич [1984: 225-227] и А.Л. Ястребицкая [1978: 141]. Историки показывают, что традиция бесконтрольных публичных растрат соответствовала сословной этике и свидетельствовала о возвышении

общественного статуса, престижа и славы. Щедрость напоказ служила маркером принадлежности к знати, презиравшей крестьянскую бедность и позорную бережливость, скупость и расчетливость. В труде о социальных структурах рыцарского общества Ж. Дюби также рассматривает расточительство (*gaspillage*), траты (*dépense*) и роскошь (*luxe*), как семиотические элементы этики щедрости [Duby 2008: 126-127]. Кроме этого, С.И. Лучицкая [2004: 24] выявляет, что показная щедрость высшей аристократии имела экономико-политическую цель – обеспечить верность более мелких рыцарей-вассалов за счет подарков и гостеприимных приемов. Резюмируем валоризацию щедрых растрат, процитируем сформулированную М. Оссовской [1987: 84] максиму: «лучше разориться, чем прослыть скупцом».

Отметим, что публичное расточительство воспринималось, как утонченное искусство траты. Французский классик медиевистики М. Блок одним из первых привел примеры неразумных трат, совершаемых средневековой рыцарской аристократией: «Un chevalier fait semer de piécettes d'argent un terrain, préalablement labouré ; un autre, pour sa cuisine, brûle des cierges ; un troisième, « par jactance », ordonne de brûler vifs trente de ses chevaux¹⁹» [Bloch 1994: 432-433]. Наряду с этими экстравагантными, театрализованными и жестокими проявлениями щедрости, более традиционно было раздавать деньги гостям, одаривать их щедрыми подарками, «пропивать» и «прогуливать» богатство на пирах и турнирах, устраивать богатые гостеприимные праздники. Изучая особенности окситанского рыцарства, М. Орелл показывает, как влияние походов на арабский Восток отражается на зарождении в средневековой Европе тяги к роскоши в еде, одежде, обмундировании и обстановке жилья, а также чувства вкуса в выборе развлечений [Aurell 1996: 108].

Таким образом, с одной стороны, куртуазная этика щедрости поощряет распространение положительных ценностей гостеприимства и великодушия. Однако, с другой стороны, отечественные ученые прошлого столетия [Ястребицкая 1978: 131; Гуревич 1984 225-226] подчеркивают факты компенсации растрат социально порицаемыми действиями. Так, чтобы избежать банкротства и бедности,

¹⁹ Один рыцарь приказал засеять серебрянными монетами предварительно вспаханное поле; другой использовал [дорогие] восковые свечи для приготовления пищи; третий, «из хвастовства», приказал сжечь живьем тридцать своих коней.

представители знати восполняли свои финансовые запасы за счет грабежа, увеличения поборов с крестьянства, вымогательств, и дополнительных штрафов. В итоге, в научно-историческом дискурсе представлена бинарная аксиология куртуазной этики: изобличая жадность и возвышая ценность щедрости, нормы куртуазного поведения позволяли финансовые преступления и притеснения других социальных групп.

Дискуссионным остается положение о требовании *умеренности* / *эмоциональности* в проявлении чувств куртуазным рыцарем, о чем мнения отечественных и зарубежных медиевистов разделились на два лагеря. Французские ученые выступают сторонниками приоритета умеренности: они рассматривают меру (*mesure*), как базовую ценность куртуазной культуры, которая направлена на усмирение юных и импульсивных рыцарей [Duby 2010: 80], а также на валоризацию целомудрия, воздержания, способности противостоять внутренним импульсам и соблазнам [Lett 2013: 49]. Напротив, отечественные медиевисты полагают, что для средневековой маскулинной идентичности характерно открытое проявление чувств, доходящее до театральной демонстративности. Историк Ю.Л. Бессмертный приводит факты повышенной эмоциональности: жаркие объятия, потоки слез, гнев, страх, пристрастие [Бессмертный 1991 287]. В труде о взаимодействии индивида и общества в средневековой Европе А.Я. Гуревич [2005: 146] описывает феодально-куртуазную идентичность: *человек крайностей, эмоционально неуравновешенный*.

В этой связи, медиевисты выделяют еще одну ценностную доминанту куртуазного поведения – *демонстративность*, т.е. стремление выставить напоказ в театрализованной форме свое поведение и чувства. Французский исследователь Ж. Флори признает это отличительной чертой представителя знатного сословия: «le propre du chevalier noble est en effet d'exhiber sa prouesse, d'exercer visiblement sa largesse, de manifester sa courtoisie, de paraître ce qu'il doit être²⁰» [Flori 1998: 264]. Ранее указывалось на требование демонстративно проявлять чувства к даме и щедрость. Однако наиболее удобным инструментом стал придворный рыцарский турнир. Среди разнообразных прикладных целей участия в турнире (заработок,

²⁰ Для знатного рыцаря характерно выставлять на показ свои подвиги, явно демонстрировать свою щедрость, открыто проявлять свою учтивость, казаться тем, кем он должен являться.

тренировка, повышение социального престижа, завоевание дамы), самопрезентация перед представителями элитарного класса имела особую ценность.

Как следствие, в корпусе текстов научно-исторического дискурса выявлена тенденция употребления лексики, относящейся к семантическому полю *театр*, для описания традиций рыцарских турниров: *игра, поставленный на публику спектакль, костюмированные и театрализованные турниры, сценарий и декорации* [Словарь средневековой культуры 2003: 540-542]; *театрализованные представления* [Носов 2004: 14]; *спектакль, зрители, театрализованная функция* [Гуревич 2005: 147]; *les éléments décoratifs* (элементы декораций), *une mise en scène* (постановка, режиссура), *le théâtre* (театр) [Nadot 2010: 10]; *les femmes comme spectatrices* (женщины-зрители), *la parodie* (пародия), *le public* (зрители) [Marty-Dufaut 2014: 31-32].

По данным исторической энциклопедии *Рыцарские турниры* [Носов 2004] как для городского театрализованного представления, так и для рыцарского турнира существовало множество жанров, отличающихся количеством актеров, декорациями, реквизитом: полевая групповая схватка (*mêlée*), копейный поединок (*joute*), судебный поединок правосудия (*gages de bataille*), турнир в боевых доспехах (*à outrance*), турнир с небоевым оружием (*à plaisance*), венгерский костюмированный турнир, инсценировка исторической схватки (*pas d'armes*). Представленные типы рыцарского поединка свидетельствуют о том, что демонстративная и рекреационная функции в действительности превалировали над военной. В нескольких трудах Д. Бартелеми показывает, что куртуазные рыцари выступают в роли актеров на сцене турнирного поля и отличаются большой степенью классового и индивидуального самолюбования (*le narcissisme, la chevalerie narcissique, un système narcissique*) [Barthélemy 1997: 101; 2012: 293, 336]. По мнению исследователей, участие в турнирах принимали не столько ради тренировки, заработка или защиты чести дамы, сколько для демонстрации своих моральных качеств (отваги, уважения, учтивости) ради повышения индивидуального престижа.

В заключение анализа семантико-аксиологической репрезентации образа *chevalier courtois* в современном научно-историческом дискурсе, подчеркнем множественность интерпретаций понятия *куртуазия / courtoisie*, а также отсутствие

единого мнения в отношении аксиологического статуса данного феномена. Маскулинный образ учтивого рыцаря признается одним из центральных элементов лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*. Куртуазия – социокультурный конструкт, присущий этике придворного общества – понимается, как система воспитания и поведения, как новый смоделированный тип отношения между мужчиной и женщиной, наконец, как искусственно созданная модель учтивого поведения, транслируемая клерикальной и художественной литературой.

При этом ценностный статус концепта вызывает у ученых разногласия. Со стороны положительных компонентов оценки выделяют: распространение социально одобряемых характеристик поведения (благородное поведение, изящные прециозные манеры, утонченный вкус, образованность, щедрость); моделирование эталона маскулинного поведения по отношению к даме, предполагающего учтивость и преданность; повышение социального статуса женщины и переоценка ее роли в ключе гуманизма. В то же время, историческая критика формирует негативную этику куртуазности, которая, по мнению ученых, включает мизогинное отношение к женщине и гендерное неравноправие; демонстративность и показное расточительство, что провоцирует совершение социально порицаемых действий в отношении представителей низшего класса.

3.3.4. Переоценка образа «рыцарь-христианин» (*chevalier chrétien*)

Мировая медиевистика неоспоримо признает, что религиозно-церковный компонент является одним из основополагающих элементов средневековой западноевропейской культуры, начиная с раннесредневековой теоцентричной философии и патристики (учения Отцов Церкви), включая схоластическую теологию IX-XIII вв. вплоть до эпохи Ренессанса. Описывая историю средневековых религиозных идей, знаменитый философ-религиовед из Румынии М. Элиаде (ELIADE Mircea, 1907-1986), выявил *символическую схему мироздания*, которая во всем подчинялась Божественному закону [Элиаде 2002: 93-94]. Приведем цитату основоположника французской исторической школы XIX в., Ф. Гизо о роли Церкви в формировании менталитета средневекового человека: «l'histoire du V au XVI siècle; c'est la théologie qui possède et dirige l'esprit humain; <...> les questions

philosophiques, politiques, historiques, sont toujours considérées sous un point de vue théologique²¹» [Guizot 1870: 171-172].

Соотечественники историка, французские медиевисты XX-XXI вв. [Aurell 2011: 7; Barthélemy 2012: 315] также указывают на примат церковной идеологии во всех политических (*la théologie politique*) и морально-духовных (*la morale évangélique, la pacification chrétienne, la mentalité religieuse*) вопросах. В программной монографии М. Блока [Bloch 1994: 149] средневековое общество характеризуется как *peuple de croyants* – народ верующий, народ набожный. Синонимичные оценки религиозного компонента средневековой культуры выявлены и в отечественном научно-историческом дискурсе. В частности, обществу Средневековья приписывают такие черты, как *преобладание религиозных идеологических постулатов* [Гуревич 1984: 38]; «*клерикальный*» *тип цивилизации и религиозную ментальность* [Словарь средневековой культуры 2003: 217, 227]. Авторитетным представляется мнение отечественной медиевиста-палеографа начала XX в. О.А. Добиаш-Рожественской (1874-1939), представленное в труде об эпохе Крестовых походов [Добиаш-Рожественская 2017: 115]: ученый называет именно католическую Церковь, возглавляемую папством, главной политической движущей силой на христианском Западе XI в.

Отечественные и зарубежные историки по-разному отвечают на вопрос о том, каким было влияние религиозного института Церкви на формирование рыцарского сословия и его морального кодекса. Многовекторное воздействие Церкви на класс воюющих выявляет Ж. Флори; на протяжении своей научной деятельности, с конца 1970-х гг., французский медиевист доказывает значительность религиозно-церковного компонента в формировании рыцарской культуры.

Во-первых, экклезиастические писатели формируют и закрепляют *рыцарскую этику (éthique chevaleresque)*, в которой образ рыцаря строится вокруг идеала послушания, подчинения и служения [Flori 2009: 62, 65]. При этом ученый указывает на нюанс церковного идеала рыцарской службы в отличие от модели феодального рыцаря-вассала: «*servir un seigneur par les armes conduit à mettre en*

²¹ В истории V-XVI вв. теология владеет и управляет человеческим разумом; <...> вопросы философии, политики, истории всегда рассматриваются с точки зрения теологии.

péril son âme et son salut, alors que servir le Seigneur par l'épée de la parole de Dieu est au contraire une activité hautement honorable²²» [Там же: 117]. Данное высказывание отличается наличием стилистической фигуры синтаксического параллелизма: подлежащее, выраженное инфинитивом *servir*; прямое дополнение, выраженное именами существительными *un seigneur / le Seigneur*, выражающими разные значения полисемичной лексемы *seigneur*; косвенное дополнение с предлогом *par*, содержащее сему *оружие*; предикативная часть, выражающая антитетичные значения. Этот прием художественной выразительности позволят Ж. Флори подчеркнуть существование двойных стандартов рыцарской этики: девальвируя значение феодальной службы сюзерену, ученый показывает, что использование оружия оправдывалось службой на благо Церкви.

Во-вторых, Ж. Флори описывает клерикальное движение демилитаризации (*démilitarisation*) и сакрализации (*sacralisation*), которое реконструирует образ римского солдата [Flori 1996: 291; 2015: 12]. В милитаризованную феодальную эпоху, в условиях отсутствия централизованного королевского управления и правосудия, Церковь стремилась обеспечить собственную защиту (*assurer sa défense*) и сократить количество беспорядков и преступлений (*limiter les désordres et les méfaits*), совершаемых неконтролируемым самовластным рыцарством. Для этого, по мнению французского медиевиста, предпринята успешная попытка создания новой идеологии *Божьего мира* – *institutions de paix, paix de Dieu (Pax Dei)*, или *trêve de Dieu (Treuga Dei)* [Flori 1998: 180; 2015: 130]. Новый церковный моральный закон предписывал рыцарству принести на мощах Святых клятву: не нападать на церкви, клириков и невооруженное население. Вместе с тем, ученый еще раз подчеркивает лицемерную двойственность ценностей, транслируемых рыцарству: «il s'agirait moins de protection des paysans et des faibles, en tant que classe sociale menacée, que de protection, d'ordre économique, des églises et de leurs biens²³» [Flori 1998: 182].

В-третьих, в наиболее ранних трудах об *освящении* (*cléricalisation*) рыцарского сословия, историк приводит в качестве примера внедрение и

²² Служить сеньору оружием ведет к гибели спасения души, тогда как служить Господу мечом слова Божьего является, напротив, благородным деянием.

²³ Речь идет не столько о защите крестьян и невооруженных, как находящегося под угрозой социального класса, сколько об экономической защите церквей и их имущества.

повсеместное распространение *литургической церемонии посвящения* (*adoubement liturgique*), совершаемой на церковной территории [Flori 1979: 35-36]. Семиотическая эволюция ритуала посвящения демонстрируется в наличии синонимичных глаголу *adouer* предикатов и предикативных конструкций с одинаковым денотативным значением, но со снятой ритуально-церемониальной коннотацией: *armer* (вооружить), *fournir des armes* (предоставить оружие), *équiper* (снарядить), *entrer dans la carrière* (начать карьеру) [Flori 2015 21, 34-35]. Так, институтом Церкви предпринята религиозная интерпретация рыцарского эталона на примере обряда посвящения в рыцари. Движение по христианизации военной аристократии привело к тому, что церемония *adoubement* теряет свои утилитарные формальные функции и приобретает торжественную священную коннотацию.

Таким образом, Ж. Флори формулирует три направления воздействия религиозного института на рыцарское сословие: (1) формирование рыцарской этики, состоящей из христианских ценностных доминант; (2) распространение идей Божьего мира, направленных на умиротворение и сакрализацию воинствующего класса; (3) придание церковно-церемониального характера обряду посвящения в профессиональные воины. Данные утверждения поддерживаются в трудах других специалистов в области рыцарской культуры.

1. Наиболее распространенным в кругах медиевистов является положение об участии религиозного мировоззрения в становлении зрелой рыцарской этики. В частности, еще в 1919 г. в *Осени Средневековья* Й. Хейзинга отмечает *религиозное содержание рыцарского идеала* в XIV-XV вв. [Хейзинга 2011: 164]. Эта идея поддерживается во франкоязычном научно-историческом дискурсе последних десятилетий.

Например, Ж. Дюби [Duby 2008: 69] выявляет этапы формирования модели *la nova militia* – христианизированного рыцарства: закрепление социальных границ (*fixer les contours du corps social*), формирование рыцарского сословия (*constituer la chevalerie en ordo*), создание особой морали (*forger une morale particulière*), возложение обязанностей (*assigner des tâches*); под последними подразумевается защита церкви и прихожан, а также ведение священной войны против неверных. Схожие идеи находим у М. Орелла, который описывает содержание свода законов рыцарского поведения: *ne combattre qu'en service commandé* (воевать только по

призыву), *faire régner l'ordre* (обеспечивать порядок), *protéger les faibles* (защищать слабых), *éviter de se battre entre chrétiens* (избегать сражений с христианами), *ne pas céder à la cruauté* (не поддаваться жестокости), *participer à la croisade* (участвовать в Крестовых походах) [Aurell 2011: 26].

Наряду с этим, французский медиевист Д. Бартелеми свидетельствует о том, что рыцарь, обретая веру и набожность (*la foi religieuse*), не теряет исконно присущее ему воинское тщеславие и гордыню (*l'orgueil guerrier*). Наряду с мелиоративными оценочными эпитетами *courageux* (смелые) и *croyants* (верующие), рыцарству приписываются и пейоративные оценки, несвойственные христианским идеалам: *vaniteux* (тщеславные), *calculateurs* (расчетливые) и *cruels* (жестокие) [Barthélemy 2012: 330]. Ученый критически переоценивает и корректирует идеализированные представления о высоко духовном рыцарстве, следующем законам Церкви.

2. Рассматривая структуру феодализма, М. Блок одним из первых описал влияние *Paix de Dieu* на ремоделирование рыцарского этоса. Медиевист выделил следующие основополагающие ценностные ориентиры новой христианской рыцарской морали [Bloch 1994: 571]:

- *suppression de toutes les violences* (устранение проявлений насилия),
- *sauvegarde spéciale de certaines personnes ou certains objets* (особая охрана некоторых людей и материальных ценностей),
- *interdiction de pénétrer par force dans les églises ou de les piller, de frapper un clerc* (запрет насильственного вторжения, разграбления церквей и физической силы к священнослужителям),
- *interdiction d'enlever aux paysans leur bétail, de détruire un moulin, d'arracher des vignes* (запрет изъятий скота, разрушения мельниц и виноградников),
- *interdiction d'attaquer un homme qui va à l'église ou en revient* (запрет нападать на человека, идущего в или из церкви).

В труде французского историка демонстрируется особая абсолютно негативная идеология (*l'idéologie totalement négative*) [Flori 2009: 142-143], выражающаяся в многократном использовании лексемы *interdiction* с отрицательной семантикой запрета. Новый взгляд на долг и обязанности военного сословия предполагает, что от христианского рыцарства требуется, в первую очередь, не совершать никаких противоправных действий. Таким образом, Божий

мир стремился не столько наделить рыцарство сакральной миссией по защите населения, сколько прекратить бесчинства, которые были ему дозволены ранее.

В отечественном научно-историческом дискурсе влияние идей Божьего мира на рыцарский этос описал А.Я. Гуревич [2005: 147]. Среди целей церковного института медиевист выделяет желание *обуздать воинственность рыцарства*, привлечь данное сословие к защите интересов Церкви. Для того, чтобы *христианизировать* рыцарство, клерикальное сословие совершило переоценку некоторых элементов этики рыцарства. Во-первых, договорная вассально-сюзеренная связь приобретает ритуальную коннотацию и обогащается христианской символикой. Во-вторых, пересматривается аксиологический статус рыцарской агрессии: религиозные деятели переводят осуждаемую ранее воинственность в ранг добродетели крестоносного движения.

3. Наконец, религиовед М. Элиаде пишет о внесении религиозной семиотики в обряд посвящения в рыцари: «христианство попыталось перетолковать и подвергнуть переоценке древние традиции; однако новой религии так и не удалось до конца уничтожить языческое наследие» [Элиаде 2002: 88]. По мнению ученого, в ритуале *adoubement* закрепились такие религиозные элементы, как исповедь, ночные бдения, молитвы, причастие. Добавим к этому перечню благословение меча (*la bénédiction de l'épée*), выделенное М. Блоком в качестве важнейшего религиозного отпечатка (*une empreinte sacrée*) обряда передачи оружия [Bloch 1994: 438]. В одном из последних трудов М. Орелл [Aurell 2011: 22] наглядно показывает символьную связь института рыцарства и Церкви, выстраивая параллель между двумя обрядами: *l'adoubement* (посвящение в рыцари) и *la tonsure* (пострижение или постриг в знак вхождения в монашеский класс). В итоге, отечественный медиевист С.И. Лучицкая [2004: 13] дает обряду новые оценки с религиозными торжественными коннотациями: церемониальный, символический, мистический.

Итогом влияния церковного института на формирование новой рыцарской этики стало зарождение феномена *milites Christi* – воинов Христовых, в противопоставление *milites mundi* – мирское, светское, феодальное рыцарство. Интересно, что для номинации *milites Christi* Ж. Флори выявляет эволюцию денотативного значения: все верующие христиане (*chrétiens*) > монахи (*moines*) >

воины (*guerriers*) > крестоносцы (*croisés*) [Flori 1998: 196-197]. В результате, отечественные и зарубежные медиевисты добавляют в структуру лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* фигуру крестоносца (*le croisé*).

В статье о взаимодействии феодализма и христианства в эпоху Крестовых походов и Реконкисты, Л.П. Репина [1995: 158] описывает прагматические предпосылки распространения концепции христианского рыцаря. С одной стороны, феодальное западноевропейское устройство требовало от рыцарства постоянного расширения территорий за счет завоеваний, в первую очередь, восточноазиатских земель во время Крестовых походов. С другой стороны, желая усилить мировое влияние папства, Церковь предписывает рыцарскому сословию *миссионерскую* деятельность. Рыцарь-крестоносец был призван сражаться «в миру» и распространять рыцарские и христианские добродетели [Манухина 2011: 58]. Таким образом, формируется бинарная идеологическая валоризация образа христианского рыцаря-крестоносца со стороны феодальной и церковной властей.

Нетривиальное мнение высказывает Ж. Флори [Flori 1998: 198], который настаивает на отношении противопоставления между прежним светским куртуазным рыцарством (*chevalerie courtoise, l'éthique chevaleresque mondaine*) и так называемым *chevalier du Graal* (рыцарь Грааля – перифраза, описывающая крестоносца). Ученый указывает на отречение христианского рыцаря от материальных ценностей, превалировавших в этике рыцаря-вассала: «le croisé, rompt avec la chevalerie, ses mœurs et ses aspirations matérielles et terrestres²⁴».

Наиболее ярко образ *milites Christi* или христианского рыцаря-крестоносца выражается в концепте *рыцарь-монах* (*novae militiae, moine-soldat*), который был разработан в начале XII в. французским богословом Бернардом Клервоским. Он репрезентует представителя духовно-рыцарских орденов и свидетельствует о совмещении двух духовных и ценностных идеалов культуры Высокого Средневековья: рыцарского и монашеского [Гуревич, Харитонович 1995: 131; Словарь средневековой культуры 2003: 224; Le Goff 2008: 71]. Военная этика, транслирующая ценность доблестной борьбы с неверными и защиты христиан, сочетается с монашескими обетами аскезы, бедности, безбрачия и заботы о странствующих паломниках.

²⁴ Крестоносец разрывает связь с рыцарством, его нравами, материальными и земельными притязаниями.

Концептуальное и аксиологическое содержание фигуры рыцаря-монаха подробно описано в историческом труде начала XX в. об истории Крестовых походах отечественной медиевиста О.А. Добиаш-Рождественской [2017: 148-150]. Историк показывает прагматическую ориентацию рыцарских орденов на примере двух первых и наиболее влиятельных, изначально благотворительных орденов: госпитальеров и тамплиеров. Их чьи члены выполняли функции сопровождения пилигримов в пути, создания странноприимных домов, а также защиты и помощи паломникам. Медиевист показывает этическую эволюцию орденов из братств «слуг бедняков» в военные дружины, которые участвовали во всех серьезных сражениях и придерживались церковных учений о защите слабых и Священной войне с неверными. Таким образом, аксиологическая структура образа *рыцарь-монах* включают исключительно положительные компоненты, связанные с военной и морально-религиозной этическими системами.

Наглядный пример эксплицитной позитивной оценки рыцарства представлен в вышеуказанном труде О.А. Добиаш-Рождественской через переведенное цитирование Бернарда Клервоского. Валоризация образа духовного рыцаря-монаха строится на параллельной негативной переоценке светского маскулинного эталона: повышается значимость дисциплины, послушания и смирения. Радикально пересматривается такая ценность куртуазного рыцарского социума, как знатность происхождения и статус, вводится новое правило: «читится лучший, не знатнейший». Христианскому рыцарю следовало избегать излишеств в одежде, носить темные, неукрашенные простые щит и панцирь и не отращивать длинные волосы – это противоречит принятым ранее канонам внешнего портрета куртуазного рыцаря, который имел богатые красивые доспехи и следил за внешностью. Порицанию подвергается традиционная досуговая деятельность светского рыцарства: безделье, охота, птичья ловля, песни, праздники и пиры. В итоге, формулируется моральный портрет нового духовного рыцарства, представители которого «ищут битв, но не триумфов, побед, но не славы, стремятся возбуждать ужас, но не любованию». Очевидно, вторая часть каждого антитетического бинама демонстрирует ценности образа *chevalier courtois*, которые противопоставляются фигуре *chevalier chrétien*, воплощающей целеустремленного и устрашающего воина за веру.

Напротив, в более современном научно-историческом тексте конца XX в. М. Оссовская [1987: 95] формулирует полярную негативную оценку образа *chevalier chrétien*. В частности, ученый подвергает сомнению наличие в этосе монашеского рыцарства ценностей смирения, прощения и альтруизма. Медиевист определяет христианское рыцарство, сохраняющее светские военные корни, через религиозные антиценности: гордыня, мстительность и неуважение к чужой жизни характеризуют рыцаря-монаха в большей степени.

Впрочем, уже в труде О.А. Добиаш-Рождественской [2017: 163] выявлены первые элементы вербализации негативного образа христианского рыцаря: «жажда авантюры и куртуазных приключений». Негативный коннотативный элемент данной характеристики связан с закрепившимся доминированием светских куртуазных ценностей над добродетелями, проповедуемыми институтом Церкви.

Наряду с образом рыцаря-монаха, конструирующим элементом лингвокультурного концепта *chevalier chrétien* выступает образ *рыцаря-крестоносца*. Современный британский историк-византист, исследователь Первого Крестового похода, П. Франкопан (FRANKOPAN Peter, род. 1971) описывает влияние крестоносного движения на формирование концепта средневекового рыцарства [Франкопан 2018: 32, 134]. Во-первых Крестовые походы стимулировали сословное единение рыцарского класса, связанного христианством. Во-вторых, сформировался новый маскулинный поведенческий эталон, основывающийся на ценностях благочестия и служения Церкви. Таким образом, укрепилась модельная личность *chevalier médiéval*, базовым элементом которой стали вера и готовность вести Священную войну. Наконец, в-третьих, ученый указывает на новый «*raison d'être* (смысл существования)» рыцарства, заключающийся в освобождении Святой земли и распространении христианской религии.

Отметим, что движение Крестовых походов (*Croisade*) 1096-1291 гг. общепризнанно является одним из ключевых исторических событий для средневековой цивилизации, сформировавшим новые политические, экономические, социокультурные и религиозно-аксиологические доминанты для всего западноевропейского общества. Об этом, в частности, свидетельствуют прославленные европейские историки Ф. Гизо и Й. Хейзинга, которые

приписывают феномену *Croisade* оценки, связанные с принципиальной значимостью данного фундаментального события: *величайшее политическое устремление, высшая политическая идея* [Хейзинга 2011: 163-164]; *le premier grand événement* (первое великое событие), *une de ces influences qui changent la condition des peuples* (одно из действий, меняющих состояние народа) [Guizot 1870: 227].

Ранние донаучные номинации крестоносного движения *iter Hierosolymitanum* (дорога в Иерусалим) и *iter in Terram Sanctam* (дорога в Святую Землю) указывают на основное направление походов, а именно – управляемый арабским халифатом город священный для христиан город Иерусалим. Напротив, относящаяся к концу XV в. Номинация *Croisade* этимологически указывает на символ креста – элемент религиозной христианской семиотики. В современных научно-исторических дефинициях также превалирует военно-религиозное целеполагание: защита христианских святынь и борьба с языческими осквернениями [Репина 1995: 158; Словарь средневековой культуры 2003: 234].

Наряду с этим, наблюдается противоречие оценочных дефиниций отечественных и зарубежных историков. С одной стороны, в трудах французских медиевистов выявлены характеристики Крестовых походов языковыми средствами с положительным аксиологическим потенциалом: *l'événement héroïque* (героическое событие) [Guizot 1870: 228]; *sacralisation du combat* (сакрализация, освящение сражения), *valorisation de guerre* (повышение ценности войны) [Flori 2015: 132]. С другой стороны, отечественный ученый Л.П. Репина [1995: 157] использует для описания походов атрибутивные номинации с негативными коннотациями: *феодалная экспансия, захватнические войны*. Выделяют «отпечатки» средневекового феномена *croisade* в современном культурном и дискурсивном пространстве [Brouquet 2017: 86]. В частности, в труде приведены примеры эксплуатации концепта в современном медиапространстве экстремистами (*les extrémistes*), исламистами (*les islamistes*) и террористами (*le terrorisme*).

Для анализа влияния крестоносной идеологии на формирование лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* видится обоснованным выявить общегосударственные и индивидуальные причины распространения *страннической тяги* на Восток [Добиаш-Рождественская 2017: 113].

Государственные мотивы заключаются в социополитических интересах институтов Церкви и власти, которые, по выражению П. Франкопана, «умело срежиссировали» риторику Крестовых походов [Франкопан 2018: 144]. В труде Л.П. Репиной, определяющем крестоносное движение, как принудительную феодализацию, медиевист выявляет общественно значимые задачи Крестовых походов [Репина 1995: 158-159]: потребность прекратить феодальные «братоубийственные» междоусобицы и «отослать» вольных рыцарей-разбойников за пределы государства, перенаправив их воинствующие порывы против нового внешнего врага. В статье *Крестовые походы* [Словарь средневековой культуры 2003: 237] выявлено подтверждение данной позиции о том, что «политические или экономические моменты возобладают над религиозными».

Наряду с этим, историки многократно подчеркивают наличие также *индивидуальных психологических* мотивов возникновения феномена *рыцарь-крестоносец*. Например, дискурс апологета первых Крестовых походов папы Урбана II закрепил в сознании средневекового рыцарства идею раскаяния и прощения грехов в обмен на крестоносную клятву. Сознание индивида на рубеже X-XI вв. определялось ожиданием апокалипсиса, грядущего с новым тысячелетием. В этой связи, медиевисты выделяют следующие отличительные черты средневекового мировосприятия: суеверная религиозность [Гуревич 1984: 63]; постоянные эсхатологические (связанные с концом света) упования [Элиаде 2002: 84]; сознание греховности [Добиаш-Рождественская 2017: 110].

Интересно продемонстрировать противоположные взгляды на мировосприятие средневекового индивида, связанного с апокалипсисом. С одной стороны, П. Франкопан [2018: 134] описывает реальные катастрофы, вызывающие страхи и душевные переживания у средневекового человека: угрозы христианам и Святой земле, наводнения, голод, метеоритные дожди, солнечные затмения. С другой стороны, этому противопоставляется скептическая ремарка О.А. Добиаш-Рождественской [2017: 112]: «трудно, однако, поверить, что болезни и голод нанесли в XI веке удар более сильный, нежели ужасные норманнские опустошения в веке предшествующем». Тем не менее, в отечественных и зарубежных медиевистских трудах последних десятилетий указывается на следующие психологические мотивы становления образа *chevalier chrétien*: *мученическое*

искупление [Репина 1995: 158]; *покаяние и очищение души* [Словарь средневековой культуры 2003: 235]; *потребность очищения* [Добиащ-Рождественская 2017: 110]; *pénitence* (епитимья или покаяние), *rémission des péchés* (отпущение грехов) [Flori 2015: 133]. Таким образом, формирование образа *рыцарь-крестоносец* вносит определяющие морально-нравственные религиозные элементы в менталитет и мировоззрение Средневековья.

Однако кроме психологических мотивов ученые из России выявляют и *личные экономические выгоды*, преследуемые рыцарством в Крестовом походе. Уже в 1990-х гг. Е.В. Гутнова [1992: 256-311] обращает внимание на наличие материальной составляющей в ценностной системе рыцаря-крестоносца, а именно – возможности рассчитаться или списать долги, а также приобрести заморские земельные наделы. Подчеркивается аксиологический статус так называемых *привилегий креста* (*privilegium crucis*) – личных юридических, материальных или общественно значимых преимуществ, которыми церковная власть наделяла участников похода [Краткий латинско-русский богословский словарь 1954: 95-96]. В труде о боевой деятельности рыцарских военно-монашеских орденов [Жарков 2008: 8-9] к числу привилегий, доступных рыцарю-паломнику, относятся правовая юридическая защита, доступность индульгенций, защита членов семьи и имущества, отсрочка в выполнении вассальной службы и в выплате долгов, а также освобождение от выплаты налогов. Высказывается мнение о том, что уже Четвертый Крестовый поход (1202-1204 гг.) являлся не столько «религиозным предприятием», сколько политико-экономической кампанией с практическими целями – разграбления и установления политического контроля над Константинополем [Манухина 2011: 74].

Наряду с этим, к аксиологическим элементам, составляющим образ *chevalier chrétien* в текстах научно-исторического дискурса, относим ценности: *пожертвование* (*donation*), *дар* (*don*), *милостыня* (*aumône*). Данная тема раскрыта в трудах А.Я. Гуревича и М. Орелла. Ученые высказывают близкие мнения о роли благотворительности. По словам отечественного медиевиста, целью благотворительности в эпоху Средневековья было не столько соблюдение христианских предписаний, сколько «забота жертвователей о собственном душевном благополучии» [Гуревич 1984: 221]. Французский ученый высказывает

аналогичное мнение: подаяние ассоциировалось с отношением «услуги за услугу» между верующим и божеством²⁵ [Aurell 2011: 36]. Таким образом, стирается исконная морально-религиозная ценность милостыни: с помощью подаяния стремились наладить отношения с Церковью (*se réconcilier avec l'Église*) и получить одобрение со стороны монашества (*obtenir les suffrages des moines*).

Наконец, научно-исторический дискурс, посвященный переоценке религиозных аспектов рыцарской культуры, изобилует негативными характеристиками, которые историки приписывают фигуре *chevalier chrétien*. В первую очередь, анализ показал наличие отрицательных ценностных элементов лингвокультурного типажа, транслируемых через *номинации* христианских рыцарей-крестоносцев. Приведем примеры из франкоязычного научно-исторического дискурса [Aurell 1987: 163; 2011: 275-280; Martinez-Gros 2017: 72], в котором представлены наименования лексическими средствами с резко негативным семантическим значением: *destructeur* (разрушители), *meurtriers* (убийцы), *bourreaux* (палачи, мучители), *prédateurs* (хищники, маньяки), *fanatiques* (одержимые, фанатики). Приведенные номинации содержат общий компонент лексического значения – ничем не сдерживаемая агрессивность и тяга к насилию представляют собой противоположность кардинальным религиозным ценностям (*vertus cardinales*) благоразумия и умеренности.

Выявлены различия в точках зрения ученых относительно того, какое военное предприятие эпохи Крестовых походов следует считать наиболее значительным для общего исторического фона. В то же время, описывая разные битвы, авторы используют схожие вербальные оценочные структуры атрибутивного типа – дефиниции через имена существительные с ярко негативной семантикой, часто дополняемые пейоративными эпитетами. Например, об осаде Иерусалима в 1099 г.: *кровавая бойня* [Макглинн 2011: 275]; о взятии Константинополя в 1204 г.: *опустошительное разорение, варварские действия, Константинопольское опустошение, безудержный разбой, пьяная вакханалия* [Монусова 2010: 35, 38], *кровавый шабаш* [Франкопан 2018: 240-241].

Изучение переоценки образа христианского рыцаря позволило также выделить ряд ассоциируемых с ним *антиценностей*. В труде, посвященном

²⁵ Une relation de don et de contre-don à l'égard de la divinité.

анализу казуса *крестоносца-рenegата*, С.И. Лучицкая [1997: 144-149] демонстрирует переоценку долга рыцаря, участвующего в походе. На примере исторической личности одного из предводителей крестоносцев, Стефана графа Шартрского (DE BLOIS, Étienne II, 1046-1102), отечественный медиевист описывает, как уставший от долгой экспедиции и тоскующий по дому знатный рыцарь сбегает из армии, не достигнув Иерусалима и, тем самым, разрушает идеал крестоносца. Этот пример показывает частное проявление моральных антиценностей рыцарства: трусость и нарушение обета крестоносца.

Другой медиевист XX в, М. Оссовская [1987: 498-500] указывает на отсутствие в реальном рыцарском поведении таких ключевых христианских добродетелей, как гуманность, милосердие, великодушие и человеколюбие. Эти черты автор оценивает с использованием фразеологического библеизма *ставшее притчей во языцех*. Таким образом, по мнению ученого, ветхозаветные ценности являются закрепившимся мифом, неотъемлемой темой в обсуждениях рыцарской религиозности. При этом в реальной социальной практике они уступают место противоположным качествам: гордость, забота о репутации и жестокость.

Подчеркивание жестокости религиозного рыцарства является общим местом в русском и французском научно-историческом дискурсе. Одной из первых негативную оценку поведению крестоносцев дала в первой четверти XX в. О.А. Добиаш-Рождественская [2017: 123]. «Освободительное» рыцарство ученый описывает словосочетаниями с пейоративным значением: толпа фанатиков, голодный сброд, захватчики. Как отмечает медиевист, движимые жадностью и алчностью, рыцари устраивали *грандиозные погромы* и *великие кощунства*. Разрушительное поведение крестоносцев подчеркиваются синтаксической динамикой, добиться которой позволяет перечисление близких по значению однородных сказуемых: *вытащено, содрано, изломано, навалено* [Там же: 168].

Французские историки-медиевисты в трудах начала XXI в. [Icher 2000: 102; Duby 2008: 61; Flori 2015: 91] также указывают на отсутствие библейских добродетелей у христианского рыцарства и на превалирование антиценностей, связанных с военным разбоем: *violence* (насилие), *brutalité* (жестокость), *massacre* (убийства), *exécutions sommaires* (массовые казни). Ранее М. Орелл демонстрирует новую антимораль рыцарства Крестовых походов, обращаясь к средневековому

трактату *Libre de contemplacio* философа XII-XIII вв. Р. Луллия. В частности, анализируя главу CXII, французский ученый описывает порочные поведение и действия рыцарей, используя предикаты с негативной семантикой: *mettre des guerre et des souffrance* (сеять войны и страдания), *tuer* (убивать), *dépeupler* (истреблять), *rendre veuve* (оставлять женщин вдовами), *voler* (воровать), *tromper* (обманывать, предавать или изменять) [Aurell 1987: 163].

Итак, изучение вербальных элементов семантико-аксиологической концептуализации образа *chevalier chrétien* в научно-историческом дискурсе, позволило выявить многочисленные факты переоценки фигуры религиозного верующего рыцаря. Типаж *chevalier chrétien* состоит из двух основных концептуальных элементов: рыцарь-монах (*moine-soldat*) и рыцарь-крестоносец (*croisé*), которые аккумулируют религиозно-церковные аксиологические компоненты. С одной стороны, данные фигуры транслируют христианскую составляющую морального кодекса рыцарства: послушание, подчинение и служение Церкви, защиту ее интересов, распространение веры. С другой стороны, в трудах историков содержатся критические переоценки этого идеализированного образа. Напротив, выделяются религиозные антиценности, связанные с феноменом Крестовых походов и *milites Christi* (воинов Христовых): агрессия, тяга к насилию, поиск материальной выгоды, трусость, нарушение данной клятвы, гордыня. Таким образом, научно-исторический дискурс формирует как положительный, так и отрицательный ценностный статус концепта *chevalier chrétien*.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Дискурсивный подход к анализу научно-исторического текста позволяет изучить лингвосоциокультурный феномен *chevalier médiéval* в совокупности с социальным контекстом, научной парадигмой и индивидуальными установками ученых-авторов. Научно-исторический дискурс основан на разножанровом сверткесте, посвященном описанию, интерпретации и оценке исторического прошлого. Он обладает характеристиками научного дискурса: развитая интертекстуальность, наличие научных прецедентных феноменов, жесткая текстовая структура и научный стиль. Наряду с этим, исторический тип научного дискурса отличает: эксплицирование авторской позиции, субъективная модальность текста, релятивность, допущение плюральности точек зрения, нарративность и применение средств художественной выразительности. Одной из основных целей научно-исторического дискурса является воздействие на читателя посредством приписывания изучаемым объектам новых значений и оценок.

2. Лингвоаксиологическая парадигма закрепляет лингвистический поворот в исторической науке, подтверждающий ключевую роль языковой интерпретации в создании исторического дискурса. Ввиду субъективной модальности научно-исторического дискурса, в ходе моделирования исторического объекта автор выступает в роли коммуникативной личности, транслирующей индивидуальные установки и ценности через вербальные экспрессивно-эмоционально-оценочные средства или оценки (эксплицитные и имплицитные). Их аксиологический потенциал выражается в употреблении лексем качественной семантики, оценочных атрибутивных словосочетаний и интертекстуальных ссылок разной степени трансформации. Среди аргументативных оценочных структур, которые выражают ценностную позицию автора и взаимоотношение точек зрения, выявлены: самокритичное суждение, прием сарказма, подкрепление авторитетом, метатекстуальные референции, употребление вопросительных конструкций, суждения в форме наставлений, а также оценочность на паратекстовом уровне.

3. Выявлено несовпадение точек зрения отечественных и зарубежных медиевистов относительно семантического и аксиологического содержания концепта *chevalerie médiévale* в современном научно-историческом дискурсе. Показана амбисемия термина, свидетельствующая о варьировании содержания

понятия *chevalier médiéval* в текстах разных ученых и научных школ. Сопоставительный анализ научно-исторических текстов позволил выявить на формально-логическом уровне следующие типы дефиниций: релятивная, родовидовая, семантическая, синонимическая. На содержательном уровне сформулировано 4 синтетических подхода к определению рыцарства: закрытая социальная группа, определяемая происхождением и статусом; социопрофессиональная группа, определяемая занятиями и обязанностями; морально-поведенческий элемент средневековой ментальности; идеологема, искусственно распространенная через художественную литературу и институт Церкви.

4. Сопоставление текстовой репрезентации понятия *средневековый рыцарь* на материале средневекового художественного и современного научно-исторического дискурсов позволило выявить семантико-аксиологическую эволюцию концептов *рыцарь верный* (*chevalier loyal*), *рыцарь учтивый* (*chevalier courtois*) и *рыцарь-христианин* (*chevalier chrétien*), входящих в состав лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*. В научно-исторических текстах представлена критическая переоценка базовых ценностных концептов, смещение системы ценностей, изменение целеполагания и морального портрета. Ученые-медиевисты подчеркивают негативные аксиологические элементы (антиценности) рыцарского этоса и доказательно демонстрируют отличие модели маскулинной идентичности, представленной в художественном дискурсе от реально существовавших практик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование, посвященное сопоставительному анализу особенностей языковой аксиологической концептуализации средневекового рыцаря (*chevalier médiéval*) в художественном дискурсе XII-XIII вв. и в современном научно-историческом дискурсе, выполнено в рамках лингвокультурологического подхода к феноменам языка, рассматриваемым, как концепты, аккумулирующие фрагменты культурной памяти эпохи, социальный и духовный опыт. Данный подход соотносится с актуальной проблематикой межкультурного диалога, который выражается, в частности, во взаимосвязи и взаимовлиянии опыта прошлого и культуры настоящего. Реконструкция базового маскулинного архетипа средневековой цивилизации дает возможность уточнить истоки современной западной культуры и общественного функционирования, поскольку рыцарство в значительной мере повлияло на возникновение новоевропейской системы ценностей.

Концепт *рыцарство* (*chevalerie*) ярко репрезентует средневековую феодально-христианскую картину мира, так как образ воина является сложившимся маскулинным стереотипом, передающим социальные идеалы и моральные ценности эпохи. В связи с этим, рыцарь рассмотрен с позиции модельной личности и лингвокультурного типажа Средневековья. Проблематика исследования заключается в том, что было констатировано значительное несоответствие аксиологического позиционирования рыцарства в средневековых литературных текстах и в современных теоретических трудах по истории и медиевистике. Текстовым материалом для анализа ценностной концептуализации типажа *средневековый рыцарь* послужили два дискурсивных жанра:

- художественный дискурс XI-XIII вв.
 - эпос (песнь о деяниях или *chanson de geste*);
 - куртуазная лирика (*poésie courtoise*);
 - рыцарский роман (*roman de chevalerie, roman d'aventure*);
- научно-исторический дискурс XX-XXI вв.
 - теоретические исторические труды-монографии;
 - статьи в научных и энциклопедических изданиях.

Комплексное изучение аксиологической репрезентации образа рыцаря проведено с применением смежных и междисциплинарных знаний (корпусная лингвистика, литературоведение, история и медиевистика, социология, философия), что позволило прийти к ряду выводов.

Лингвистическая реконструкция архетипа *рыцарь* средствами семиотического анализа показала, что средневековый рыцарь является модельной личностью Средневековья, отражающей феодальные, куртуазные и христианские ценностные доминанты культуры. Дефиниционный анализ лексемы *chevalerie* позволил определить критерии ограничения данной социальной и профессиональной группы – военная служба (*miles, soldat, militaire*), обладание лошадью (*cavalier, homme à cheval, possesseur d'un cheval, cavalerie*), вассальная зависимость (*vassal, homme lige*), благородное происхождение (*gentilhomme, hiérarchie nobiliaire, naissance noble*), прохождение церемонии посвящения (*adoubement, hommage*) и членство в рыцарском ордене / сословии (*membre de l'ordre de chevalerie*).

Смоделированная структура лингвокультурного концепта *chevalerie* включает следующие базовые элементы: обряд посвящения в рыцари (*hommage* и *adoubement*), куртуазия и куртуазный кодекс поведения (*courtoisie*), рыцарская идеология (*idéologie chevaleresque*). Нами были выявлены и дополнительные ценностные элементы концепта *рыцарство*, составляющие этическую систему средневекового общества: защита слабых (вдов, сирот и стариков), протекция Церкви и охрана христианской веры, установление справедливости, доблесть и верность, а также соблюдение норм куртуазного поведения. В итоге сформированная концептуально-ценностная модель лингвокультурного феномена *рыцарство* демонстрирует ментальные категории идеализации и героизации маскулинной культуuroобразующей группы воинов.

Антропоцентрический подход к языку определил вектор анализа средневекового рыцаря как *лингвокультурного типажа* – типизируемую личность, которая является легко узнаваемым архетипом и значимым конструирующим элементом лингвокультуры. Нами определено место концепта *chevalier médiéval* в общей классификации лингвокультурных типажей (социокультурный, яркий, положительный, дисперсный, реальный, угасающий, непрототипный).

Составленный *паспорт* лингвокультурного типажа позволил выявить и описать ряд особенностей данного архетипа. В частности, нами были определены характеристики гендерного и социального функционирования концепта *рыцарство*, типичные элементы моральной и физической портретизации, а также особенности речевого поведения и дискурсивные привычки. Данный подход позволил комплексно и всесторонне описать функционирование антропологического концепта *рыцарство* и его аксиологического статуса в старофранцузской лингвокультуре.

Нами выявлены особенности аксиологической вербальной концептуализации типажа *chevalier médiéval* на материале разножанровых текстов художественного дискурса XII-XIII вв. на старофранцузском языке. Изучение вербализации оценок на материале художественного дискурса Средневековья является результативным в виду того, что литературный текст отличается повышенной аксиологичностью, транслируя культурный опыт и моделируя систему ценностей эпохи автора.

Лингвокультурный типаж *chevalier médiéval* реализуется через различные образы в зависимости от литературного жанрового канона. Показано, что жанр героического эпоса закрепляет модель *chevalier loyal* (рыцарь верный), опирающуюся на базовый концепт – *верность* (*l'œauté*). Через произведения куртуазной лирики транслируется модельный образ *chevalier courtois* (рыцарь учтивый), использующий в качестве опорного концепта *куртуазность* (*cortoisie*). Наконец, образ *chevalier chrétien* (рыцарь-христианин) представлен в прозаическом романном цикле, посвященном основополагающему ценностному концепту *вера* (*foi*). Результатом детального анализа особенностей концептуализации рыцарства в художественном дискурсе стало выявление различных морфосинтаксических типов номинации и средств языкового портретирования, которые обладают оценочным потенциалом и подчеркивают ценности эпохи. Были определены основные показатели стереотипа речевого поведения типажа в текстах литературных произведений.

Глобальным результатом исследования явилась демонстрация резкого несоответствия между модельным рыцарством как культурно-литературным феноменом с одной стороны, и реальным прототипом рыцаря-воина, реконструированного историками-медиевистами, с другой стороны. Выражение

аксиологичности в научно-историческом дискурсе XX-XXI вв. изучено с учетом ориентаций постмодернистской парадигмы исторической науки, которая признает язык инструментом фиксации событий прошлого, а также средством конструирования исторической действительности, допускающей индивидуальные интерпретации и субъективные оценки. Доказано, что оценочный компонент широко представлен в текстах научно-исторического дискурса: приведены примеры различных *экспрессивно-эмоционально-оценочных лингвистических средств* или оценок эксплицитного и имплицитного типов.

Переоценка средневековой маскулинной модельной личности рыцаря вызывает интерес у современного научного сообщества ввиду *антропологизации истории*, которая стремится изучить пути исторического становления человеческой индивидуальности, общественного устройства и ценностной системы. Рекуррентность переоценки исторического маскулинного архетипа объясняется тем, что ценности и идеалы поведения человека не являются константами и подвергаются пересмотру с наступлением новой социально-исторической действительности. Таким образом, показано, как в современных научных текстах по истории выражаются критические оценки идеализированного рыцарства эпохи феодализма.

В результате анализа семантико-аксиологической трансформации типажа *chevalier médiéval* в современном научно-историческом дискурсе выявлены вариативные дефиниции и новые семантические признаки понятия *chevalier*. По причине темпоральной и культурной дистанции между средневековым и современным человеком, переоценке подвергаются три подтипа социокультурного феномена *рыцарство*.

Создаваемый современными историками новый образ рыцаря состоит в пересмотре представлений о концептах, транслируемых образами *chevalier loyal*, *chevalier courtois* и *chevalier chrétien*, и базовых феодальных, придворных и религиозно-церковных аксиологических компонентах средневековой этики. В работе показаны процедуры изменения положительной оценки феноменов на противоположную отрицательную оценку, что демонстрирует эволюцию аксиологического статуса концептов от ярких положительных к абсолютно негативным. Приведены лексические единицы, формирующие семантические поля

антиценностей в научно-историческом дискурсе. Перечислены и проанализированы пейоративные коннотации, которые содержатся в номинациях типажа *рыцарь*.

Множество отрицательных аксиологических элементов в описании концепта *рыцарство* в научно-историческом дискурсе XX-XXI вв. свидетельствует о переоценке фигуры средневекового рыцаря, представляющего как положительные, так и отрицательные компоненты ценностной системы эпохи. Сопоставление языковой концептуализации понятия *средневековый рыцарь* на материале средневекового художественного и современного научно-исторического дискурсов выявило семантико-аксиологическую эволюцию типажа *chevalier médiéval*, а также смещение ценностного статуса средневековых концептов. В дальнейшей перспективе интересным видится попытка комплексной реконструкции типажа *рыцарь* на материале текстов пограничного периода XIV-XIX вв. В рамках сопоставительной лингвокультурологии видится перспективным провести сравнительный анализ схожих лингвокультурных типажей *рыцарь*, *самурай*, *викинг* и *богатырь*, которые представляют западные и восточные архетипы маскулинной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания / гл. ред. Т.В. Гамкрелидзе. – М.: Наука. – № 3. – 1993. – С. 15-26.
2. Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты [Текст] / Е.Е. Анисимова. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – 240 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Ауров О.В. Местное рыцарство Кастилии в XIII – середине XIV вв. [Текст] / О.В. Ауров // Новый Исторический Вестник. – М.: ООО «Издательство Ипполитова». – 2001. – № 4. – С. 45-59.
6. Баженова Е.А. Прецедентные единицы в научном тексте [Текст] / Е.А. Баженова // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология – Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т. – Вып. 3 (9). – 2010. – С. 32-36.
7. Бакушева Е.М. Социологический анализ речевого поведения мужчины и женщины [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.М. Бакушева; МПГУ. – М., 1995. – 16 с.
8. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
9. Белова Т.М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.М. Белова; КГУ. – Кемерово, 2007. – 22 с.
10. Бессмертный Ю.Л. Странное счастье рыцаря [Текст] / Ю.Л. Бессмертный // Казус-2002. Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 2002. – С. 53-72.
11. Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII-XIII веков (по северофранцузским и западнонемецким материалам) [Текст] / Ю.Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1969. – 371 с.

12. Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X-XI вв.? [Текст] / Ю.Л. Бессмертный // Вопросы истории. – М., 1984. – № 1. – С. 52-67.
13. Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное [Текст] / Ю.Л. Бессмертный // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996. – С. 11-20.
14. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры [Текст] / Е.В. Бобырева // Знание. Понимание. Умение. – М.: Мос. Гум. Ун-т. – 2008. – № 1. – С. 162-167.
15. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Бобырева; ВолГПУ. – Волгоград, 2007. – 43 с.
16. Бражников И.Л. Исторический текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века [Текст] : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.01; 10.01.10 / И.Л. Бражников; МПГУ. – М., 2011. – 39 с.
17. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т.И. Вендина // отв. ред. А.Ф. Журавлев. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
18. Викулова Л.Г. «Мягкая сила» ученого-филолога в издательской практике классических произведений [Текст] / Л.Г. Викулова // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сборник научных статей в честь юбилея д. ф. н., проф. Л.Г. Викуловой / под общ. ред. Е.Г. Таревой. – М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. – С. 11-33.
19. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагматический аспект : [Текст] : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.05 / Л.Г. Викулова; ИГЛУ. – Иркутск., 2001. – 363 с.
20. Викулова Л.Г., Васильева Е.Г. Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.) [Текст] / Л.Г. Викулова, Е.Г. Васильева // Верхневолжский филологический вестник / Под ред. М.В. Новикова. – Ярославль: ЯГПУ, 2015. – № 2. – С. 58-64.
21. Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации [Текст]: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – 316 с.

22. Виноградова М.В., Викулова Л.Г. Статус рыцарства в средневековой Франции: социолингвистический аспект [Электронный ресурс] / М.В. Виноградова, Л.Г. Викулова // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 7. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/07/3544>, свободный. – Дата обращения 29.09.2019.
23. Водяницкая А.А. Передача языковых единиц с оценочной семантикой в переводе с английского языка на русский [Текст] / А.А. Водяницкая // Вестник МГЛУ. – 2012. – Вып. 9 (642). – С. 107-118.
24. Волкова З.Н. Текст и свертхтекст в эпосе [Текст] / З.Н. Волкова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 1. – С. 59-67.
25. Волкова З.Н. Эпос Франции: История и язык французских эпических сказаний [Текст] / З.Н. Волкова / отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1984. – 319 с.
26. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: URSS, 2009. – 280 с.
27. Воробьев В.В. Лингвокультурология [Текст] / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
28. Вышенская Ю.П. Аспекты соприкосновения языкового и неязыкового в процессе формирования художественного стиля (на материале поэмы "Sir Gawain and the Green Knight") [Текст] / Ю.П. Вышенская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 7-2 (61). – С. 83-86.
29. Вышенская Ю.П. Отражение средневекового мировидения в феномене «мягкого стиля» [Текст] / Ю.П. Вышенская // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 11 (804). – С. 68-77.
30. Вышенская Ю.П. Стилистические традиции и новшества эпохи поэтико-прозаического единства (на материале английской словесности XIV-XV-го веков) [Текст] / Ю.П. Вышенская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 812-830.
31. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
32. Гибатова Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка [Текст] : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.01 / Г.Ф. Гибатова; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2011. – 43 с.

33. Гринев-Гриневи́ч С.В. Терминоведение [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневи́ч. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
34. Гришечкина Г.Ю. Способы раскрытия термина в научно-популярном тексте [Текст] / Г.Ю. Гришечкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Общерос. общ. орг. Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. – 2011. – № 2 (27). – С. 92-100.
35. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир [Текст] / А.Я. Гуревич. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 560 с.
36. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 424 с.
37. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 318 с.
38. Гуревич А.Я. Послесловие [Текст] / А.Я. Гуревич // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; Послел. А.Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 530-558.
39. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
40. Гуревич А.Я. Феодальное средневековье: что это такое? Размышление медиевиста на грани веков [Текст] / А.Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука. – 2002. – № 14. – С. 261-293.
41. Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. Учебник [Текст] / А.Я. Гуревич, Д.Э. Харитонович. – М.: Интерфакс, 1995. – 336 с.
42. Гутнова Е.В. Западноевропейский регион в XI-XV вв. [Текст] / Е.В. Гутнова // История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992. – С. 256-311.
43. Данилевская Н.В. К вопросу об экспрессии в научном тексте [Текст] / Н.В. Данилевская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т. – 2010. – № 6 (12). – С. 30-36.
44. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в. [Текст] / О.А. Дмитриева. – Волгоград: ВГПУ «Перемена», 2007. – 306 с.

45. Дмитриева О.А., Мурзинова И.А. Теория лингвокультурных типов [Электронный ресурс] / О.А. Дмитриева, И.А. Мурзинова. – М.: Издательские решения, 2016. – 150 с. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073907, свободный. – Дата обращения 29.06.2019.
46. Добиаш-Рождественская О.А. Культура Западноевропейского Средневековья [Текст] / О.А. Добиаш-Рождественская. – М.: Наука, 1987. – 351 с.
47. Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов и ее герои [Текст] / О.А. Добиаш-Рождественская. – М.: Ломоносовъ, 2017. – 208 с.
48. Должич Е.А., Попова Т.Г. Интертекстуальные связи в испанском научном дискурсе [Текст] / Е.А. Должич, Т.Г. Попова. – М.: РУДН, 2012. – 169 с.
49. Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Концепт *foi* в христианской лингвокультуре [Текст] / О.А. Дубнякова, Т.А. Кашина // Человек. Язык. Время. Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с международным участием / Отв. Ред. Л.Г. Викулова. – М.: МГПУ, 2015. – С. 134-140.
50. Дука О.Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности [Текст] / Дука О.Г. // Дискурс-Пи. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. – 2005. – № 1 (5). – С. 170-172.
51. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. [Текст] / Ж. Дюби // Одиссей: Человек в истории. – М.: Наука. – 1990. – № 2. – С. 90-96.
52. Жарков С.В. Рыцари. Полная иллюстрированная энциклопедия [Текст] / С.В. Жарков. – М.: «Яуза», 2016. – 672 с.
53. Жарков С.В. Рыцарские ордена в бою [Текст] / С.В. Жарков. – М.: «Яуза», 2008. – 470 с.
54. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты [Электронный ресурс] / М.В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону: изд-во Сев.-Кав. научн. центра высш. шк., 1999. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/>, свободный. – Дата обращения 15.07.2019.
55. Иванов К. Средневековые замок, город, деревня и их обитатели [Текст] / К. Иванов. – М.: Ломоносовъ, 2017. – 232 с.

56. Ивин А.А. Аксиология. Научное издание [Текст] /А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.
57. Игнатьева Т.Г. Куртуазная любовь как семиотический феномен средневековой культуры [Текст] / Т.Г. Игнатьева // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева / Под ред. В.А. Ковалевского. – Красноярск: КГПУ, 2012. – №3. – С. 241-244.
58. Игнатьева Т.Г. Литературный портрет в старофранцузском художественном тексте [Текст] / Т.Г. Игнатьева // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева / под ред. В.А. Ковалевского. – Красноярск: КГПУ, 2013. – №2 (24). – С. 191-194.
59. Игнатьева Т.Г. Модельная личность западно-европейского Средневековья: «дама сердца» [Текст] / Т.Г. Игнатьева // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – Иркутск: Евразийский лингв. инст. – 2010. – № 2 (10). – С. 88-92.
60. Игнатьева Т.Г. Персоносфера диахронического художественного текста [Текст] / Т.Г. Игнатьева // Язык и культура этноса: материалы Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Васильев. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2015. – С. 66-72.
61. Игнатьева Т.Г. Семиотрический анализ в диахроническом аспекте [Текст] / Т.Г. Игнатьева // Вторые Ярославские лингвистические чтения: сб. научн. тр. Международной конференции 16-18 июня 2009 года. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009. – С. 100-104.
62. Игнатьева Т.Г. Семиотика жанра (диахронический аспект) [Текст] / Т.Г. Игнатьева // Универсум языка и личности: сборник статей по материалам научной конференции с международным участием (МГПУ, 24–26 сентября 2009 г.) / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: МГПУ, 2009. – С. 57-61.
63. Игнатьева Т.Г. Типология старофранцузского текста [Текст] : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.05 / Т.Г. Игнатьева; Красноярск. Гос. Пед. Ун-т. – Красноярск., 2002. – 369 с.
64. Игнатьева Т.Г., Шерхонова Е.С. Цветовые характеристики персонажного портрета в диахронном тексте / Т.Г. Игнатьева, Е.С. Шерхонова // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2014. – № 1. – С. 188-191.

65. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение: учеб. для филол. спец. вузов [Текст] / М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, С.С. Мокульский, А.А. Смирнов. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, Изд. Центр «Академия», 2000. – 462 с.
66. Каплан А.Б. Средневековая поэзия Франции как источник формирования национального самосознания: Аналитический обзор [Текст] / А.Б. Каплан / отв. ред. И.Л. Галинская. – М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. отд. культурологии, 2008. – 100 с.
67. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
68. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
69. Карасик В.И. Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
70. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия [Текст] / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5-25.
71. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка [Текст] / И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 2008. – 437 С.
72. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст] : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / А.А. Кибрик; ИЯРАН. – М., 2003. – 90 с.
73. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 180 с.
74. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах [Текст] / А.В. Кирилина // Гендер и язык / МГЛУ; Лаборатория гендерн. исслед. – М.: Языки славянск. культур, 2005. – С. 7-36.
75. Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – 368 с.
76. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от Античности до XX в. [Текст] / М.И. Козьякова. – М.: «ООО Издание Согласие», 2016. – 512 с.

77. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание [Текст] / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та., 1991. – 156 с.
78. Короленко О.И. Комплимент и поздравительная речь как эпидейктические жанры академического дискурса XVII-XVIII вв. [Текст] / О.И. Короленко // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» / Под ред. А.В. Щепиловой. – М.: Изд-во МГПУ, 2016. – №3 (23). – С. 102-107.
79. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики [Текст] / П.И. Костомаров // Вестник Кемеровского Государственного Университета. – Кемерово: КГУ. – № 2-1 (58). – 2014. – С. 198-203.
80. Котюрова М.П. Стилистика научной речи : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования [Текст] / М.П. Котюрова. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 240 с.
81. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.
82. Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства [Текст] / М.А. Кронгауз // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: ИЯ РАН, 1999. – С. 124-134.
83. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сборник статей / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, РГГУ, 1995. – С. 144-238.
84. Культурные трансферы: проблемы кодов : коллект. моногр. [Текст] / Под ред. С.Г. Проскурина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 224 с.
85. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности [Текст] / Н.А. Купина, Г.В. Битенская // Человек — текст — культура: коллектив. моногр. / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 214-233.
86. Лаврентьев А.М. Базы данных и корпуса текстов средневекового французского языка: подходы, проекты, технологии [Текст] / А.М. Лаврентьев // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних рукописей к электронным текстам / Материалы междунар. науч. конф. (Ижевск, 13-

- 17 июля 2006 г.); отв. ред. В.А. Баранов. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2006. – С. 104-107.
87. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. [Текст] / В.М. Лейчик. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
88. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века [Текст] / Ж. Ле Гофф, Н. Трюон; пер. с фр. Е. Лебедевой. – М.: Текст, 2008. – 189 с.
89. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография [Текст] / Под рук. Е.Ф. Серебренниковой, ред. Л.Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
90. Лингвокультурные типы образовательной сферы английской и русской лингвокультур [Текст] / Н. В. Бхатти и др. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 88 с.
91. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси [Текст] / Д.С. Лихачев / отв. ред. С.О. Шмидт; Археографическая комиссия РАН. – 3-е изд. – М.: Наука, 2006. – 202 с.
92. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука СПб, 2016. – 704 с.
93. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна [Текст] / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский остров, Владимир Даль, 2004. – 624 с.
94. Лошаков А.Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования [Текст] / А.Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 11 (66). – С. 100-109.
95. Лубский А.В. Дискурс исторический [Текст] / А.В. Лубский // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, отв. ред. серии Л.П. Репина – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
96. Лучицкая С.И. Предательство и измена в *chansons de geste* XII-XIII вв. [Текст] / С.И. Лучицкая // Предательство: опыт исторического анализа. Сборник статей / Отв. ред. К.А. Левинсон. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 12-44.
97. Лучицкая С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья [Текст] / С.И. Лучицкая // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука. – 2004. – № 16. – С. 7-35.
98. Лучицкая С.И. Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII века [Текст] / С.И. Лучицкая // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной

жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1997. – С. 136-156.

99. Макглинн Ш. Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне [Текст] / Ш. Макглинн; пер. с англ. В.В. Найденова. – Смоленск: Русич, 2011. – 448 с.

100. Манухина А.О. Способы выражения оценки в старофранцузских хрониках XIII в. (на материале произведений Ж. де Вильардуэна и Р. Де Клари) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А.О. Манухина; МГЛУ. – М., 2011. – 220 с.

101. Манухина А.О. Средства лексической репрезентации отрицательной оценки в хронике "Взятие Константинополя" Ж. де Вильардуэна (Франция, XIII век) [Текст] / А.О. Манухина // Универсум языка и личности: сб. статей по матер. научн. конф. с междунар. участием. / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: ГОУ ВПО МГПУ. – 2009. – С. 111-114.

102. Манухина А.О. Старофранцузское прилагательное *proz* как репрезентант когнитивного признака «воинская доблесть» (на материале старофранцузских хроник Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари) [Текст] / А.О. Манухина // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные Науки. – М.: МГЛУ. – 2011. – № 10 (616). – С. 200-209.

103. Манухина А.О. Стереотипное и индивидуальное в оценочной картине мира старофранцузских хроник XIII века [Текст] / А.О. Манухина // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные Науки. – М.: МГЛУ. – 2011. – № 14 (620). – С. 71-83.

104. Маркова Л.А. Понятие истины в контексте дискуссий [Текст] / Л.А. Маркова // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии [Текст]: монография / под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 62-66.

105. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе [Текст] / Н.Е. Меднис / под ред Т.И. Печерской. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 170 с.

106. Миньяр-Белоручева А.П. Критический анализ исторического дискурса [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Международный Научно-Исследовательский Журнал / гл. ред. А.В. Миллер. – Екатеринбург. – 2016. – № 10 (52) – Часть 3. – С. 65-67.

107. Миньяр-Белоручева А.П. Смена парадигм в истории и лингвистике [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия: Лингвистика. – Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 12-17.
108. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Язык и текст. – М.: Изд-во МГППУ. – 2015. – Т. 2. – № 2. – С. 8-16.
109. Миньяр-Белоручева А.П., Вестфальская А.В. Средства выражения оценки в научных исторических текстах [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева, А.В. Вестфальская // Вестник ЮуРГУ. – 2010. – № 21. – С. 14-19.
110. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе [Текст] / А.Д. Михайлов. – М.: URSS, 2012. – 352 с.
111. Михайлова С.В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Михайлова; МГПУ. – М., 2012. – 236 с.
112. Монусова Е.В. История рыцарства: самые знаменитые битвы [Текст] / Е.В. Монусова. – М.: АСТ, 2010. – 512 с.
113. Неклюдов С.Ю. Эпос в мировой литературе [Текст] / С.Ю. Неклюдов // ШАГИ/STEPS / Под ред. С.Ю. Неклюдова. – М.: РАНХиГС, 2015. – Т.1. – №2. – С. 7-22.
114. Носов К.С. Рыцарские турниры [Текст] / К.С. Носов; художник В.В. Голубев. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2004. – 141 с.
115. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали [Текст]: пер. с польск. / М. Оссовская / общ. ред. А.А. Гусейнова; вступ. ст. А.А. Гусейнова и К.А. Шварцман. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
116. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья [Текст] / М. Пастуро / Пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: «Александрия», 2012. – 448 с.
117. Петренко А.Е. Семантические поля в романах Кретьена де Труа как репрезентация фрагментов языковой картины мира средневекового человека [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А.Е. Петренко; МГУ. – Москва, 2016. – 242 с.

118. Петрова Е.Ю. Цветообозначение как ключ к интерпретации сюжета [Текст] / Е.Ю. Петрова // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики: межкафедр. сб. научн. статей. – М.: МГПУ, 2013 – С. 129-140.
119. Плехова О.Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики [Текст] / О.Г. Плехова // Известия ВГПУ. – 2016. – № 2 (106). – С. 99-105.
120. Порус В.Н. «Лингвистический поворот» или «отражение как сходство»: ложная дилемма [Текст] / В.Н. Порус // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии [Текст] / под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 32-36.
121. Проскурин С.Г., Комкова А.С. Концептуализированные словесно-предметные области как отражение семиотического ослабления в англосаксонской лингвокультурной традиции [Текст] / С.Г. Проскурин, А.С. Комкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 11-2 (77). – С. 144-147.
122. Проскурин С.Г. Ранняя перформативность [Текст] / С.Г. Проскурин // Критика и семиотика. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН. – 2016. – № 2. – С. 121-133.
123. Рабинович В.Л. Полдень Средневековья [Текст] / В.Л. Рабинович. – М.: Эксмо, 2013. – 400 с.
124. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М.: Языки славян. культуры, 2017. – 592 с.
125. Радченко О.А. Антропоцентризм науки о языке в неогумбольдианской перспективе [Текст] / О.А. Радченко // SPECULUM VITAE: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка: Сб. избр. статей / Сост. Л.Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2012. – С. 77-83.
126. Ракитянская Е.В. Опыт лингвистической реконструкции женской коммуникативной личности XVI-XVII вв. : (на материале произведений В. Шекспира) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Ракитянская; ИГЛУ. – Иркутск, 2007. – 228 с.
127. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия [Текст] / Л.П. Репина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 352 с.

128. Репина Л.П. Западная Европа в X-XI вв.: общие процессы и региональные особенности социально-политического развития [Текст] / Л.П. Репина // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть II. Европейский мир X-XV вв. – М.: Интерпракс, 1995. – С. 46-95.
129. Репина Л.П. Феодалная экспансия христианского мира. Крестовые походы и Реконкиста [Текст] / Л.П. Репина // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть II. Европейский мир X-XV вв. – М.: Интерпракс, 1995. – С. 157-200.
130. Романова В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII-XIV вв. [Текст] / В.Л. Романова. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
131. Руа Ж.Ж., Мишо Ж.Ф. История рыцарства [Текст] / Ж.Ж. Руа, Ж.Ф. Мишо; худ. Г. Доре и др. – соврем. версия; иллюстр. Изд. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.
132. Рянская Э.М., Яковлева А.М. Способы выражения авторской модальности в историографическом тексте [Текст] / Э.М. Рянская, А.М. Яковлева // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь: Издательство Пермского нац. иссл. политех. ун-та. – 2019. – № 2. – С. 73-81.
133. Сабанеева М.К. Художественный язык французского эпоса: опыт филологического синтеза [Текст] / М.К. Сабанеева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 296 с.
134. Седых А.П. О персонификации французской культуры [Текст] / А.П. Седых // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2011. – № 2 (9). – С. 154-156.
135. Селезнев Р.С. Ментальная история Средневековья в исследованиях первых русских медиевистов второй половины XIX в.: истоки и зарождение проблематики [Текст] / Р.С. Селезнев // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. научн. ст., посвященный 70-летию ист. фак-та Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького. – Екатеринбург: НППМ "Волот", 2008. – С. 48-56.
136. Селунская Н.А. Феодализм? перед судом? историков? («Сеньория и вассалитет простолюдинов») [Текст] / Н.А. Селунская // Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола (Москва, 25 апреля 2005 г.) / под общ. ред. А.Я. Гуревича, С.И. Лучицкой, П.Ю. Уварова. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 78-100.

137. Серебренникова Е.Ф. К проблеме аксиологического измерения социального дискурса [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Вестник Бурятского Гос. Ун-та. – Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т. – 2012. – № S1. – С. 122-128.
138. Серебренникова Е.Ф. Текст и дискурс: на пути к формированию методологии и инструментария лингвоаксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сборник научных статей в честь юбилея доктора филологических наук, профессора Л.Г. Викуловой / под общ. ред. Е.Г. Таревой. – М: МГПУ; Языки народов мира, 2017. – С. 34-45.
139. Серебренникова Е.Ф. Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / Под рук. Е.Ф. Серебренниковой, ред. Л.Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 7-48.
140. Скачко Е.Ю. Лингвокультурный типаж «английский рыцарь» [Текст] / Е.Ю. Скачко // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 88-104.
141. Скредина Л.М., Становая Л.А. История французского языка [Текст]: учебник для бакалавров / Л.М. Скредина, Л.А. Становая. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2017. – 463 с.
142. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт и идеология [Текст] / Г.Г. Слышкин // Известия ВолГПУ. – Волгоград: ВолГСПУ. – 2005. – № 3 (12). – С. 10-18.
143. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование [Текст] / Г.Г. Слышкин // Вестник ВГУ. Серия «лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж: ВГУ. – 2004. – № 1. – С. 29-34.
144. Смирнов А.Г. Элементы варварской и христианской культур в рыцарском автостереотипе [Текст] / А.Г. Смирнов // Вестник МГУ. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 2. – С. 114-119.
145. Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. К вопросу о методике дискурсивного анализа [Текст] / О.А. Сулейманова, О.Г. Лукошус // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Отв. ред. О.А. Сулейманова. – М.: Ленанд, 2018. – С. 62-82.

146. Суприянович А.Г. В слезах и во славе: Гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе [Текст] / А.Г. Суприянович. – М.; СПб. Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 264 с.
147. Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь [Текст] / В.А. Татаринов; Российское терминологическое общество РоссТерм. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.
148. Телия В.Н., Графова Т.А. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности [Текст]: коллективная монография / В.Н. Телия, Т.А. Графова / Институт языкознания. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
149. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь [Текст] / Отв. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. серии Л.П. Репина – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
150. Томберг О.В. Образ. Ценность. Культура: лингвоаксиологические аспекты изучения художественных образов древнеанглийской литературы [Текст] / О.В. Томберг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 312 с.
151. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка [Текст] / Д. Тош / пер. с англ. – М: Издательство «Весь Мир», 2000. – 296 с.
152. Тропина Т.Н. Символизация цвета в культуре Средневековья [Текст] / Т.Н. Тропина // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Образование. Наука. Культура» (21 ноября 2014 г.): сборник научных статей / под общ. ред. Б.В. Илькевича, отв. ред. Н.В. Соловьева. – Гжель: ГГХПИ, 2015. – С. 784-788.
153. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках [Текст] / И.В. Троцук // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2004 – №6-7. – С. 56-74.
154. Трунова О.В., Бубнова И.А. Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности [Текст] / О.В. Трунова, И.А. Бубнова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – М.: МГПУ. – 2017. – № 2 (26). – С. 62-71.
155. Тюпа В.И. Художественный дискурс: введение в теорию литературы [Текст] / В.И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.

156. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. [Текст] / Х. Уайт; пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
157. Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках [Текст] / П.Ю. Уваров. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 280 с.
158. Успенский Б.А. Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 608 с.
159. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011. – 344 с.
160. Успенский Б.А. Семиотика искусства [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
161. Франкопан П. Первый крестовый поход: Зов с Востока [Текст] / П. Франкопан. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 352 с.
162. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века [Текст] / Н.А. Хачатурян; отв. ред. Л.П. Репина. – М.: Наука, 2008. – 313 с.
163. Хачатурян Н.А. Общественная система и принцип относительности к вопросу о содержании концепт-явления "феодализм" [Текст] / Н.А. Хачатурян // Средние века. – М.: Наука. – 2007. – Т. 68. – С. 6-35.
164. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. [Текст] / Н.А. Хачатурян. – М.: Высш. шк., 1989. – 272 с.
165. Хейзинга Й. Осень Средневековья [Текст] / Й. Хейзинга / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
166. Хлезов А. Краткая история Средних веков: Эпоха, государства, сражения, люди [Текст] / А. Хлезов. – СПб.: ТИД Амфора, 2008. – 366 с.
167. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста [Текст]: учебное пособие. – Изд. 5-е / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
168. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ [Текст] / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 240 с.

169. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность [Текст] / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
170. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры [Текст] / Г.Г. Шпет / отв. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2007. – 244 с.
171. Шурупова О.С. К вопросу о сверхтексте [Текст] / О.С. Шурупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 7 (18). – Ч. I. – С. 225-227.
172. Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья [Текст] / О.Г. Эксле; пер. с нем. и предисл. Ю.Е. Арнаутовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 360 с.
173. Эксле О.Г. Как возникали ценности в средневековом обществе? [Текст] / О.Г. Эксле / пер. с нем. К.А. Левинсона // В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 7-30.
174. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. [Текст] / М. Элиаде. – Т.3. От Магомета до Реформации. Пер. с фр. – М.: Критерий, 2002. – 352 с.
175. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII веков [Текст] / А.Л. Ястребицкая. – М.: Искусство, 1978. – 175 с.
176. Ястребицкая А.Л. Роль историка культуры сегодня [Текст] / А.Л. Ястребицкая // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть III. Средневековый человек и его мир. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 7-11
177. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке [Текст] / А.Л. Ястребицкая. – М.: Интерпракс, 1995. – 416 с.
178. Arnaud C. Axiologie 4.0 : proposition pour une nouvelle axiologie [Electronic resource] / C. Arnaud. – Lyon: Armand Colin, 2012 – URL: <https://www.axiologie.org>, свободный. – Дата обращения 20.11.2019.
179. Aurell M. Chevalerie et christianisme aux XIIe et XIIIe siècles [Text] / M. Aurell, C. Girbea. – Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2011. – 324 p.

180. Aurell M. Chevaliers et chevalerie chez Raymond Lulle [Text] / M. Aurell // Raymond Lulle et le Pays d'Oc: Cahiers de Fanjeaux. – Toulouse: Editions Privat. – 1987. – № 22. – P. 141-168.
181. Aurell M. Complexité sociale et simplification rationnelle: dire la stratification au Moyen Age [Text] / M. Aurell // Cahiers de civilisation médiévale. – 2005. – № 189. – P. 5-15.
182. Aurell M. Fin'amors, féodalité et wadd dans la lyrique des troubadours [Text] / M. Aurell // L'Espace lyrique méditerranéen au Moyen Age: nouvelles approches. Actes du colloque de l'Université de Nantes, 25-27 mars 2004; dir. D. Billy, F. Clément, A. Combes. – Toulouse: PUM, 2006, – P. 77-88.
183. Aurell M. La Noblesse au XIIIe siècle: paraître, pouvoir et savoir [Text] / M. Aurell // XLII Semana de Estudios Medievales: Discurso, memoria y representación: la nobleza peninsular en la Baja Edad Media (Estella-Lizarra, 21-24 julio 2015). – Estella: Gobierno de Navarra. – № 42. – P. 7-33.
184. Aurell M. La chevalerie urbaine en Occitanie (fin Xe-début XIIIe siècle) [Text] / M. Aurell // Les élites urbaines au Moyen Âge: Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. – Rome: Publications de la Sorbonne; Ecole française de Rome. – 1996. – № 27. – P. 71-118.
185. Aurell M. Le chevalier lettré. Savoir et conduite de l'aristocratie aux XII-XIII siècles [Text] / M. Aurell. – Poitiers: Fayard, 2011. – 539 p.
186. Baczkó B. La responsabilité morale de l'historien [Text] / B. Baczkó. – Paris: Publications de La Sorbonne, 2016. – 39 p.
187. Barthélemy D. La chevalerie. De la Germanie antique à la France du XII siècle [Text] / D. Barthélemy. – Paris: PERRIN, 2012. – 619 p.
188. Barthélemy D. La mutation de l'an mil, a-t-elle eu lieu?: Servage et chevalerie dans la France des Xe et XIe siècles [Text] / D. Barthélemy. – Paris: Fayard, 1997. – 373 p.
189. Barthélemy D. La théorie féodale à l'épreuve de l'anthropologie (note critique) [Text] / D. Barthélemy // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 1997. – № 2. – P. 321-341.

190. Barthélemy D. Le monde merveilleux des preux chevaliers [Text] / D. Barthélemy // Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues / Sous la direction de N. Weill-Parot et V. Sales. – Paris: Vendémiaire, 2017. – P. 95-107.
191. Barthélemy D. Note sur le « titre chevaleresque », en France au XI^e siècle [Text] / D. Barthélemy // Journal des savants. – 1994. – № 1. – P. 101-134.
192. Barthes R. Le discours de l'histoire [Text] / R. Barthes // Le bruissement de la langue. Essais critiques IV. – Paris: Seuil, 1993. – P. 65-75.
193. Bloch M. La France sous les derniers Capétiens (1223-1328) [Text] / M. Bloch // Cahier des Annales. – Paris: Librairie Armand Colin. – 1971. – № 13. – 130 p.
194. Bloch M. La société féodale [Text] / M. Bloch. – Paris: Albin Michel, 1994. – 702 p.
195. Bourassin E. Les chevaliers: splendeur et crépuscule [Text] / E. Bourassin. – Paris: Tallandier, 1995. – 240 p.
196. Brouquet S. Idées fausses et réalités du Moyen Âge. Du mythe aux dernières données historique [Text] / S. Brouquet. – Rennes: Éditions Ouest -France, 2017. – 175 p.
197. Cassagnes-Brouquet S. Chevaleresse: une chevalerie au féminin [Text] / S. Cassagnes-Brouquet. – Paris: Perrin, 2013. – 251 p.
198. Coffin C. Historical discourse: The language of time, cause and evaluation [Text] / C. Coffin. – London: Bloomsbury Publishing, 2009. – 224.
199. Cohen G. Histoire de la chevalerie en France du Moyen Age [Text] / G. Cohen. – Paris: Richard-Masse, 1949 – 225 p.
200. Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept [Text] / R.W. Connell, J.W. Messerschmidt // Gender and Society. – London: Sage Publications. – Vol. 19. – № 6. – 2005. – P. 829-859.
201. De Charny G. Le Livre De Chevalerie [Text] / G. De Charny // Chroniques. Œuvres de Froissart publiées avec les variantes des divers manuscrits, l'édition 1867-1877. – Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. – T. I. – P. II et III. – p. 463-533.
202. Duby G. La Féodalité? Une mentalité médiévale [Text] / G. Duby // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 1958. – № 4. – P. 765-771.
203. Duby G. La société chevaleresque. Homme et structures du Moyen Age [Text] / G. Duby. – Paris: Champs histoire, 2008. – 219 p.

204. Duby G. Mâle Moyen Age. De l'amour et autres essais [Text] / G. Duby. – Paris: Champs histoire, 2010. – 267 p.
205. Flori J. Chevaliers et chevalerie au Moyen Age [Text] / J. Flori. – Paris: Hachette Littératures, 1998. – 307 p.
206. Flori J. Guerre et chevalerie au moyen âge (à propos d'un ouvrage récent) [Text] / J. Flori // Cahiers de civilisation médiévale. – 1998. – № 164. – P. 353-363.
207. Flori J. La chevalerie [Text] / J. Flori. – Paris: Gisserot, 2015. – 191 p.
208. Flori J. L'idéologie du glaive: Préhistoire de la chevalerie [Text] / J. Flori. – Genève: Librairie Droz, 2009. – 216 p.
209. Flori J. Pour une histoire de la chevalerie. L'adoubement dans les romans de Chrétien de Troyes [Text] / J. Flori // Romania. – T. 100. – № 397. – 1979. – P. 21-53.
210. Gautier L. La Chevalerie [Text] / L. Gautier. – Paris: Librairie Universitaire, 1894. – 3 éd. – 851 p.
211. Guizot F. Histoire générale de la civilisation en Europe [Text] / F. Guizot. – Paris, 1870. – 415 p.
212. Icher F. La société médiévale. Codes, rituels et symboles [Text] / F. Icher. – Paris: Edition de la Martinière, 2000. – 228 p.
213. Lavrentiev A.M. Développement de la base de français médiéval: qualité philologique, ouverture et outillage textométrique [Text] / A.M. Lavrentiev // Человек. Язык. Время. Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с международным участием / Отв. Ред. Л.Г. Викулова. – М.: МГПУ, 2015. – С. 228-231.
214. La Curne de Sainte-Palaye J.-B. Mémoires sur l'ancienne chevalerie [Text] / J.-B. La Curne de Sainte-Palaye. – Paris: Girard, 1826. – 487 p.
215. Le Goff J. Héros et merveilles du Moyen Age [Text] / J. Le Goff. – Paris: Seuil, 2008. – 221 p.
216. Le Goff J. Rire au Moyen Age [Text] / J. Le Goff // Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques. – Paris: EHESS/CNRS. – 1989. – № 3. – P. 3-16.
217. Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues [Text] / Sous la direction de N. Weill-Parot et V. Sales. – Paris: Vendémiaire, 2017. – 409 p.

218. Lett D. Hommes et femmes au Moyen Age. Histoire du genre XII-XV siècles [Text] / D. Lett / Ouvrage dirigé par G. Buhrer-Thierry. – Paris: Armand Collin, 2013. – 222 p.
219. Martinez-Gros G. Le mythe des croisades [Text] // Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues / Sous la direction de N. Weill-Parot et V. Sales. – Paris: Vendémiaire, 2017. – P. 65-79.
220. Marty-Dufaut J. Les chevaliers [Text] / J. Marty-Dufaut. – Géménos: Editions Autres Temps, 2014. – 160 p.
221. Minyar-Beloroucheva A.P. Critical analysis of historical discourse [Text] / A.P. Minyar-Beloroucheva // International Research Journal. – 2016. – № 10 (52). – Vol. 3. – P. 65-67.
222. Modigliani D. Fragments pour une poétique du discours historique [Text] / D. Modigliani. – Paris: Harmattan, 2013. – 294 p.
223. Nadot S. Rompez les lances ! Chevaliers et tournois au Moyen Age [Text] / S. Nadot. – Paris: Editions Autrement, 2010. – 221 p.
224. Pauphilet A. Etudes sur la "Queste del Saint Graal" attribuée à Gautier Map [Text] / A. Pauphilet. – Genève: Slatkine reprints, 1996. – 206 p.
225. Quevillon G. Le roi et l'ermite: discours et idéologies chevaleresques dans les premières proses du Graal (Perlesvaus, le Haut livre du Graal et la Queste del Saint Graal) [Text] / G. Quevillon. – Montréal: Université de Montréal, 2009. – 115 p.
226. Roy J.-J.-É. Histoire de la chevalerie [Text] / J.-J.-É. Roy. – Tours: Mame & Cie, 1851. – 284 p.
227. Scobeltzine A. L'art féodal et son enjeu social [Text] / A. Scobeltzine. – Paris: Gallimard, 1973. – 324 p.
228. Thuillier G., Tulard J. La Morale de l'histoire [Text] / G. Thuillier, J. Tulard. – Paris: Economica, 1995. – 87 p.
229. Thuillier G., Tulard J. Le métier de l'historien [Text] / G. Thuillier, J. Tulard. – Paris: PUF ; Que sais'je, 1991. – 128 p.
230. Veyne P. Comment on écrit l'histoire [Text]. – Paris: Seuil, 1978. – 439 p.
231. Vikoulova L., Sérébrennikova E. Vers le conceptuel dans l'évolution du mot: lexème VALEUR [Text] / Vikoulova L., Sérébrennikova E. // Cahiers franco-russes de linguistique et de didactique. Enseignement et apprentissage du français et du russe

langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques. – Paris: Editions multilingues fractions, 2014. – №1. – P. 83-89.

232. Vissière L. Des siècles de guerres cruelles [Text] / L. Vissière // Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues / Sous la direction de N. Weill-Parot et V. Sales. – Paris: Vendémiaire, 2017. – P. 45-65.

233. Zink M. Littérature française du Moyen Age [Text] / M. Zink. – Paris: PUF, 1992. – 397 p.

234. Zink M. Prouesse du fort, courage du faible [Electronic resource] / M. Zink // Séance publique annuelle des cinq académies, mardi 25 octobre 2005, dédiée au chancelier Pierre Messmer. – Paris: Palais de l'Institut, 2005. – 71 p. – URL: <http://www.lemonde.fr/idees/article/2005/10/25/>, свободный. – Дата обращения 20.02.2020.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

235. Нимская телега [Текст] / пер. со старофр. Ю. Корнеева; Серия «Библиотека всемирной литературы». Т. 10. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1976. – С. 217-259.

236. Песнь о Роланде [Текст] / пер. со старофр. Ю. Корнеева; Серия «Библиотека всемирной литературы». Т. 10. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1976. – С. 27-147.

237. BFM-AN – Aucassin et Nicolette, édité par M. Roques [Electronic resource]. – Paris: Champion, 1929; Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision le 2011-01-20. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/aucassin>, свободный. – Дата обращения 20.06.2019.

238. BFM-CB – Les chansons de Conon de Béthune (1160-1220) [Electronic resource] / édité par A. Wallensköld. – Paris: H. Champion, 1921. – 74 p. – Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision en mai 2013. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/cobe>, свободный. – Дата обращения 20.08.2019.

239. BFM-CG – Chanson de Guillaume, édité par D. Mc. Millan [Electronic resource]. – Paris: Picard, 1949; Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision le 2013-06-01. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/guill>, свободный. – Дата обращения 20.06.2019.

240. BFM-CR – Chanson de Roland, édité par G. Moignet [Electronic resource]. – Paris: Bordas, 1972; Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision le 2006-06-30. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/roland>, свободный. – Дата обращения 20.06.2019.
241. BFM-EE – Érec et Énide, édité par P. Kunstmann [Electronic resource]. – Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision le 2013-06-16. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu>, свободный. – Дата обращения 20.09.2019.
242. BFM-Perc – Conte du Graal ou Perceval, édité par P. Kunstmann [Electronic resource]. – Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision le 2013-06-16. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/perceval>, свободный. – Дата обращения 20.09.2019.
243. BFM-QSG – Queste del saint Graal, édité par Ch. Marchello-Nizia et A. Lavrentiev [Electronic resource]. – Lyon: Equipe BFM. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision le 2013-07-19. – URL: http://catalog.bfm-corpus.org/qgraal_cm, свободный. – Дата обращения 20.08.2019.
244. BFM-Yvain – Chevalier au Lion ou Yvain, édité par P. Kunstmann [Electronic resource]. – Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien, ATILF. Publié en ligne par la Base de français médiéval, dernière révision en juin 2013. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/YvainKu>, свободный. – Дата обращения 20.08.2019.
245. La Chanson du Pèlerinage de Charlemagne [Text] / édité par G. Paris. – Paris: Daupéley-Gouverneur, 1880. – 50 p.
246. LAIS – 14 Lais Bretons de Marie de France: en Anglo-normand avec la traduction française [Electronic resource] / edité par J.H. Prévost. – Cambrai: Jacques Prévost. – 319 p. – URL: <http://www.jacques.prevost.free.fr>, свободный. – Дата обращения 20.07.2019.
247. LANCELOT. Roman en prose du XIIIe siècle [Electronic resource] / édité par A. Micha, trad. par M. de Combarieu du Grès. – Rennes: Université Rennes 2 Haute Bretagne, Centre d'Études des Textes Médiévaux. – URL: <https://www.sites.univ-rennes2.fr/celam/cetm/combarieu/LG-accueil.htm>. – Дата обращения 20.06.2019.

248. Li Charrois de Nymes. Guillaume d'Orange: chansons de geste des XIe et XIIe siècles [Text] / ed. par W.J.A. Jonckbloet. – Haye: Martinus Nyhoff, 1854. – V.1. – P. 73-213.

249. Ventadorn de B. Pel doutz chan quel rossinhols fai: Complete Works [Electronic resource]. – URL: http://www.trobar.org/troubadours/bernart_de_ventadorn. – Дата обращения 20.06.2019.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

250. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. [Текст] / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

251. Краткий латинско-русский богословский словарь [Текст] / Сост. С. Тышкевич. – Нью-Йорк: Russian Center, Fordham University, 1954. – 129 с.

252. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

253. Петрученко О. Латинско-русский словарь [Текст] / О. Петрученко. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Щичалина, 2001. – 9-е изд. – 816 с.

254. Словарь средневековой культуры [Текст] / Под ред. А.Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – 662 с.

255. Ancien français. Fiches de vocabulaire [Text] / Sous la dir. de N. Andrieux-Reix. – Paris: PUF, 2011. – 250 p.

256. Baumgartner E. Dictionnaire étymologique et historique de la langue française [Text] / E. Baumgartner, Ph. Menard. – Paris: Le livre de poche, 1996. – 843 p.

257. DEAF – Dictionnaire Étymologique de l'Ancien Français [Electronic resource] / LFA, Université d'Ottawa – ATILF, CNRS & Université de Lorraine. – URL: www.atilf.fr/dect. – Дата обращения: 24.10.2019.

258. DECT – Dictionnaire électronique de Chrétien de Troyes [Electronic resource]. – Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien, ATILF/CNRS et Université de Lorraine, dernière révision en décembre 2014. – URL: <http://www.atilf.fr/dect>, свободный. – Дата обращения 20.02.2020.

259. DHLF – Dictionnaire historique de la langue française. Nouvelle édition augmentée [Text] / Sous la dir. de A. Rey, M. Tomi, Ch. Tanet, T. Hordé. – Paris: SEJER, 2010. – 10899 p.

260. Dictionnaire du Moyen Âge [Text] / Sous la dir. de Cl. Gauvard, A. de Libera et M. Zink. – Paris: Quatridge / PUF, 2002. – 1547 p.
261. DMF – Dictionnaire du moyen français (1330-1500) [Electronic resource]. – ATILF – CNRS & Université de Lorraine. Dernière révision le 2016-02-01. – URL: <http://www.atilf.fr/dmf>, свободный. – Дата обращения 20.08.2019.
262. Histoire culturelle de la France [Text] / Sous la dir. de J.-P. Rioux, J.-F. Sirinelli. – Vol.1. Le Moyen Age / Sous la dir. de M. Sot, J.-P. Boudet, A. Guerreau-Jalabert. – Paris: Seuil, 2005. – 463 p.
263. Manuel de TXM Version 0.7. – Lyon: ENS de Lyon, 2014. – 166 p.
264. Matoré G. Le vocabulaire et la société médiévale [Text] / G. Matoré. – Paris: PUF, 1985. – 336 p.
265. Mazure A. Dictionnaire étymologique de la langue française, usuelle et littéraire [Electronic resource] / A. Mazure. – Paris: Librairie Classique d'Eugène Belin, 1863. – 562 p. – URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6483273w/f14.image>, свободный. – Дата обращения: 06.09.2019.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

266. ATILF – Analyse et Traitement Informatique de la Langue Française. [Electronic resource]. – URL: <http://www.atilf.fr/>, свободный. – Дата обращения: 26.07.2019.
267. CNRTL – Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Electronic resource]. – URL: <http://www.cnrtl.fr/dictionnaires/anciens/>, свободный. – Дата обращения: 26.06.2019.
268. eLIBRARY – научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU» [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp/>, свободный. – Дата обращения: 26.06.2019.
269. Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle, 1880-1895, en 10 vol. [Electronic resource] / F. Godefroy. – URL: <http://micmap.org/dicfro/search/dictionnaire-godefroy>, свободный. – Дата обращения: 26.07.2019.
270. LITTRE – Dictionnaire de la langue française, par É. Littré [Electronic resource]. – URL: <https://www.littre.org/definition>, свободный. – Дата обращения: 03.09.2019.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение №1 «Правила куртуазного речевого поведения (по М. Ореллу)»

1. Avoir de bonnes capacités communicatives – обладать хорошими коммуникативными навыками;
2. Dénoncer des signes afin de ne pas offenser l'interlocuteur – не использовать знаки/жесты, чтобы не задеть/обидеть собеседника;
3. Donner de belles réponses et prononcer de belles paroles – давать элегантные ответы и произносить красивые речи;
4. Être attentif à l'interlocuteur le regardant dans les yeux – быть внимательным к собеседнику, смотреть ему в глаза;
5. Être modéré et agréable – быть сдержанным и приятным;
6. Eviter les accusations injustes – избегать несправедливых обвинений;
7. L'hypocrisie du chevalier courtois ne doit pas être exagérée – лицемерие куртуазного рыцаря не должно быть чрезмерным;
8. La conversation est indispensable à table – необходимо поддерживать беседу за столом;
9. La mesure dans la voix entre murmure et cri – голос должен быть средним между шепотом и криком;
10. Le bon accueil et à la gentillesse – проявлять гостеприимство и любезность;
11. Le visage souriant mais pas moqueur – лицо должно быть улыбчивым, но не насмешливым;
12. Ne pas aborder les sujets honteux, frivoles ou inconvenants : ébriété, envie, haine, luxure – не затрагивать постыдных, легкомысленных или неприемлемых тем: пьянство, зависть, ненависть, вожделение;
13. Ne pas parler la bouche pleine – не говорить с полным ртом;
14. Parler aimablement aux autres – говорить любезно/доброжелательно;
15. Parler mais peu – говорить мало;
16. Pas de jugement négatif de valeur des personnes – не выносить негативных оценочных суждений о других;
17. Rester sociable – оставаться общительным;
18. Savoir choisir et prononcer les formules de politesse selon les circonstances – уметь выбирать и произносить формулы вежливости в подходящих условиях;
19. Utiliser la maîtrise de grammaire, la clarté de la diction et la prononciation selon l'accent prestigieux – использовать навыки в грамматике, обладать четким произношением и использовать престижный акцент;
20. Utiliser les expressions élégantes et les termes étrangers bien prononcés – употреблять изящные выражения и уметь правильно произносить иноязычные слова.

(Aurell M. Le chevalier lettré. Savoir et conduite de l'aristocratie aux XII-XIII siècles. – Poitiers: Fayard, 2011. – P. 355-361).

Приложение №2 «Правила куртуазной любви (по А. Капеллану)»

1. A la mort de son amant, le survivant doit attendre deux ans – вдова/вдовец должен подождать два года после смерти супруга;
2. Amour nouveau chasse l'ancien – новая любовь изгоняет старую;
3. Ce que l'amant obtient sans le gré de son amante n'a aucune saveur – то, что возлюбленный получает против воли своей дамы, не имеет никакой ценности;
4. Celui que tourmente le souci d'amour mange moins et dort peu – тот, кого тревожат муки любви, ест меньше и мало спит;
5. Celui que tourmente trop la luxure n'aime pas vraiment – тот, кого сильно мучает страсть, не любит на самом деле;
6. Il est certain que toujours l'amour augmente ou diminue – любовь всегда увеличивается и уменьшается;
7. Il ne convient pas d'aimer une femme qu'on aurait honte d'épouser – не следует любить женщину, которую стыдно взять в жены;
8. L'amant ne peut se rassasier des plaisirs qu'il trouve auprès de celle qu'il aime – любовник не может пресытиться удовольствиями, которые получает от своей возлюбленной;
9. L'amant ne saurait rien refuser à son amante – любовник ни в чем не откажет своей возлюбленной;
10. L'amour déserte toujours le domicile de l'avarice – любовь всегда берет верх над алчностью/жадностью;
11. L'amoureux est toujours craintif – влюбленный всегда робок/пуглив;
12. La vraie jalousie fait toujours croître l'amour – настоящая ревность всегда подпитывает любовь;
13. Le mariage n'est pas une excuse valable pour ne pas aimer – свадьба не является оправданием не любить;
14. Le plus petit soupçon pousse l'amant à suspecter le pire chez sa bien-aimée – наименьшее подозрение заставляет влюбленного ожидать наихудшего от своей возлюбленной;
15. Le véritable amant est obsédé sans relâche par l'image de celle qu'il aime – истинный влюбленный неустанно одержим образом своей возлюбленной;
16. Le véritable amant ne désire d'autres étreintes que celles de son amante – истинный влюбленный жаждет объятий только от своей возлюбленной;
17. Le véritable amant ne trouve rien de bien en dehors de ce qu'il pense plaire à son amante – истинный влюбленный заинтересован лишь тем, что может понравиться своей возлюбленной;
18. Personne ne doit être privé de l'objet de son amour sans la meilleure des raisons – никто не должен быть лишен объекта любви без причины;
19. Personne ne peut aimer vraiment sans y être incité par l'amour – Никто не может истинно полюбить, не будучи побужденным любовью;
20. Personne ne peut être lié par deux amours à la fois – никто не может любить двух человек одновременно;
21. Quand l'amour est divulgué, il dure rarement – когда любовь становится общеизвестной, она длится не долго;

22. Quand un amant aperçoit brusquement celle qu'il aime, son cœur doit commencer à tressaillir – когда влюбленный неожиданно замечает свою возлюбленную, его сердце должно содрогаться;
23. Qui n'est pas jaloux ne peut aimer – кто не ревнует, тот не может любить;
24. Rien n'empêche une femme d'être aimée par deux hommes et un homme d'être aimé par deux femmes – ничто не мешает женщине быть возлюбленной двух мужчин, а мужчине – быть возлюбленным двух женщин;
25. Seule la vertu rend quelqu'un digne d'être aimé – только добродетель делает человека достойным любви;
26. Si l'amour diminue, il disparaît rapidement, et il est bien rare qu'il reprenne vigueur – если любовь проходит, она исчезает быстро, и вряд ли она возобновится;
27. Soupçonne-t-on son amante, la jalousie et la passion augmentent – если к возлюбленной появляются подозрения, ревность и страсть усиливаются;
28. Tout acte de l'amant à sa fin dans la pensée de celle qu'il aime – каждое действие влюбленного связано с его возлюбленной;
29. Tout amant doit pâlir en présence de son amante – каждый влюбленный должен бледнеть в присутствии своей возлюбленной;
30. Une conquête facile rend l'amour sans valeur : une conquête difficile lui donne du prix – быстрое завоевание дамы обесценивает любовь: долгое завоевание придает любви ценность.

(Le Chapelain A. Traité de l'amour courtois; trad., introd. et not. par C. Buridant. – Paris: Klincksieck, 1974. – 260 p.)

Приложение № 3 «Рыцарские законы»

1. Рыцарям вменяется в обязанности иметь страх Божий, чтить Его, служить Ему и любить Его всеми силами своими, всей крепостью своей; сражаться за веру и в защиту религии; умирать, но не отречься от христианства;
2. Рыцари обязаны служить своему законному государю и защищать свое отечество, не жалея для него и самой жизни;
3. Щит рыцарей должен быть прибежищем слабого и угнетенного; мужество рыцарей должно поддерживать всегда и во всем правое дело того, кто к ним обратится;
4. Да не обидят рыцари никогда и никого и да убоятся более всего злословием оскорблять дружбу, непрочность отсутствующих, скорбящих и бедных;
5. Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками, но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью;
6. Да повинуются они начальникам и полководцам, над ними поставленным; да живут они братски с себе равными, и гордость, и сила их да не возобладают ими в ущерб прав ближнего;
7. Они не должны вступать в неравный бой, не должны идти несколько против одного, но должны избегать всякого обмана и лжи;
8. Да не употребят они никогда в дело острия меча на турнирах и на других увеселительных боях;
9. Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего чистого доверия малейшей ложью; да сохраняют они непоколебимо это доверие ко всем, и особенно к своим сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие;
10. Да не положат они оружия, пока не окончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да преследуют они его денно и ночно в течение года и одного дня;
11. Если во время преследования начатого ими подвига кто-нибудь предупредит их, что они едут по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь наводит там на всех ужас, или что дорога ведет там в губительное место, откуда путнику нет возврата, да не обращаются они вспять, но да продолжают путь свой, даже и в таком случае, когда убедятся в неотвратимой опасности и неминуемой смерти, лишь бы была видна польза такого предприятия для их сограждан;
12. Да не принимают они титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечество;
13. Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, введенными их начальству; да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха или нанесет малейший вред на земле союзника;
14. Да блюдут они честное свое слово и обещание, данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп, или да возвращаются ли, по обещанию, в означенные день и час в тюрьму. В противном случае они будут объявлены бесчестными и вероломными;
15. По возвращении ко двору государей, да отдадут они верный отчет о своих похождениях, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им в пользу, королю и начальникам под опасением исключения из рыцарства.

(Руа Ж.Ж., Мишо Ж.Ф. История рыцарства. – М.: Эксмо, 2007. – С. 33-34)

Приложение №4 «Персоналии авторов научно-исторического дискурса»

Автор	Официальный статус	Сферы научных интересов	Список использованных трудов
Бессмертный, Юрий Львович (1923-2000)	Доктор исторических наук, руководитель исследовательских групп в Институте всеобщей истории РАН, организатор журнала <i>Одиссей. Человек в истории</i>	Социальный строй Средневековья, феодальная деревня и город, историческая демография, история средневекового рыцарства	• Странное счастье рыцаря (Казус-2002, 2002). • Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII-XIII веков (по северофранцузским и западнонемецким материалам) (Наука, 1969). • «Феодальная революция» X-XI вв.? (Вопросы истории, 1984). • Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное (Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени, 1996).
Гуревич, Арон Яковлевич (1924-2006)	Доктор исторических наук, лауреат Государственной премии РФ, глава центра исторической и культурной антропологии Института всеобщей истории РАН, член Академии гуманитарных исследований, Американской академии медиевистики, Королевского общества историков Великобритании	История средневековой европейской культуры, историография, методология истории, народная культура, культурная антропология и французская школа «Анналов»	• Избранные труды. Средневековый мир (Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007). • Индивид и социум на средневековом Западе (РОССПЭН, 2005). • Категории средневековой культуры (Искусство, 1984). • Послесловие. Цивилизация средневекового Запада (У-Фактория, 2005). • Проблемы средневековой народной культуры (Искусство, 1981). • Феодальное средневековье: что это такое? Размышление медиевиста на грани веков (Одиссей. Человек в истории, 2002). • История Средних веков. Учебник (Интерфакс, 1995).
Гутнова, Евгения Владимировна (1914-1992)	Доктор исторических наук, профессор МГУ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР	История Западной Европы в Средние века, историография истории, идеология и классовая борьба Средневековья	• Западноевропейский регион в XI-XV вв. (История Европы. Т. 2: Средневековая Европа, 1992).

Лучицкая, Светлана Игоревна (1960-)	Доктор исторических наук, директор Центра культурной и исторической антропологии Института всеобщей истории РАН	История религии в Средние Века, Крестовые походы, иконография, культура и общество Средневековья	• Предательство и измена в chansons de geste XII-XIII вв. (Предательство: опыт исторического анализа, 2012). • Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья (Одиссей. Человек в истории, 2004). • Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII века (Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени, 1997).
Оссовская, Мария Петровна (1896-1974)	Доктор философии, директор Института истории и теории этики Польской академии наук, специалист по семантике,	Теория и история этики, социология, семантика, история морали, этос рыцарской культуры	• Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали (Прогресс, 1987).
Хачатурян, Нина Александровна (1931-)	Доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ	Политическая история средневековой Франции, теория историографии, королевская власть, придворная культура и дворянство	• Власть и общество в Западной Европе в Средние века (Наука, 2008). • Общественная система и принцип относительности к вопросу о содержании концепт-явления "феодализм" (Средние века, 2007). • Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. (Высш. шк., 1989).
Ястребицкая, Алла Львовна (1932-2010)	Доктор исторических наук, редактор <i>Советской исторической энциклопедии</i>	Средневековая Европа, городская культура, история книгопечатания, французская медиевистика	• Западная Европа XI-XIII веков (Искусство, 1978). • Роль историка культуры сегодня (Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть III. Средневековый человек и его мир, 1994). • Средневековая культура и город в новой исторической науке (Интерпракс, 1995).
Aurell, Martin (1958-)	Доктор исторических и филологических наук, директор Центра исследований	Генеалогия и вопросы родства в Средневековье, классовое устройство и власть, матримониальные	• Chevalerie et christianisme aux XIIe et XIIIe siècles (Presses Universitaires de Rennes, 2011). • Chevaliers et chevalerie chez Raymond Lulle (Raymond

	средневековой цивилизации, директор журнала <i>Cahiers de civilisation médiévale</i>	традиции, знать и военная аристократия на Западе V-XV вв.	Lulle et le Pays d'Oc: Cahiers de Fanjeaux, 1987). • Complexité sociale et simplification rationnelle: dire la stratification au Moyen Age (Cahiers de civilisation médiévale, 2005). • Fin'amors, féodalité et wadd dans la lyrique des troubadours (L'Espace lyrique méditerranéen au Moyen Age: nouvelles approches, 2006). • La Noblesse au XIIIe siècle: paraître, pouvoir et savoir (XLII Semana de Estudios Medievales: Discurso, memoria y representación: la nobleza peninsular en la Baja Edad Media, 2015). • La chevalerie urbaine en Occitanie (fin Xe-début XIIIe siècle) (Les élites urbaines au Moyen Âge, 1996). • Le chevalier lettré. Savoir et conduite de l'aristocratie aux XII-XIII siècles (Fayard, 2011).
Barthélemy, Dominique (1953-)	Доктор исторических наук, профессор истории Средних веков	Феодално-сеньориальная система, историческая антропология, социальная мутация тысячного года, возникновение и идеология рыцарства	• La chevalerie. De la Germanie antique à la France du XII siècle (PERRIN, 2012). • La mutation de l'an mil, a-t-elle eu lieu?: Servage et chevalerie dans la France des Xe et XIe siècles (Fayard, 1997). • La théorie féodale à l'épreuve de l'anthropologie (note critique) (Annales. Histoire, Sciences Sociales, 1997). • Le monde merveilleux des preux chevaliers (Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues, 2017). • Note sur le « titre chevaleresque », en France au XIe siècle (Journal des savants, 1994).
Bloch, Marc (1886-1944)	Профессор истории Средних веков, основатель исторической школы и журнала <i>Annales. Histoire, Sciences</i>	Теория и методология истории, история «человека во времени», западноевропейский феодализм, аграрные	• La France sous les derniers Capétiens (1223-1328) (Cahier des Annales, 1971). • La société féodale (Albin Michel, 1994).

	<i>sociales</i> , кавалер Ордена Почетного Легиона	отношения во Франции.	
Bourassin, Emmanuel (1930-1999)	Историк-медиевист, публицист, обладатель трех премий Французской Академии	Придворная культура феодальной Франции, средневековые правители и герои, рыцарство и феодализм, войны Средневековья и Ренессанса	• Les chevaliers: splendeur et crépuscule (Tallandier, 1995).
Brouquet, Sophie (1957-)	Доктор исторических наук, доктор искусства и археологии	Средневековые в северо-западной Европе, городская культура, знать и генеалогия, статус женщины в Средние Века	• Idées fausses et réalités du Moyen Âge. Du mythe aux dernières données historique (Éditions Ouest -France, 2017). • Chevalereses: une chevalerie au féminin (Perrin, 2013).
Cohen, Gustave (1879-1958)	Профессор истории Средневековья, медиевист, лектор в университетах Амстердама, Страсбурга и Сорбонны, основатель культурного дома <i>Maison Descartes</i>	Медиевистика, история средневековой литературы, творчество Кретьена де Труа, история морали, театральное искусство	• Histoire de la chevalerie en France du Moyen Age (Richard-Masse, 1949).
Duby, Georges (1919-1996)	Доктор исторических наук, профессор в <i>Collège de France</i> , член Французской академии, Британской академии, Королевского общества историков Великобритании, Американской академии медиевистики, обладатель Большой премии Гобера в области истории	Западноевропейская средневековая ментальность, структуры феодального общества, гендерная история Средневековья и куртуазная культура, методология французской школы «Анналов»	• La Féodalité? Une mentalité médiévale (Annales. Histoire, Sciences Sociales, 1958). • La société chevaleresque. Homme et structures du Moyen Age (Champs histoire, 2008). • Mâle Moyen Age. De l'amour et autres essais (Champs histoire, 2010).
Flori, Jean (1936-2018)	Доктор искусств и гуманитарных наук, директор Центра изучения средневековой	Рыцарский идеал XI-XII вв., Крестовые походы и джихад, средневековая литература, история	• Chevaliers et chevalerie au Moyen Age (Hachette Littératures, 1998). • Guerre et chevalerie au moyen âge (à propos d'un

	цивилизации в Национальном центре научных исследований	ментальностей.	ouvrage récent) (Cahiers de civilisation médiévale, 1998). • La chevalerie (Gisserot, 2015). • L'idéologie du glaive: Préhistoire de la chevalerie (Librairie Droz, 2009). • Pour une histoire de la chevalerie. L'adoubement dans les romans de Chrétien de Troyes (Romania, 1979).
Guizot, François (1787-1874)	Историк, социолог, научный критик, политический и государственный деятель, член Французской Академии, министр	История европейской цивилизации, принцип историзма, история Франции, политические и революционные движения	• Histoire générale de la civilisation en Europe (Paris, 1870).
Icher, François (1958-)	Доктор исторических наук, профессор истории и географии, сотрудник Национального центра научных исследований	Братства и корпорации средневековой Франции, история мастеров и ремесел, средневековая социология, рыцарство	• La société médiévale. Codes, rituels et symboles (Edition de la Martinière, 2000).
Le Goff, Jacques (1924-2014)	Историк-медиевист, представитель <i>Новой исторической науки</i> , эссеист, публицист, первый директор Высшей школы социальных наук, редактор научно-исторического журнала <i>Annales</i> , составитель книжной серии <i>Становление Европы</i>	Европейская история, антропология, история ментальности, история государственного управления и королевских династий Франции	• Héros et merveilles du Moyen Age (Seuil, 2008). • Rire au Moyen Age (Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques, 1989).
Lett, Didier (1959-)	Доктор исторических наук, профессор средневековой истории	Гендер в Средние века, семейные и генеалогические отношения, социальная история	• Hommes et femmes au Moyen Age. Histoire du genre XII-XV siècles (Ouvrage dirigé par G. Buhrer-Thierry, 2013).
Martinez-Gros, Gabriel (1950-)	Профессор средневековой истории, руководитель института <i>l'Institut d'études de l'islam</i> , лектор в <i>École du</i>	Политическая история, история культуры Средневековья, культура мусульманского мира, Крестовые походы и	• Le mythe des croisades (Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues, 2017).

	<i>Louvre</i>	джихад, арабо-христианские войны	
Marty-Dufaut, Josy	Писатель-публицист, лектор, преподаватель филологии	Литература и история Средневековья, повседневная жизнь, гастрономия, средневековая семиотика и теория искусств	• Les chevaliers (Editions Autres Temps, 2014).
Vissière, Laurent (1971)	Доктор исторических наук, медиевист, архивист, палеограф, лектор средневековой истории в университете Paris-IV, секретарь ассоциации <i>Société de l'histoire de France</i>	Позднее Средневековье, история войны, франко-итальянские отношения эпохи Средневековья, история, культура и политика средневековой Франции	• Des siècles de guerres cruelles (Le vrai visage du Moyen Âge: au-delà des idées reçues, 2017).

Приложение №5 «Метаданные текстов средневекового художественного дискурса»

Автор, датировка	Название	Жанрово-стилистическая принадлежность	Используемая версия
Турольд (не подтверждено) Ок. 1100 г.	<i>Chanson de Roland</i> (Песнь о Роланде)	Героический поэтический эпос, жеста (<i>chanson de geste</i>) королевского цикла о Карле Великом.	URL: http://catalog.bfm-corpus.org/roland (30-06-2006).
Анонимный Ок. 1140 г.	<i>Chanson de Guillaume</i> (Песнь о Гильоме Оранжском)	Героический поэтический эпос, жеста (<i>chanson de geste</i>) малого цикла о Гильоме Оранжском.	URL: http://catalog.bfm-corpus.org/guill (01-06-2013).
Анонимный Начало XII в.	<i>Li Charrois de Nymes</i> (Нимская телега)		Издание В.Й.А. Йонкблута (1854 г.).
Анонимный Ок. 1150 г.	<i>La Chanson du Pèlerinage de Charlemagne</i> (Паломничество Карла Великого в Иерусалим и Константинополь)	Героический поэтический эпос, жеста (<i>chanson de geste</i>) полупародийного стиля из цикла <i>petit cycle des Reliques</i> .	Издание Г. Париса (1880 г.).
Кретъен де Труа 1160-1180 гг.	<i>Érec et Énide</i> (Эрек и Энида)	Рыцарский куртуазный роман в стихах артуровского цикла.	URL: http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu (16-06-2013).
	<i>Chevalier au Lion ou Yvain</i> (Ивейн или Рыцарь со львом)		URL: http://catalog.bfm-corpus.org/YvainKu (16-06-2013).
	<i>Conte du Graal ou Perceval</i> (Персеваль или Повесть о Граале)		URL: http://catalog.bfm-corpus.org/perceval (16-06-2013).
	<i>Cligès</i> (Клижес)		URL: http://catalog.bfm-corpus.org/CligesKu (06-05-2009).
	<i>Lancelot ou Le Chevalier de la Charrette</i> (Ланселот или Рыцарь телеги)		URL: http://catalog.bfm-corpus.org/CharretteKu (06-05-2009).
Анонимный Конец XII в. – начало XIII в.	<i>Aucassin et Nicolette</i> (Окассен и Николетта)	Шантефабль – пикардская сказка-песня в стихах и прозе; <i>chante-fable</i> идилического цикла.	URL: http://catalog.bfm-corpus.org/aucassin (20-01-2011).

Мария Французская 1190-1210 гг.		<i>Lai de Guigemar</i> (Лэ о Гижмаре)	Бретонские поэтические лэ (<i>lais</i>), из светской куртуазной лирики	Издание Б. де Рокфора (1820 г.); Ж. Прево. – URL: http://www.jacques.prevost.free.fr .
		<i>Lai d'Equitan</i> (Лэ об Аквитане)		
		<i>Lai de Lanval</i> (Лэ о Ланвале)		
		<i>Lai du Laïstic (Rossignol)</i> (Лэ о соловье)		
		<i>Lai du Chaitivel</i> (Несчастный или Четыре печали)		
Бернарт Вентадорн XII в.	де	<i>Pel doutz chan que.l rosinhols fai</i> (Нежная песнь соловья)	Куртуазная лирика окситанских трубадуров малых жанров с музыкальным сопровождением.	URL: http://www.trobar.org/troubadours/bernart_de_ventadorn
		<i>Pois preyatx me, senhor</i> (Так как вы просите меня, господи)		
		<i>Lancan folhon bosc e jarric</i> (Когда покроются дубы и леса)		
Конон де Бетюн XII в.		<i>Ahi ! Amors, com dure departie</i> (Ах! Любовь, как трудно расставаться)	Куртуазная лирика труверов малых жанров цикла <i>fin amor</i> с музыкальным сопровождением.	URL: http://catalog.bfm-corpus.org/cobe (24-05-2013).
Вальтер Мап / Томас Бекет (не подтверждено) 1215-1220 гг.		<i>Queste del saint Graal</i> (В поисках Святого Грааля)	Прозаический рыцарский роман цикла Вульгата (Ланселот-Грааль).	URL: http://catalog.bfm-corpus.org/qgraal_cm (19-07-2013).

Приложение №6 «Диаграмма частотности рыцарских ценностей в современном научно-историческом дискурсе»

